АНГАРА

6

1970

НОЯБРЬ

ДЕКАБРЬ

28/X 284

АНГАРА

6|70

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ГОД ИЗДАНИЯ 40-Й

ОРГАН ИРКУТСКОЙ И ЧИТИНСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции: г. Иркутск, ул. 5-й Армии, № 36, Дом писателей. Телефон 4-56-76.

Восточно-Сибирское книжное издательство

Исаак ГОЛЬДБЕРГ

БОЛЕЗНЬ

I

Канабеевский, Вячеслав Петрович, поручик, когда отбился вследствие болезни от своего отряда, в Варнацке скучно зазимовал.

Вначале, правда, было не до скуки. Товарищи, оставляя здесь Канабеевского, сжигаемого сыпняком, были уверены, что поручик совершает свой последний рейс. И целый месяц Канабеевский метался в бреду, в беспамятстве, на чистой половине пятистенного дома у Макара Иннокентьевича Черных, и все путал в бреду, кричал несуразное и непонятное. А узкоглазая рыхлая хозяйка терпеливо поила его травами, мазала медвежьим салом и удивлялась нежной девичьей коже больного.

— Чисто барышня!.. Ишь, какой гладкий!..

На второй месяц вернулось к Канабеевскому сознание. Жадно ухватился он за жизнь, стал быстро поправляться, стал наливаться силою — и затосковал, и заскучал.

В двойных рамах избы прочно сидели искрящиеся льды. За стенами металась февральская пурга. Дни стояли бессолнечные. И ночи волновали своим трепетным белым светом, неверным, обманчивым и тревожащим. Ковыляя исхудалыми и слабыми ногами по жарко натопленной комнате, Канабеевский тщетно старался разглядеть что-нибудь через заледенелые окна, чувствовал нараставшую тоску и спрашивал хозяйку:

— Устинья Николаевна, теплеть скоро станет?..

—Что ты, батюшка! — качала головою женщина. — Нонче еще сретенья только была. Теперь надолго еще закрутит... До тепла далеко. Далеко!..

Канабеевский вздыхал, хмурился и вспоминал о прошлом.

Прошлое казалось захватывающим; путь от далекого теперь Омска вставал в ореоле героизма. Стычки с красными. Отступление. Страшный и незабываемый путь в мертвой, суровой тайге, где все дышало неприязнью и опасностями. И на этом пути разбросанные, на-

спех вырытые могилы. Потом тяжкое забытье в огненном недуге. И теперь холодное, во льдах, молчание кругом, редкий собачий лай за толстыми стенами, услужливая широкая улыбка хозяйки и пытливые взгляды редких посетителей. Короткие бессолнечные дни и бесконечные, тревожащие ночи.

Втиснутый в бревенчатые границы своей комнаты, Канабеевский, набираясь сил, нетерпеливо ждал тепла. С теплом должно было прийти освобождение из невольного плена.

Те, теперь далекие товарищи, которые ушли к океану, оставили после себя надежду: когда Канабеевский пришел в себя и испуганно и изумленно стал впитывать в себя окружающее, хозяин Макар Иннокентьевич порылся в сундуке и подал ему письмо.

— Связчики это твои оставили. Наказывали, ежели оклемаешься, отдать. Возьми...

Канабеевский с жадностью прочитал письмо. Коротко и деловито начальник отряда сообщал ему, что весною за поручиком будут посланы люди. «Если у вас хватит сил, — писал начальник, — постарайтесь с пользой для дела прозимовать в Варнацке».

2

В двойных рамах прочно сидели льды. А за льдами многоверстно широкая Лена крылась изморозным маревом, нависали низкие, холодные небеса и к самому берегу прижались черные, снегом укутанные избы, сверлящие небо спиралями белого дыма, — маленькое стойбище людское: Варнацк.

На картах в редкой сетке рек и хребтов нарядно чернел Варнацк кружком, отмечавшим город. Но сорок кондовых крестьянских изб с жердяными изгородями, остроухие собаки и чуткие олени, легко несшие ветвистые рога свои, — смеялись над обозначением «город», и где-то в казенных ведомостях и списках в скобках скромно и застенчиво отмечалось: «заштатный».

По рекам, по тундрам гоняли с места на место оленьи стада тунгусы. Круглые чумы дышали дымком. Злые, но сдержанные собаки слушали тундровые, таежные шумы, порывались бежать, сдерживались, взвизгивали.

Плотно и легко одетые в оленьи и волчьи шкуры тунгусы бродили вокруг Варнацка.

В точно отмеченные сроки выходили они сюда для встречи с торговыми. Они несли горы беличьих шкурок, горностаев, редкого соболя. Они волокли в неуклюжих тюках медвежьи шкуры, сохатиные, оленьи.

В душных избах клубились табачные дымы, шумело, выло пьяное, невесело-разгульное, злое. Торговые мяли, разглядывали привычно быстро шкуры, забирали их у тунгусов и скупо наделяли их всем необходимым. И щедрее всего — мутно-разведенным, бьющим в голову спиртом.

Сверху приезжало начальство. Тунгусы несли ясак. И знали тунгусы, что если ясак не будет сдан вовремя, — там где-то есть грозное, пугающее: Якутск.

До Якутска далеко. Якутск — широкий, шумный мир. От Якутска ползут стальные нити на столбах, несут вести туда и оттуда.

Но как же вести пойдут в Варнацк? По остриям елей? По студеным валам Лены? По тундровым перевалам, по хребтам, по речкам борковым?

3

Как же вести доходят до Варнацка?

Было такое:

Сразу же после рождества, когда тихо спят деревни и ждут, чтоб прошли знойные морозы, к Варнацку, перерезав пушистый, горностаевый покров Лены, вышли озябшие, озлобленные, уставшие люди.

Уочан-тунгус, с большой тундры, провел их прямо к большой избе Макара Иннокентьевича и развьючил за двором своих оленей.

— Примай дружков! — сказал Уочан Макару Иннокентьевичу по-тунгусски: — Сердитые! Страсть какие!..

Макар Иннокентьевич быстро оглядел дружков: десять вооруженных, закутанных в санаяки, в шарфы, русских вылезли из нарт, неуклюже охлопались, поползли в избу. Трое остались возле оленей, повозились над одними нартами и понесли кого-то, укрытого в меховые одеяла.

В избе прибывшие долго раздевались, отфыркивались, обирали ледяные сосульки с усов, с бород, с бровей. Закутанного в одеяла положили на лежанку, раскрыли, потоптались возле него и сказали:

— Может быть, теперь и отлежится...

Уочан покрутил головой и шепнул Макару Иннокентьевичу:

— Огневая схватила. Помрет!

Хозяйка с девкой хлопотали с самоваром. По избе пошел густой запах оттаявшей соленой рыбы. Прибывшие расселись тесно вокруг стола, отогревались, отходили и поглядывали на суетившихся хозяев.

В избу набились соседи. Они заходили, сбрасывали верхонки с рук, скидывали шапки, кивали головой хозяевам и шли к приезжим здороваться за руку. Приезжие совали им руки, разглядывали. Поздоровавшись, соседи отходили от них, усаживались у стен на лавках, просто на полу на корточках, закуривали, молча глядели и плевали.

Обогревшись и подзакусив, приезжие поглядели на своего больного спутника, велели тунгусам и мужикам внести в избу кладь, развьюченную с оленей. Потом один из них, старший, начальнически вскинул стриженную с проседью голову и строго спросил Макара Иннокентьевича:

— Ну-с, где у вас тут начальство?

Макар Иннокентьевич вынул трубку изо рта, сплюнул:

— Како у нас начальство?.. Я, будто, за голову. А Потапов в писарях и по другой ученой части... Все. Раньше сверху заседатели ездили. Ноне какие-то комиссары.

— А теперь есть кто-нибудь из комиссаров?

— Нет. Теперь нету...

Старший сунул руку во внутренний карман тужурки, пошарил и вытащил бумажник. Из бумажника вывалил на стол бумажки. Выбрал одну, развернул.— Встаньте! — сурово сказал он.

Тунгусы и мужики тяжело поднялись на ноги и недоуменно переглянулись. Приезжие остались сидеть на скамьях.

— По указу Верховного правителя, — строгим голосом зачитал старший, — заштатный город Варнацк объявляется очищенным от красных банд, в нем вводится военное положение и вся власть переходит к начальству особого ударного офицерского отряда штабс-капитану Войлошникову...

Старший отбросил бумажку и, поглядев на всех, сурово прибавил:

— Штабс-капитан Войлошников — это я...

Мужики мотнули головами и внимательно оглядели его. Уочан толкнул кого-то в бок и тихо сказал:

— Ух! Сердитый!.. Страсть.

Штабс-капитан Войлошников вылез из-за стола, подтянул на себе пояс с наганом и сказал еще несуразное, небывалое:

— А теперь приказываю всем, у кого имеется оружие, принести его сюда и сдать мне!.. Немедленно и без утайки!

Штабс-капитан Войлошников выжидающе глядел на мужиков. Те молчали. Молчание делалось нехорошим, неладным. К штабс-капитану наклонился один из его спутников, собираясь что-то сказать.

Открылась дверь.

Проталкивая мужиков, в избу вошел человек, вышел к столу, вытянулся, вытянул руки по швам, грудь выпятил и радостно, немножко даже чересчур радостно, отрапортовал:

— Честь имею явиться, вашблагородие! Писарь варнацкого управления Потапов Селифан...

Про писаря варнацкого управления Селифана Потапова в оставленном Канабеевскому письме было приписано особое, с некоторой даже многословностью:

«Человек этот, почти местный уроженец, оказавший нам много услуг, будет и вам полезен на то время, пока вам придется, по выздоровлении, прожить в городе Варнацке. Я назначил его комендантом города и заодно и начальником гражданского управления. Языки якутский и тунгусский он знает одинаково отлично. Был на военной службе и знает дисциплину. О прочих качествах его не сообщаю: ознакомьтесь сами».

Селифана Потапова нашел возле себя поручик, как только стал видеть окружающее и свободно отрывать голову от слежавшейся подушки.

Черные, коротко остриженные волосы, узковатые черные глаза безбородое желтое лицо. Голова крепко всажена в широкие плечи, длинные руки с большими ладонями и кривыми пальцами неуклюже тянутся вдоль тела. Обведенный глубокой бороздой-морщиной рот растянут в улыбку: не то насмешливую, не то радостную; белые зубы блестят.

Ощупывая быстрым, прячущимся взглядом поручика, Потапов скороговоркой отрапортовал (как Войлошникову тогда, в насторожившемся молчании):

— Честь имею явиться! Комендант города Варнацка Потапов. В городе все обстоит правильно и тихо. Происшествий и бунтов никаких. Жители, вашблагородье, благонадежны. И вообче честь имею поздравить с выздоровлением!..

Канабеевский перекатил голову на подушке, взглянул на Потапова, поморщился недоуменно; перевел глаза на хозяйку, торчавшую у постели:

— Это, батюшка, начальник наш нонешний.. Про его в письме-то тебе, кажись, прописано...

— А!..

— Назначенье имею, вашблагородье, от господина капитана Войлошникова. Как уехали они к морю, приказано мне было соблюдать порядок в нашем месте и не допущать бунтов...

— Каки это бунты?.. — укоризненно перебила хозяйка. — Балташ ты Селифан Петрович!.. У нас места тихие... Ты лучше уйди-ка, вишь, господин-то умаялся. Ухайдакашь ты его звоном своим... Пойди, пойди!..

Потапов смущенно поморгал, переступил с ноги на ногу и ушел.

Канабеевский устало закрыл глаза.

Каждый день стал являться с докладом Потапов.

Поручик вяло слушал и тосковал.

Льды на стеклах сидели прочно. Морозы делали свое дело. Солнца не было. Было тусклое, неуловимое, неверное сияние, обливавшее предметы и людей сероватой полумглой.

Втиснутый в деревянные границы своей жарко натопленной комнаты, Канабеевский нетерпеливо ждал тепла и солнца. Ждал гонцов от штабс-капитана Войлошникова.

4

От изб в глубоких голубоватых снегах протоптаны были к Лене, к прорубям, узкие тропы. Бурые, ржавые следы отмечали, как трусцой бегал здесь скот на водопой, как ходили бабы с ведрами, как тихо ступали скучающие собаки. Особые, расщепленные лучистые следы отмечали оленей.

У проруби в ледяных колодах быстро стыла вода, и каждое утро в морозной мгле звонко стучали пешни: мужики обдалбливали ледяную корку.

У прорубей, поджимая зябко лапы (то одну, то другую), сходились собаки, издали обнюхивали они одна другую, вяло повиливали хвостами. Они передавали друг дружке что-то, о чем-то совещались, что-то узнавали.

Рано утром собаки вскакивали, вырывались к Лене, ставили против ветра уши, раздували ноздри: слушали, чуяли. Иногда начинали лаять. И тогда лай перекатывался от одной к другой — и весь берег звенел, и в невидимых хребтах глухое зимнее эхо множило этот лай.

Слушая этот лай, мужики оживлялись, веселели. Они знали, что безошибочным чутьем собаки чуют новое, что должно прийти с солнцем: скупую весну, наст, горячий кровавый, весело-трудный промысел.

Олени закидывали отяжелевшие рога на спину, нюхали воздух, вздыхали и слабо поблескивали темными глазами.

В избах у раскаленных печек собирались, курили, лениво думали. Иногда перекидывались словами. Иногда вспыхивали в несложном, незлобивом, быстро погашаемом споре.

Подслушать бы эти споры и подивиться: какой стеной отгородило таежного человека от мира, от широкой жизни, от наезженных трактов и многолюдья.

Но в спорах этих новое — о тех мимоезжих вооруженных людях, начальниках, которые гостили здесь хозяевами, говорили о чем-то необычном, уехали и оставили больного.

Крепко чадя синим махорочным дымом, одни крутили головами, посапывали и соображали:

— Это, паря, видать, начальство большое!.. Ишь какие были сердитые!.. Страсть!..

— Начальство настоящее — оно всегда сердитое...

— Оногдысь вот наезжал сверху заседатель — каких он делов наделал!.. Избави бог!.. А эти ешо пуще!..

— Эти совсем лютые.

Но выискивались другие, спорщики, маловеры.

Тоже крутили головами, поплевывали, возражали:

— Ежели начальство они — пошто же, мужики, они будто бегом к морю подавались?.. Экая стыть, а они напроходь шьют!..

— Видно, начальство, да како-то нонешнее... Может, шпана какабудь...

— Вот те Селифан покажет шпану!.. Он горло за них перегрызет!

— Да и то понять надо: Селифана в набольшие укрепили. Это разве резон?..

— Селифан — он, конечно, ботало. Да кому он мешает?.. Покуль податей не потребывает — нам кака беда?

— Это верно. Это резон...

Махорочный дым густел, сквозь раскаленные стенки печки нежно алело пламя, за оледенелыми окнами неподвижно висел морозный воздух.

Изредка в Варнацк забегали на оленях ближайшие тунгусы. Они

заезжали к своим друзьям, хозяйственно облаживали во дворах оленей, пушисто-меховые, пушисто-морозные вваливались в тепло. Степенно здоровались, степенно спрашивали о здоровье хозяина, его детей, его собак, его скота. Их поили чаем, рубили для них позванивающую от мороза расколотку — рыбу мороженую. Они лакомились ячменным хлебом — ярушниками. И потом, сидя на полу на корточках, долго молча курили.

Позже, уже почти при самом отъезде, они невзначай спрашивали:

— Большой начальник зачем на пяти упряжках к морю ушел?.. Зачем больного оставили?..

— Пошто торговых людей мало? Пороху совсем не хватает... Что будем делать без пороху?..

А совсем перед отъездом тунгусов ловил Селифан, уводил в свою избу и долго что-то им начитывал.

Тунгусы испуганно оглядывались, ахали и торопливо уезжали из Варнацка.

Застоявшиеся олени распластывались над узенькой дорогой, нарты прыгали, перекатывались, летела снежная пыль.

5

Кровь у Устиньи Николаевны, пожалуй, больше, чем на три четверти тунгусская: холодная, спокойная. Но вот остальная-то четвертинка примешалась отменная. Остальная четвертинка — от варнаков, от людей пришлых — неуемных, непокорных, кипучих. И оттого в глазах у Устиньи Николаевны свечечки теплились жаркие, когда взглядывала она на разметавшегося, раскрасневшегося в беспамятстве поручика Канабеевского. Свечечки эти жарко разгорались, когда поручик окреп, стал ходить по горнице, когда стал слабо, благодарно улыбаться, показывая здоровые молодые зубы.

Устинья Николаевна ходила за Канабеевским по пятам, угождала ему, варила ему брусничные кисели, жарила для него, парила. Она окружала его вниманием, жарко обдавая его пылом своего широкого жирного тела. Когда он, утомленный, лежал на койке, она садилась недалеко от него на лавке, широко расставив ноги, оплывшая, неподвижная, полузакрывала и без того узкие глаза и глядела сквозь щелочки дремотно, неотрывно.

Канабеевский чувствовал этот взгляд, ворочался, укрывался от него. Он чуял тяжелый запах разогретого бабьего тела, его тошнило от него. Но вместе с тем внутри, где-то в крепнувшем, наливающемся силою теле что-то вздрагивало, томило, звало.

Тяжело подымалась Устинья Николаевна, глухо вздыхала, отрывала свой липкий взгляд от поручика и уходила на свою, на хозяйскую половину. Там Макар Иннокентьевич, если он бывал в избе, подозрительно, оглядывал ее и, ощеряя зубы, ругался:

— Опять совалась к тому?.. У-у, сука волчья!.. Погоди!..

Устинья Николаевна тяжело взглядывала на мужа и, не повышая голоса, лениво огрызалась:

— Чего погоди?! Не побоялась тебя... Ишь, ругатель какой нашелся...

А ночью Устинья Николаевна, тяжело ворочаясь под знойным ушканьим одеялом, толкала сонного мужа, поминала святых, матерь божию, ругалась и снова благочестиво вздыхала.

6

Когда окреп Канабеевский, когда налился силой и почувствовал, что может без чужой помощи ходить, закутался он, обвязался шарфами, фуфайками, поверх своего полушубка натянул хозяйскую парку из оленей и выполз на улицу.

В мглистых снегах, в струистых морозных туманах потонул растерянный взгляд поручика. Сердце у него дрогнуло, заныло.

Но возле Канабеевского появился, вывернувшись из белой мглы, Селифан Потапов и радостно сказал:

— Ну, вот, бог дал, и на холодок, значит, вышли вы!.. Это хорошо....

— Как туманно... Неприглядно как! — поморщился поручик. — Неужели конца холодам не будет?..

— Как не быть?! — засуетился Селифан. — У нас, как солнце, теплынь бывает... Месяца два, а то и менее — гляди — и оттеплеет...

— Два месяца?! — поручик поежился, покутался — и вернулся обратно в избу.

Селифан влез следом за ним.

Пока Канабеевский распутывался, расстегивался, распоясывался, Селифан уж трубку успел набить, разжечь ее, задымил. Из дымного облака, спрятав глаза, Селифан неожиданно спросил:

— Теперь, значит, сами начальником будете?

Канабеевский, потирая озябшие руки, обернулся к нему:

— Ты это о чем?..

— А вот, значит, как теперь вы здоровый — сами, говорю, командовать над местом нашим будете?..

Поручик рассмеялся:

— Ты вот о чем хлопочешь?.. Понравилось тебе, видно, в комендантах ходить! Нет, я в этой муре баловством заниматься не хочу!.. Мне, братец, сейчас нужно силы копить, здоровья набрать, да спокойно людей от Войлошникова ждать... Нет, нет! Ты уж сам возись со своим чалдоньем... Да вот разве, чтобы у тебя в мозгах каши-то не вышло — буду я над тобой вроде генерал-губернатором... Понимаешь — варнацкий генерал-губернатор!.. Хо-хо!..

Оба похохотали. Канабеевский прилег на лежанку, закинул руки за голову, засвистал. Потом выругался:

— Ну, и скучища!.. — плюнул он. — Этак-то ведь с тоски можно сдохнуть!.. Как вы тут живете?..

Селифан переступил с ноги на ногу, почтительно и сочувственно вздохнул:

— Да, диствительно скучно... Живем, как звери в тайге, — темно, можно сказать, живем...

— Но есть же у вас какие-нибудь развлечения, веселитесь же вы когда-нибудь?..

— Как же! как же!.. —оживился Селифан. — Вот, когда тунгусы выходят, али якут наедет — тогда весело. Пьянство идет в каждой избе, ехор-пляска, значит, картеж...

— В карты играете?.. — поручик поднялся и сел на лежанку. — В азарт?

— Очень даже в азарт!.. Тут иные большую коммерцию на картах делают... Якут, а особливо тунгус — он шибко карты любит, а понятия в нем об игре никакого... Вот и пользуются которые...

— И ты, наверно?..

—А я что же!.. Я не хуже других... На том держимся...

— Та-а-к... Ну, а пьете-то вы что?.. Ведь спирту-то нет теперь.

— Казенного нету. Больше году уж не пивали его. Зато сами приловчились — самосидку сидим. Ничего, у которых даже совсем крепкая выходит: горит!..

— Самогон?

— Однако. Мы самосидкой прозываем...

Канабеевский снова откинулся на подушку, опять закинул руку за голову.

— Ты вот что, — вяло сказал он. — Достань-ка мне этой вашей самосидки для пробы. Посмотрю, чем вы тут жизнь свою услаждаете...

— Это я могу! Тут и ходить-то далеко не надо. У вашей Макарихи всегда запас есть...

— У какой такой Макарихи?

— Да у хозяйки у вашей, у Устиньи Николаевны!.. Она у нас первая мастерица на это дело...

— Видно, она на все дела мастерица?.. — засмеялся Канабеевский.

— У-у!.. Она баба оборотистая. Помоложе была — очень она с приезжими крутила... Да и теперь не откажется...

— Этакая-то колода?!.. Целая квашня!.. Черт! — Канабеевский плюнул. — Ну, и местечко! — обиженно сказал он, помолчав. — Бабы путной нет...

Селифан осторожно подошел к самой лежанке.

— Ежели поискать, найдется подходящая...

— Ну-у?..

— Ей-богу! Вот вам крест!.. По вашему приказанью могу я вам сварганить это дело...

— Можешь? — ...Ах, и комендант же ты!.. — захохотал Канабеевский. — Этакого и в Омске не сыщешь!.. Можешь, значит?..

— Могу, могу!.. — радостно кивал головою Селифан.

7

Вечерки в зимние бесконечные вечера такие бывают.

В жаркой избе чадят плашки сальные (раньше на свечи ребята разорялись, а где их теперь достанешь — свечи-то?), по стенам, по лавкам жмутся друг к дружке девахи. В углу гармонист. Пол скрипит, потрескивает. За окном тихие морозы гуляют. Взовьется, протянется девичий голос: песня проголосная прольется, как снега, гладкая перекатная, как снежные равнины, бесконечная, долгая.

Взовьется девичий голос — в плашках пламя красное лежмя ляжет, — встанут девахи, одна за другой, парни подойдут, выберут себе по подруге, за руки возьмутся, пойдут вокруг по избе, закружатся под песню, вместе с песнею.

Устанут. Кончат песню. Подведут парни девах к месту. Вот тут настоящее подойдет: прогоны. Должны девахи парням прогоны платить поцелуями. Визг, смех. Обсчитывать девки горазды! Сквалыжничают парни, себе цену нагоняют.

Потом новая песня. Новые круги по избе. Новые прогоны.

Отпоют проголосные, — займутся тараторками-частушками. Складно, весело, скоро.

Где-то петух горланит, зарю, утро ворожит. Где-то по избам матери беспокойно под одеялами ворочаются.

Трещит пол, ухают топоты: метелица вьется, метелица кружится, метелица медные охрипшие голоса у гармошки рвет, путает... Последний, перед концом, пляс на вечорке идет.

На вечорках в зимние вьюжные ночи такое бывает:

В кути запасливые ребята и мужики степенные бутыль утвердят на столе, расколотку раскрошат по столешнице, ярушников наломают кусками. И в промежутках, меж песнями и плясом, потянутся ребята в куть освежиться. И, освежившись, ворочаются к девкам, согретые, раззадоренные, подхлестнутые пахучею, мутною самосидкою.

И когда хозяйственный петух охрипнет от крика (матери в то время пуще ворочаются под одеялами), парами, в обнимку, потянутся парни с девахами. В мутно-голубой мгле трудно дорогу сыскать. Но ребята знают свой путь, не собьются...

В кути, возле бутылки Селифан. Освежается самосидкой. Из кути в горницу, где метелица вьется, выглядывает. Высматривает кого-то. Когда петух тревогу подымает, выходит Селифан к песельницам, плясунам. Подсаживается к девахам, руками лапит, что-то неладное шепчет на ухо. Девки визжат, отбиваются.— У! Срамник!

Но метелица завивается, закручивается. Вечорка идет к концу— и Селифан выходит из избы в морозную мглу вдвоем.

Путь застлан туманом. Пути не видно. Но Селифан знает свою дорогу. Он идет, разрывая слепую, в бельмах, ночь, и ведет за собою послушную, притихшую.

И только когда темнеют чьи-то ворота, испуганно всплескивает женский голос:

— Ой, матушки! Да куда же ты, Селифан Петрович, ведешь меня?

— Ладно, ладно! Куда надо, туда и веду...

Поскрипывают ворота. Потом с треском, нехотя отлипает запечатанная морозом дверь. Против дверей в облаке морозном — бледный нетерпеливый поручик Канабеевский:

— Ну, и долго же ты!..

Заглушенно вскрикивает женщина, подается обратно к двери, но сзади подталкивает ее Селифан, а впереди тянется белая вздрагивающая рука.

— Ну, дурочка!.. Проходи в тепло. Проходи!.. Сейчас обогрею... Сейчас...

8

Ну, хорошо — проходят ночи, чем-то заполненные, а день? А дни — куда денешься с ними, чем наполнить их медленное кружение?

Уже дольше и дальше гуляет Канабеевский на морозе. В полной силе он, забыл о болезни — раскормленный, изнеженный Устиньей Николаевной. Лохматым, толстым зверем бродит он по всему Варнацку. Его знают уже — обнюхали — все собаки. Равнодушно и скупо кланяются все мужики. Хитро взглядывают на него знающие, прячущие в себе что-то бабы.

Под мягкими камасами скрипит кованый снег. С Лены тянет хиус. Он колет щеки, обносит серебряной пылью ресницы, усы. В тепло пора, к жарко разогретой печке. Но там мертвая тоска, там сонная одурь.

И, пугаясь этой тоски, этой сонной одури, поручик Канабеевский посылает за Потаповым, расспрашивает его о том, что уже десятки раз распрошено было, слушает скудные, надоевшие варнацкие новости, брюзжит, капризничает.

— Черт знает, какая дыра!..

— Да, уж, конечно, место глухое, — соглашается Потапов. — Не с привычки очень даже худо...

— Ты придумывай что-нибудь! — сердится поручик. — Ты здешний. Ты можешь придумать что-нибудь, чтоб время незаметно шло...

— Да что придумаешь? — чешет затылок Потапов. — Кабы лето, по Лене пароход пришел бы. На пароходе весело. Машина! Баржу с товаром волокет... А то паузки вот еще поплывут — шибко тогда весело! Тогда денег припасай...

— Пошел ты к чертям с пароходом своим! — сердится Канабеевский.— Летом меня здесь не будет. Летом я, брат, с главной армией соединюсь, в обществе порядочном буду...

Поручик плюхался на лежанку, плевал, фыркал.

Поручик капризничал, как дитя. А Потапов стоял, смотрел, слушал. В хитрых глазах таил темный огонь — и сочувственно вздыхал.

Дни ворочались тяжело, ползли медленно.

Поручик Канабеевский успел уже побывать на вечорке, где переполошил, смутил девах и легким холодком обвеял парней. Поручик Канабеевский уже хорошо, и даже очень хорошо, познакомился с некоторыми девахами.

Уже Устинья Николаевна, по-прежнему угодливая, гостеприимная и ласковая, вскользь как-то попеняла поручику:

— Девки — они дуры!.. Какая в них сладость — худущие, прямо шкелеты!..

Но дни не ускоряли своего медленного течения, дни были как тяжелые, неповоротные камни.

Тогда поручик Канабеевский, чтоб уйти от действительности, стал окунаться в прошлое. Стал будить в себе воспоминания.

(Если бы память у Вячеслава Петровича Канабеевского покрепче была, много интересного пришло бы ему на ум, воскрешенное в этих воспоминаниях теперь здесь, в замерзшем, льдами и снегами скованном Варнацке. Путь великий от Омска через реки сибирские, по взорванным мостам, через ощетинившиеся тайгою и партизанщиной хребты, сквозь полусожженные, враждебные города и деревни. Путь отступления вспомнил поручик Канабеевский, если бы была у него память покрепче, поясней. Но Канабеевскому скучно было, его давила тоска, Канабеевский еще в гимназии любил пофантазировать о сладком, о воздушном, о возвышенном помечтать. И стал он теперь будить в себе воспоминания о том, что было до этого похода, до Великого пути сквозь полусожженные деревни, через разрушенные мосты.) О своей любви стал вспоминать поручик Канабеевский.

9

Любовь поручика Канабеевского прямого отношения к рассказу не имеет. Какое автору дело до того, что где-то в приволжских равнинах была (и, может быть, есть) сероглазая девушка с тяжелой льняной косой, медлительная, улыбчивая, светлая? И еще следует ли рассказывать о том, что когда-то поручик Канабеевский (и вовсе не поручик, а только что швырнувший после выпускных экзаменов гимназические учебники вольный человек!) целовал прячущиеся лукавые губы и шептал сладкий и милый, незапоминающийся вздор в маленькое ухо? — Ведь после этого были: самарские кабаки, екатеринославские кабаре, омские шантаны, крашеные (как кровоточащая срамная рана) губы, запах крепких духов и пудры и тела. Было туманное, туманящее, не дающее забвенья веселье после службы, после работы. А работа была горячая: в морозное утро испугать гулким топотом шагов тяжко уснувшую тюрьму, разглядывать с тупым любопытством бледные, по-

серевшие лица с обреченностью в глазах; слушать хмурые окрики солдат, подгонявших мерзнувших в легком, наспех одетом, платье людей. Командовать, сквозь выстрелы слышать краткие вскрики, стоны...

Конечно, любовь поручика Канабеевского к рассказу прямого отношения не имеет. Но ведь ее он вспомнил (силился вспомнить) и ради нее, порывшись в чемодане своем, выволок на стол стопку бумаги, очинил карандаш и стал писать:

«Стихи и настроения Вячеслава Канабеевского. 1920 год. Вблизи Ледовитого океана. Зимою».

И, чуждый романтизма, автор вынужден разделить с поручиком Канабеевским его вздохи, его бесплодные и бесплотные грезы о сероглазой волжской девушке...

Селифан, заходя по обыкновению к поручику ежедневно, стал почтительно и с уважением наблюдать, как начальство, склонившись над столом, трудолюбиво и упорно исписывало листок за листком. Он покашливал, переминался с ноги на ногу. Он понимал, что поручик занят чем-то важным, серьезным. И, уйдя от Канабеевского, Селифан таинственно, с оглядкой рассказывал встречным мужикам:

— Како-то дело сурьезно ладит офицер-то!.. Будет вам как-нибудь предписанье, погодите!..

Устинья Николаевна, в первый раз увидевшая поручика за новым занятием, помотала головою и широко улыбнулась.

— Вот, гли-ка, батюшка! — сказала она. — Точь в точь ты, как онотдысь осударственные. Те тоже, бывало, пишут-пишут, инда с лица обелеют. А то зачнут читать. И кака имя польза от книг тех?!..

Стихи у поручика не ладились. Давил-давил он из себя рифму — поэзия поддавалась ему плохо. Удачней выходило с «настроениями».

Здесь поручикова душа находила выход. Слова, хоть и неуклюже, но нанизывались одно за другим, — и выходило что-то связное. Перечитывал это Канабеевский, ерошил отросшие лохмами волосы и удовлетворенно вздыхал: приятно было глядеться в зеркало и видеть возвышенный образ тоскующего, непонятного окружающим, неизмеримо выше их стоящего героя.

Однажды поручик записал:

«Снежная добровольная тюрьма вокруг меня такая суровая и страшная, что если б не полная уверенность в том, что через несколько недель Петр Ильич пошлет за мной людей, которые выведут меня к морю, на свободу, к любимому делу, — я пришел бы к мысли о самоубийстве».

Была в это время Канабеевским сделана и такая запись:

«Если бы черти эти не растрясли Россию, и не надо было бы тащиться по этой проклятой студеной Сибири, — хорошо бы где-нибудь на Волге, в волжском городе комендантом города быть или начальником гарнизона; жениться бы на блондинке, чтоб чистенькая была, не худощавая и непременно невинная. И чтоб за городом дачка была веселенькая. И дни стояли бы жаркие, чтоб квасу со льдом хотелось.

И купаться бы раза три в день...»

Быстро исписывал Канабеевский свой запас бумаги. Селифан наливался гордостью и все чаще пугал мужиков непонятными намеками:

— Дожидайтесь предписания! Вот увидите... Сразу приказов десять объявим! Да!..

10

Бумага (пачка почтовой и конверты) в чемодан к поручику Канабеевскому попала по пустому случаю.

В Красноярске жена полкового врача, пышнотелая Неонила Иосифовна, слезно прощаясь с поручиком, который продвигался на Ачинск, сунула бумагу ему в чемодан между связками белья и капризно наказала:

— Смотри, Вячка! Пиши. Знаю я вас: будешь отговариваться, что бумаги не было. Так вот... не отвертишься!..

Но писем из Ачинска писать не пришлось. В Ачинске подвернулась прокурорша (или следовательша? или, может быть, это было в Нижнеудинске?), и к тому же пышнотелая Неонила Иосифовна подцепила сыпняк, и, недолго, но мучительно прохворав, умерла. Бумагу и не нужно было расходовать. Она задержалась на дне чемодана.

Правда, однажды израсходован был листок, для срочного, непредвиденного дела. Один неполный, наспех, криво оторванный листок.

В теплом, загроможденном купе поручика, между Нижнеудинском и Иркутском, охмелевший атаман Синельников схватился в споре с прапорщиком Ноготковым. Синельников успел уже выпить бутылку коньяку, облил столик и вещи поручика красным вином и был в патриотически-воинственном подъеме. Ноготков, тоже хмельной, меланхолически мотал головой и, мерно ударяя ладонью по своей коленке, никого не слушая, твердил:

— И все-таки... скажу я вам... приходит всем крышка... и правителю верховному... И ему... Да...

Когда атаман Синельников уразумел прапорщикову болтовню, он вспылил, опрокинул со столика бутылки и стаканы, поднялся на ноги — черный, свирепый, по-пьяному радостно-злой.

— Молчать, — гаркнул он. — Не сметь! — я покажу — крышка!.. Я покажу!..

Ноготков, не выходя из своего меланхолического настроения, посмотрел на атамана, покачал головой, сожалительно усмехнулся:

— Ты-то прикажешь?.. Ты?!.. Да ты не смеешь. Я ведь тоже офицер... Да.

Синельников дернулся к нему. Слегка задержанный поручиком Канабеевским, он выдохнул из себя:

— Сволочь ты, эсер, большевик!.. Гадина ты, а не офицер!..

Тогда Ноготков медленно встал, медленно отвел руку и медленно, но верно влепил атаману оплеуху.

— Вот тебе — за все!.. Да...

После свалки, в которой принял участие и унимавший Канабеевский, когда набежали из соседних купе офицеры, встал вопрос об оскорбленной чести. Атаман потребовал немедленного поединка.

— Дуэль,— кричал он.— Я не позволю каждому хаму марать честь мундира!..

— Я на дуэль согласен! — рвался Ноготков. — Я ведь тоже ему не кто-нибудь!.. Да!..

Когда стали решать вопрос о форме поединка, атаман, немного протрезвившийся от всей перепалки, злорадно посмотрел на Ноготкова и заявил:

— Я требую американскую дуэль!.. Чтоб без всяких цирлих-манирлихов: попадется кому жребий стреляться — катись колбасой!..

— Мне все равно! — качнул головой прапорщик. —Я не возражаю: пускай этот милостгосударь отправляется на тот свет по-американскому способу. Да!..

И вот тогда-то поручику Канабеевскому пришлось порыться в своем чемодане, оторвать из пачки верхний листок и пожертвовать его на общее дело.

Через час писали рапорт о кончившем самоубийством прапорщике Ноготкове, Василии Артемьевиче, 23 лет.

11

О прочих качествах Селифана Потапова, в записке штабс-капитана Войлошникова не обозначенных, знали от дальних тунгусских кочевий на большой тундре до верхних притрактовых поварен.

Знали, что Селифан был «малолетком» — поселенческим сыном, мальчишкой, добравшимся с отцом и матерью из Александровского централа на Лену, сперва в Киренск, потом в Якутск, и, наконец, за родительские художества, — на север, в Варнацк. Знали, что Селифан рано осиротел, побродил неучем по тайге, потом послужил в Якутске солдатом — все больше возле начальства. И по слабости здоровья вышел со службы раньше срока, не угодив на войну. В Якутске Селифан мало-мало научился грамоте, присмотрелся к службе в канцелярии исправника и, когда чем-то не угодил начальству, был отправлен к месту приписки в Варнацк, где за прежние заслуги был писарем.

Качества главные у Селифана были: был он ленив неповоротно, любил выпить и с начальством был двоедушен — в глаза лебезил, услуживал, мог в доску расшибиться, лишь бы угодить; за глаза глумился над старшими, любил придумывать про них небылицы, умел подобрать прозвище поядреней, поязвительней, мог устроить большую каверзу.

Любили Селифана варнацкие бабы бездомовые: очень хорошо он ругался и умел похабно передразнивать барынь якутских.

Нравилось и мужикам по-пьяному, праздничному делу, повоз-

жаться с Селифаном. В трезвое же, трудовое, промысловое время мужики Селифана не уважали:

— Ботало, а не мужик!.. Какой из его толк?!.. — пренебрежительно отзывались они о нем. — Гумагу марает, и то, однако, худо...

Но главного качества его — честолюбия — никто не знал. Не примечали, не догадывались. И нужно было появиться в январские морозы сердитому, озабоченному и спешащему дальше штабс-капитану Войлошникову, чтоб ухватить, разгадать это Селифаново качество.

Потрухивая старших, побаиваясь насмешек, таил в себе Селифан неутоленную жажду повластвовать, покрасоваться, похорохориться над ближними. Искал он случая в Якутске, возле исправника, показать волю над мелкой шпаной в арестантской — не вышло. Думал он, было, что в Варнацке удастся, но варнацкие мужики сразу осадили его. Правда отыгрывался он на якутах и особенно — на тунгусах. Но не удовлетворяло его это: какая — соображал он — корысть дикарей властью своею удивлять?

И вдруг — нежданное. Принесла судьба заиндевелых, заснеженных офицеров. Сразу Селифан Потапов пригодился, сразу оценили его. Ожил Селифан, сам в своих глазах вырос, важностью налился. А тут еще — назначенье комендантом. Может быть, из злобного, мрачного озорства наградили проезжие офицеры Селифана этим званием. Все равно Селифану это нипочем: он видал, как хмуро и многозначительно всполошились мужики, как сразу изменили свою повадку разговаривать с ним насмешливо и несерьезно. Особенно после тогдашнего приказа штабс-капитана Войлошникова сдать ему все оружие. Мужики сунулись к Селифану растерянные, недовольные:

— Это что же, Селифан Петрович? Ты будто начальство теперь— разве резон это?.. Мы оружьем живы, у нас, коли есть турка али берданка — значит, и сыты...

— Хлопочи, Селифан! Ты обчеству человек свой, должен в понятие войти!

— Уж будь добр, Селифан Петрович!..

Селифан тогда жарко налился гордостью, вознесся. Покуражился над мужиками. Помямлил, пожевал непривычные слова (этак, помнил он, исправник важность свою высказывал), нос задрал.

— Такая инструкция и при том резолюция мне: принять от населения огнестрельное оружие и всякие там взрывчатые берданы и винтовки... Против инструкции ходу мне нет. Но как я сам варнацкий житель и желаю, чтобы вы мною ублаготворены были, сунусь я на решение к господину командиру...

Сунувшись к Войлошникову и резонно поговорив с ним, Селифан, добился отмены распоряжения. Но тут же и устроил себе новое дело: завел вооруженную силу.

Болталась по Варнацку бездомовщина — никудышные мужики и парни, плохие охотники, сами за зверем, за пушниной не ходившие, а все больше возле тунгусов околачивавшиеся: по-варнацкому, нема-

чившие, в пай к тунгусам без всяких затрат влезавшие. Бродили они сонные, бездельные по Варнацку от одного праздника к другому, от Николы-зимнего до сретенья, от покрова до петрова дня. В эти праздники выходили к Варнацку охотники. Звон над крышами от гулянок стоял, гульбище, торжище, разбой. Орудовали тогда ребята, пользовались, чем могли. Набирали от тунгусов подарков, пропивали их — и увядали до нового гульбища, до нового праздника.

Набрал таких мужиков Селифан, справил им вооружение, себе подчинил. И создал свою армию, свою полицию: шесть забулдыг под ружье поставил.

Шесть лодырей с ружьями за плечами каждое утро сходились к избе Селифана, который жил у старухи-бобылки. Они обтаптывались, обтряхивались у порога, вваливались в куть, простуженно кашляли, сморкались и лениво спрашивали:

— Каки твои, Селифан Петрович, распоряженья будут?

Селифан Петрович важничал, медлил с ответом. Старался показать что занят, и, выдержав так, истомив свою армию, давал наконец им наряд на день.

Бродили вооруженные по Варнацку, дежурили возле избы, где томился бездельною тоскою поручик, заходили отогреваться к соседям, попадали в обеденное время — садились вместе с хозяевами за стол, болтались возле баб.

А Селифаново сердце согревалось радостью: он вкушал сознание власти.

12

Поручик валялся на постели, выбегал ненадолго на мороз, писал. Но писать уже надоело: не горазд был Канабеевский умствовать, фантазировать и вести беседу с самим собой. Скоро исписанная стопка беспризорно валялась на шатком столике под божничкой и пыль оседала на ней тонким налетом. Селифан приходил, почтительно останавливался у порога и вожделенно глядел издали на исписанные листки. Однажды он не выдержал.

— Ваше благородье! — заминаясь сказал он. — Ежели бы теперь приказец какой!..

— Чего тебе? — колыхнулся вяло на постели поручик. — Еще что придумал?

— Приказ, так я полагаю, следовает объявить, какой ни на есть... Для поддержки дисциплины в народе. А то видят — начальство и тому подобное, а, между прочим, строгостей и, скажем, утеснения никакого...

Канабеевский поправил подушку, подтянулся телом вверх, полусел на постели.

— Ну-у?.. — оживился он и насмешливо уставился на Потапова.

Тот осмелел, почувствовал заинтересованность поручика.

— Тут запустение большое, ваше благородие... Застой... Тунгусишки два года, а кои и больше, подати не носили, ясак, по-ихнему. Объявить бы, пущай несут...

— Ясак?..

— Подати. Пушниной. Раньше в Якутск увозили. Все едино, у тунгусишек в чумах залеживается. Торговых нету, менять не на что... Приказать бы, вашблагородье, нанесли бы. Когда и сгодилось бы. А?

— Пушнина, говоришь? — сунулся поручик ближе к краю постели, к Селифану. — А соболей много?

— Соболь есть, больше все, конечно, белка, гарнок. Еще лиса бывает сиводушка, чернобурая, огневка... замечательная бывает лиса!

Канабеевский спустил ноги на пол и застегнул ворот рубашки.

— Брать соболями и этими... чернобурыми, сиводушками!.. Тащи сюда стол!

Селифан засуетился, заскрипел столом, придвинул его к поручику. Он ожил сразу, повеселел, стал развязней, смелее.

— Пошто одними соболями да лисицей, вашблагородье?! Белка она тоже свою цену имеет, ежели в большой партии. Пишите: всякой пушниной в два раза повыше супротив прежней раскладки.

— А много это выйдет? — наморщил лоб Канабеевский.

— Порядочно!..

— Ну, ладно, ты принеси мне потом прежние списки — остались, наверное, — посмотрю...

Канабеевский вытянул из неисписанной пачки листок бумаги, повертел притупившийся карандаш и написал: «Приказ».

Селифан сбоку, через руку поручика следил за прыгающими буквами, жевал губами и всей душою помогал Канабеевскому в его работе.

Он подхватил размашисто подписанный поручиком приказ, оглядел его и вздохнул.

— Ты чего? — спросил Канабеевский.

— Да вот, скорблю: печати нету подходящей...

— Не беда!.. Тащи старую. Старой обойдемся!..

— Верно!.. Все едино...

Складывая тщательно подписанный листок, Селифан широко улыбнулся и мотнул головой.

Канабеевский заметил это и нахмурился.

— Ну, ступай! — сердито сказал он. — Устал я...

13

Четвертый день Соболька, любимая черная сука Макара Иннокентьевича, с вечера начинала беспричинно выть. Четвертый вечер Устинья Николаевна темнела, услышав этот вой, и опасливо ругала собаку:

— У, неиздашна кака падина! Чего ты воешь на свою голову?!

Собольку выгоняли в сени, она жалась у двери, скулила, скреблась — и выла. Жалостно, надрывно.

Соседи слушали этот вой и говорили:

— На чью это, осподи, голову Макарова собака беду ворожит?..

И вспоминали всякие беды и напасти, которые так же вот начинались с надрывного собачьего вою.

Канабеевский, услыхав впервые этот вой, пришел в волненье, позвал Устинью Николаевну и приказал унять собаку:

— Не кормите вы ее, что ли? — бурчал он.

— Как же не кормим?! — обиделась она.— У нас собаки сытые. Это Соболька скулит. Уж не знай, кака причина...

На второй день, заслышав вой, поручик застучал, затопал ногами. На третий — схватил свой наган, выбежал на хозяйскую половину, освирепел, кричит:

— Застрелю эту пропастину!.. Уберите ее прочь!.. Живо!

Собольку увели и привязали в бане. Вой ее стал доноситься оттуда глухо.

На пятый день Соболька перестала выть. А на завтра вернулись в Варнацк мужики, посланные Селифаном для оповещения ближних тунгусов о сдаче ясака.

Вместе с ними прибыл на двух упряжках Уочан. На нартах у него были плотно увязанные бунты пушнины.

Селифан с подручными встретил Уочана шумно и деловито. Пушнину перетащили в Селифанову избу. Там ее пересматривали, перещупывали, пересчитывали.

Уочан сидел на курточках в стороне, курил, поплевывал.

— Пришла начальства...— сказал он, обкуривая себя дымом.— Ясак начал ходить... Ладна... Давай, бойе, бумажку... Пиши: Кондогирского роду десять да два мужика, Илимпийского — десять без одного...

— Бумажку тебе? — пренебрежительно передразнил его Селифан, встряхивая в руках искрящийся мех лисицы. — Надо раньше ясак твой пересмотреть. Вишь, бросовой сколько! Все норовите обмануть!

— Нету обман! — загорячился Уочан. — Гляди хорошо: белка хороший, лисица хороший... все хороший!..

— Ну, ладно, ладно!..

Вместе с Уочаном и Селифановыми подручными в избу праздно набились мужики. Они мяли и пересматривали пушнину, вступали в разговор Уочана с Селифаном. Они курили, глядели, поплевывали.

Когда Селифан, пересмотрев меха, стал писать расписку, мужики придвинулись к тунгусу.

— Уочан! — сказал один по-тунгусски. — Хабибурца-шаман когда из тундры выйдет? Когда шаманить станет?

— Хабибурца-шаман,— помолчав немного, важно ответил тунгус— к большому хозяину уходить собрался...

— Помирает?..

— Э-э...— утвердительно мотнул головой Уочан.— К большому хозяину уходит...

Макар Иннокентьевич, прислушавшись к мужичьим разговорам, услыхав Уочановы слова, взволновался, пояснел.

— Ах, грех-то какой! — громко сказал он, — видать Соболька-то от этого выла... Подарок это Хабибурцин, кутенком он мне Собольку подарил.

Уочан повернулся к Макару Иннокентьевичу.

— Соболька выл? Выл, говоришь? Ну, ушел Хабибурца-шаман к хозяину. Да, ушел...

Пояснел, прояснился Макар Иннокентьевич. Понятно теперь все: шаманову, тунгусову душу обвывала собака; чужую беду чуяла.

Мужики медленно и лениво расходясь из Селифановой избы, поддакивали Макару Иннокентьевичу: верно, мол! Правильно!..

Когда мужики вышли, Селифан подошел вплотную к тунгусу, поглядел на него и строго сказал:

— Ну, теперь будет у меня с тобой, Уочан, разговор особенный...

Уочан медленно поднялся на ноги и смущенно поморгал глазами.

— Пошто ты?..

— Нечего, нечего!.. Будет у меня, говорю, разговор особенный... Доставай, что спрятал!.. Ну?..

В этот день Селифан, сияя гордостью, принес Канабеевскому лучшую пушнину и обстоятельно докладывал ему, сколько белок, лисиц, горностаев и соболей принято от двадцати одного тунгуса, сколько браку оказалось, сколько выходной пушнины.

Внимательно, заинтересованно, позабыв даже о тоске и скуке своей, слушал Канабеевский этот доклад. А в конце доклада, когда разболтался Селифан и зачем-то рассказал о разговоре тунгуса с мужиками про шамана и про Собольку, собаку Макара Иннокентьевича, поручик даже привскочил от радостного изумления, и странные слова вырвались у него:

— Значит, она, пропастина эта, тому погибель ворожила?!

— Ему, ему, вашблагородье! — подхватил Селифан.

Но смутился Канабеевский, даже уши покраснели у него. И досадливо оборвал он Потапова:

— Суеверье это все... Бабьи сказки!.. Дичь...

— Конечно... — вздохнул Потапов. — Область у нас не цивилизованная... Дикарство кругом...

14

Лучшую пушнину — трех соболей и шесть лисиц — Селифан принес Канабеевскому. Поручик поглядел на шкурки, вздохнул и сказал Потапову: — Оставь и ступай!..

Потапов ушел. Шкурки остались на столе. От них шел странный незнакомый запах. Слабый зимний свет задерживался на блестящих волосках, и когда Канабеевский задумчиво гладил мех, погружая в него пальцы, между ними вспыхивали неуловимые мельканья: неуловимая игра холодных искр.

Канабеевский брал шкурку за шкуркой, встряхивал их, гладил их,

подносил близко к лицу (и тогда незнакомый запах ударял сильнее), относил от себя подальше. Канабеевский любовался темной глубиной соболиного меха, нежной сединою его, теплыми переливами красок. Канабеевский вздыхал, но ноздри у него раздувались, и в глазах зажигались искорки. Он любовался огненно-рыжей шкуркой лисицы (как хорошо укутать шею пышноволосой блондинки таким мехом!). Его возбуждали серокрапчатые, на темном бездонном поле, тона сиводушки. Но глаза его заблистали глубже и ярче, и лицо стало серьезным, сосредоточенным, почти молитвенно-строгим, когда взял он ту — последнюю лисью шкуру — несравненную чернобурую, с огненной искоркой, темную, как ночь беззвездная, пушистую, полношерстную, богатую.

Ту — последнюю лисью шкуру, о которой был у Селифана отдельный, глаз на глаз, разговор с Уочаном.

Канабеевский взял ее обеими руками, встряхнул — и ему показалось, что с трепетной черной волны сыпнулись серебряные искры.

Взволнованно прижал к себе поручик эту шкурку и сам себе, невзначай, громко сказал:

— Как шикарно! Черт возьми!..

Потом опустил ее на колени, прижал ладони к мягкому, холодноватому меху (и утонули они сладостно в нем) — и замечтался.

Замечтался поручик Канабеевский о далеком и близком...

О мечтах поручика Канабеевского, Вячеслава Петровича, собственно, и будет эта глава.

О будущем и о том, что было, мечтать стал поручик Канабеевский. О будущем — раньше всего.

Под пальцами мягко гнулись пушинки меха. Мех этот взвивался вверх, нежно и бережно ложился на чью-то обнаженную шею, на женскую обнаженную спину. По вздрагивающей оси неуловимо, неудержимо разливался электрический свет. Бриллиантовыми искорками щедро теплилась двигающаяся, волнующаяся поверхность меха. Бриллианты сверкали вокруг него: в ушах, на шее, на груди. Бриллиантовыми всплесками — яркими и мгновенными — рассыпался женский смех. И музыка, и музыка... И запахи — тонкие, утонченные, волнующие, возбуждающие...

С океана, со снежных просторов, — только бы дождаться людей от Войлошникова, — путь лежит к открытым, вольным-привольным странам. Пусть другие мерзнут в тундрах, обжигаются свистящим вьюжным, пурговым ветром! — Где-то там есть же заслуженный отдых. Электричество, гудящие трамваи, сумасшедшие улицы, движение, гул, и грохот. И женщины, женщины... Нужны деньги, много денег. Там, где Войлошников, должны быть деньги. И потом — пальцы Канабеевского цепко грузнут в мягком мехе — вот деньги, вот путь к веселой, чистой, безопасной, спокойной жизни...

Пусть другие изнывают в тяжести, в позоре (да, да позоре!) отступления! Он сделал свое, он отдал ровно столько сил, сколько стоили

и стоят эти пышные, звонкие идеи — он отдал ровно столько сил, сколько мог и хотел. Теперь — в широкий мир!.. Армия может требовать от него службы, но позвольте теперь культурную обстановку! Пожалуйте человеческие условия, уют, культуру!..

Пальцы тонут в шелковинках меха. Пальцы вздрагивают от возбуждения.

Штабс-капитан Войлошников, командующий армией, штаб- и оберофицеры они, наверное, все теперь на отдыхе и, играючи, в чистых кабинетах, пишут приказы, рассматривают карты, по картам следят за судьбой страны, за судьбой войны, этой нелепой, затянувшейся внутренней войны, которую нужно бы вовсе называть усмирением бунта. Они отдыхают. Вокруг них весело, светло, шумно. Женщины, женщины... Благоухающие, сверкающие белизною открытых плеч женщины...

Поручик отрывается от мечтаний, бросает на стол меха, потягивается...

— Черт возьми!.. — вздыхает он...

15

Через неделю, вслед за Уочаном, вышел в Варнацк верхнетундринский Тыркул. Вместе с ним на его трех упряжках пришли парнишки и его баба.

Тыркул принес Селифану одну лисицу и немного беличьих шкурок.

— Ты что же, смеешься? — рассердился Потапов. — Вас там на Нижней тундре душ двенадцать ясашных, а ты эстолько принес?!.

Тыркул виновато поморгал глазами.

— Я друг, — сказал он по-тунгусски, — свое принес, за себя, других не знаю.

— Не знаешь!.. Ты должен знать! Начальник у нас сердитый!.. Гляди, Тыркулка, как бы худо не было!..

Тыркул молча вздохнул.

Потапов ушел к Канабеевскому.

Поручик выслушал его и нахмурился:

— Почему так мало?

— Хитрят тунгусишки, вашблагородье. С имя строгостью нужно действовать.

— Ну, а ты на что? — еще больше нахмурился Канабеевский. — Это твое дело... Ты, брат, лодырь! Да, лодырь!.. Ты обязан все это устроить аккуратно и быстро, а ты болтаешься зря!..

— Я стараюсь, вашблагородье! — оробел Селифан. — За им, за тунгусом, не уследишь. Он, вашблагородье, в тайге, в лесу.

— Где бы ни был, а ты должен получить с него все, что полагается правительству... Смотри, Потапов!.. Я не люблю спуску давать!

Канабеевский воодушевился, зажегся энергией, даже повеселел от начальнического гнева. Селифан понурился, слушал и поглядывал искоса.

— Я теперь поправился, — продолжал Канабеевский, — я за всем стану сам следить!..

Селифан поднял голову и быстро посмотрел на поручика.

— У меня, вашблагородье, от вас ничего сокрытого не имеется...

— Ну, имеется там или не имеется — это я все разберу... Итак, ты вот что запомни: вся пушнина и все другое — теперь доставляется прямо ко мне. Я сам буду присутствовать при приемке.

— Как вам желательней будет, — вздохнул Селифан.

— И вот еще, я подумаю — нельзя ли тут у крестьян про пушнину узнать. Ведь и они добывали. У них, я думаю, тоже запасы. И от инородцев они попользовались немало.

— Вашблагородье! — прервал Канабеевского Потапов, голос у него зазвучал торжественно и проникновенно. — Вашблагородье, упаси вас господь крестьян здешних затрагивать! Упаси господь!..

— Почему это? — вздернул поручик голову. — Запугают они меня, что ли? Так пусть не забывают, что скоро установится связь с отрядом штабс-капитана Войлошникова...

— Тайга здесь, вашблагородье, дичь... Пока там явится, как бы недоразуменья какого не вышло. Крестьян — их пока не тронешь, они ласковые.

— Я брат, сумею, сделать их ласковыми!..

— Да я и не спорю, вашблагородье... Я ведь только про то: пушшай покелева тунгусишки пушнину тащут. А у крестьян повременить надо...

— Ладно, — махнул рукою Канабеевский. — Я еще это обдумаю. Времени у меня хватит.

— Да, конечно, хватит!..

Ушел Селифан от поручика в этот день расстроенный. Огрызнулся на Устинью Николаевну, несшую со своей половины мягкие шаньги поручику. Злобно пнул щенка, ласково подкатившегося ему под ноги у ворот.

У себя дома Селифан со злостью швырнул на лавку шапку и полушубок и послал за тунгусом, за Тыркулом.

— Ты, гадина! — накинулся он на него, когда тот пришел. — Отправляйся в свое стойбище и скажи от моего имени другим там, что ежели они на этой же неделе не привезут всего, что полагается с них, так бить буду! Так прямо шкуру и спущу со всех!.. У! Сволочи, будь вы прокляты!..

Канабеевский перебрал, пересмотрел шкурки, оставленные у него Селифаном, полюбовался ими, а потом подошел к угловому столику. Он наклонился над ним, стряхнул с пачки бумаги («Стихи и настроения Вячеслава Канабеевского, 1920 год. Вблизи Ледовитого океана. Зимою») пыль, отлистал и отложил в сторону исписанные листки и на первом чистом написал:

«Опись принятой пушнины с приблизительной оценкой довоенного времени».

16

В марте солнце стало щедрее. Морозную мглу разрывало оно шире и властней и тускло-огненным щитом вставало ненадолго и низко над иззубренным краем тайги. На Лене зажигались искорки: самоцветными огнями играли льды.

В марте заволновались, стали чуткими, беспокойными собаки. Они выбегали на лед, слушали захребтовые шумы, ловили вздрагивающими ноздрями морозный воздух, искали, ждали, слушали.

В мартовские дни больше и дальше стал прогуливаться поручик Канабеевский. Он спускался у угора на речную дорогу, обходил проруби, уходил на самую середину мертвой, неподвижной реки. И шел от вешки до вешки, оставляя за собою потонувший в морозном тумане Варнацк. Он шел по малоезженой дороге, по той самой дороге, которою два месяца назад ушли Войлошников со спутниками и по которой скоро должны были прийти хорошие вести.

Идти было легко: ноги мягко обхватывали оленьи унты, привезенные Уочаном, на руках были пушистые ушканьи с лисьей оторочкой (подарок Устиньи Николаевны) верхонки, в просторной парке удобно и тепло.

Канабеевский уходил далеко. Канабеевский уносил с собою свои мечты — легкие и приятные: о скором отъезде, о хорошей пушнине, о приятных вещах и людях, которые ждали его там, далеко.

Возбужденный ходьбою, крепким, быстрее гонящим кровь морозцем, взбодренный этими мечтами, — возвращался Канабеевский в Варнацк и, если встречал в это время кого-нибудь на своем пути, то весело и благосклонно окликал, коротко шутил, незлобиво и снисходительно поддразнивал.

Однажды возвращаясь с прогулки, поручик у проруби увидал женщину с ведрами. Она уже набрала воды, присела с коромыслом, чтобы зацепить им ведра, и, когда Канабеевский поравнялся с ней, она легко поднялась, выпрямилась и, чуть-чуть покачиваясь, пошла в угор.

Канабеевский пошел вслед за нею и заглянул в ее лицо.

Он встретил лукавый жаркий блеск черных глаз, заметил смуглую чистоту раскрасневшегося на морозе лица, полураскрытые яркие губы и сверканье ярко-белых, по-таежному белых зубов.

— Здравствуйте, красавица! — игриво поздоровался поручик и подумал: «Черт возьми! Ничего штучка!»

Женщина повернула в его сторону лицо и на ходу ответила:

— Здравствуй-ка!.. Прогулку делал?..

— Да, по Лене ходил, воздухом дышал... А я почему вас раньше не встречал? Вы разве не здешняя?..

Женщина оправила плечом коромысло и усмехнулась.

— Нет, мы здешние... Только я у родных гостила, в Белоключинском. Я оттуда взятая.

— А!.. — протянул Канабеевский. — Вы, значит, замужем?

— Вдова я... — скромно ответила женщина. — Третий год вдовею.

— Да-а! Вот как! Такая молодая и вдова!

— Ничего не поделаешь! — вздохнула женщина. — Всему господня воля.

Они поднялись уже на угор. Женщина пошла быстрее. Канабеевский тоже ускорил шаг.

Тогда женщина обернулась к нему и значительно сказала:

— Слышь, не ходи за мною. Что люди-то скажут?.. Не ходи, не срами...

— Глупости! — рассмеялся Канабеевский, — уж и нельзя пройти вместе?

— По-нашему, по-здешнему, не ладно так... Уходи.

И, видя, что Канабеевский не отстает от нее, женщина оглянулась и скороговоркой кинула:

— Разве этакие дела на улице средь бела дня слаживаются?.. Ступай, ради воспода!..

— Во-от как! — засмеялся Канабеевский. — Ну, твоя правда! Ты только скажи, как тебя звать?

— Мунгалова я, Степанида... Ну, ну, ступай с богом!..

Женщина пошла быстрее. Канабеевский отстал и свернул в сторону к своему переулку.

Канабеевский молча усмехнулся: веселые мысли плелись, слагались в нем.

С веселыми мыслями пришел он к себе домой. Шутил с Устиньей Николаевной, с аппетитом покушал, аппетитно растянулся после обеда на постели и тихо и умиротворенно задремал. Засыпая, видел перед собой встретившуюся у проруби бабу и сам себе сказал:

— Находка... Прямо находка!..

17

Когда в этот же день, попозже, Канабеевский спросил Селифана про Мунгалову Степаниду, тот странно усмехнулся и непонятно ответил:

— Баба — ничего. Не стоит вашего беспокойства, вашблагородье!

Поручик поморщился и брезгливо оборвал его:

— Не твое это дело! Твое занятие — оповестить ее, чтоб пришла, да устроить все без шуму; вот и все! А стоит ли мне беспокоиться или нет — это уж, как я решу!..

Селифан помялся, хотел, видимо, сказать что-то, но удержался и мотнул головой.

— Слушаю. Только бы потом обиды вашей не было бы...

— Ну, будет! — рассердился Канабеевский. — Будет! И баста!..

Селифан сжался и ушел.

А назавтра к вечеру, когда лежал и грезово думал о разном Канабеевский, за дверью заскреблось, дверь открылась и вошла, встала у порога женщина:

— Звать меня посылал? — весело спросила она. И лукаво добавила: — Сказывал Селифан — постирать тебе требоватся...

— Проходи, проходи! — соскакивая с постели, повеселел, засуетился поручик. — Звал я. Вот хорошо, что пришла! Хорошо!

— Хорошо ли? — засмеялась женщина и отошла от порога ближе к Канабеевскому.

Поручик схватил ее за шаль, рванул.

— Пусти... Постой! — деловито защищалась женщина. — Ишь ты, ровно маленький... Разоболокусь я... Пусти.

Она, не торопясь, скинула с себя верхнее платье, оправила под бабьим платочком волосы и села на краешек табуретки. Но поручик обхватил ее за спину и потянул к себе:

— Иди-ка ко мне поближе! — глухо сказал он. — Чего церемонии разводишь?..

— Не ладно так-то!.. — усмехнулась женщина. — За бельем звал... А тут, смотри, Макариха к тебе еще зачем зайдет...

— Не зайдет!.. Не посмеет!.. Ты ничего не бойся!..

— Я не пужливая!..

— Ну, то-то!.. Чего бояться! Иди, не ломайся!..

Канабеевский усадил женщину с собою рядом на постель, стиснул ее грудь, прижал к себе.

— Мягкая ты!.. Сдобная! — вздрагивающим голосом, обдавая ее жаром, сказал он.

— Пусти! — захлебнулась коротким хохотком Степанида.— Всюе излямкаешь ты меня!.. Пусти! Вздыхнуть прямо невозможно..

— Да ты не ломайся... не ломайся... — бормотал поручик, задыхался, обжигался желаньем. Торопился...

Тусклый жировик, чадя, кидал по стенам шарящие тени. Окна белели мохнатым инеем. От печки шел прочный сухой жар...

Устало оттолкнув от себя Степаниду, Канабеевский вяло и брезгливо сказал:

— Ну, и жадная ты... ненасытная.

Женщина оправила на себе запон, спустила ноги на пол и ничего не ответила.

— У тебя дети были? — равнодушно спросил Канабеевский.

Помедлив немного, женщина ответила хмуро, сразу же погасив смущенную улыбку на раскрасневшемся лице:

— Нет... не были.

— Что же так?

Канабеевский вытянулся на постели, закинул руки за голову, прикрыл глаза.

— Муж у тебя неудачный был, что ли?..

— Не знай... — тупо сказала Степанида и быстро встала.

— Уходишь? — вяло сказал поручик. — Ну, уходи... Когда надо будет, опять с Селифаном закажу...

Быстро накинув на себя шаль и шубенку, Степанида молча ушла.

Канабеевский сладко зевнул, закрыл глаза. Задремал.

18

В благовещенье, марта двадцать пятого, в Варнацке справляли вроде престольного праздника. Был бревенчатый сруб с крестом на грубой башенке, в срубе — полутемная горница с престолом, с иконой Иннокентия, святителя сибирского, с образом благовещенья и Николая-угодника, кем-то из местных по-таежному размалеванных: был Никола лохматый, плешивый таежник в дохе и даже в рукавице на левой руке.

Этот бревенчатый сруб в бывалые годы раза три в зиму оживал золотыми огоньками, отогревался мужичьим духом и большой железной печкой, наполнялся волнами плохого ладанного дыма и терпким запахом жженого вереску. В эти дни сверху наезжал поп.

Бабы разогревали сруб, скребли, мыли. Иной раз навезут пихтачу, устелют пахучими ветками неровный пол. Пойдет беседа с господом богом, а потом гулянка дня на три.

В этот год попа к благовещенью не ждали. Старый поп из ближнего прихода (а ближний приход за сто верст) еще перед рождеством преставился. Новых попов перестали слать из Якутска с самого того времени, как двинулась с места Русь, а за нею, слышно было, и Сибирь.

Службы не бывало. А вместо велелепного богослужения в прошедшее рождество угромоздился у престола кривоногий Парамон Степаныч, бывший трапезником в волостном селе (где церковь, где приход) и понимавший мало-мало обиход с господом богом.

Парамон Степаныч и в благовещенье прицеливался переговор с богом от всего Варнацка вести. Но за три дня до праздника, когда бабы отапливали сруб и таскали туда воду для мытья полов, проходил мимо поручик, заинтересовался:

— Это что же, богослуженье предстоит?

— Да! Ради праздничка!

— И священник приедет? — оживленно спросил Канабеевский.

— Нет. Священника не будет. Парамон Степаныч тут у нас есть, мастак. Он заместо священника...

Поручик вошел в сруб, поглядел, повертелся деловито возле икон.

Выходя оттуда он сказал бабам:

— Пошлите ко мне этого вашего Парамона Степаныча. Немедленно!

Ушел Канабеевский домой степенно, над чем-то задумавшись.

Был задумчив у себя в избе. Порылся в сумках, досадливо покачал головою: не нашел, видно, того, что искал.

Парамон Степаныч пришел скоро. Влез он в избу, широко расставив ноги, прошел к поручику, и, ухмыляясь широким ртом, басом сказал:

— Здравствуй-ка! Звать бабам приказывал?.. Вот он — я!..

— Ты Парамон? Это ты тут вместо священника орудуешь?

— Я, — ухмыльнулся Парамон Степаныч. — Мало учен, а то и совсем бы хорошо!..

— Ты думаешь это хорошо? — нахмурился Канабеевский. — Напрасно!.. Вот ты такой — неграмотный, грязный, да поди еще и пьяница, а лезешь богослуженье совершать!.. Это хамство! Понимаешь, хамство!..

Парамон Степаныч несколько раз мигнул оторопело, переступил тяжело с ноги на ногу и вздохнул.

Поручик прошелся по комнате, отшвырнул подвернувшуюся под ноги табуретку и круто остановился перед Парамоном Степанычем.

— Ну, как же ты молишься? Как же ты смеешь вместо священника, к алтарю лезешь?

— Я как молюсь? — вздохнул Парамон Степаныч, — обыкновенно как — кои молитвы, тропари там. А главное — апостол. К апостолу голос у меня способный. Покойный отец Василий всегда хвалил... Я ведь с отца Василия и стал молитву править...

— Ты что же, читать умеешь? — немного сконфузившись, переспросил Канабеевский.

— По церковному мало-мало учен. Ну, а гражданскую печать разбираю... Я ведь в псаломщики натакался, да не вышло. Фигура у меня, вишь, корявая. Благочинный приезжал, увидел меня, говорит: неблаголепно....

— Правильно благочинный сказал! — подхватил Канабеевский. — Понимающий человек!

— Конечно! — согласился Парамон Степанович. — Вид у меня не такой. Кабы вид настоящий — был бы у меня карьер жизни.

— Глупости,— фыркнул поручик.

— Это многие из духовенства мне сказывали — про карьер. Потому голос у меня отчаянный...

— Голос это еще не все! — внушительно отметил Канабеевский.— К голосу многое можно приложить, а уж потом мечтать о карьере.

— Конечно, — еще раз согласился Парамон Степанович и вздохнул.

Канабеевский помолчал. Оглядел Парамона Степановича с ног до головы, усмехнулся. И с кривой брезгливой усмешкой сказал:

— Ну, хорошо. Голосом хвастаешься. Ну-ка, покажи, прочитай главу какую-нибудь!..

Парамон Степанович весело улыбнулся. Обрадовался.

— Это с большим удовольствием! — сказал он. — Откуда желаете?

— Откуда хочешь, — согласился Канабеевский. — Да ты разве наизусть умеешь?

— Умею! — мотнул спутанными лохмами Парамон Степанович.

— Ну, начинай.

Парамон Степанович осторожно прокашлялся. Вышел на середину горницы, постарался составить обе вместе кривые ноги, сложил смиренно волосатые темные жилистые руки на животе и начал.

И когда начал — колыхнулся мимо Канабеевского теплый воздух и где-то в углах зашуршало, осыпалось.

— Да-а! — удивленно протянул поручик. — Голосок у тебя изрядный. Апостола ты порядочно читаешь. Что касается до другого, то я сам займусь. У тебя требник или что-нибудь такое имеется?

— Евангелья у меня и потом молитвы разные...

— Неси сюда!

19

Благовещение выпадало на среду. В среду утром Канабеевский, чисто выбрившись бритвой-жиллет, в праздничном, помятом от лежанья в сумке, френче, строгий, празднично-важный вошел в сруб, где уже поблескивали перед иконами свечечки и где Парамон Степанович с Селифаном наводили порядок. Канабеевский прошел через толпу к престолу, перекрестился, истово приложился к замызганному трепаному евангелию и, воздев очи горе, начал службу как-то по-своему, по-военному: строго, внушительно, скоро. Парамон Степанович озабоченно и смущенно отзванивал ему «аминь» и жег в жестянке остатки ладана с еловой смолой.

Мужики, заранее оповещенные, что службу будет править офицер, придвинулись поближе к иконам, к Канабеевскому и, слушая его отчетливое, строгое чтение молитв, старательно крестились, до поры до времени храня в себе изумление. Бабы отмахивали поклоны и в перерывах между молитвами, когда поручик с непривычки не сразу попадал, какую прочесть, перешептывались, переглядывались, изредка давились неожиданным, непокорным смешком . Ребятишки протискивались между старшими, толкались, на них строго шипели.

Над головами плавали в сыром воздухе едкие синие дымки. В полутьме между чеканными холодными звуками поручикова голоса шелестели старушечьи охи и, гулко потрясая полумглу, гудел Парамон Степанович своими возгласами.

Канабеевский взялся за дело серьезно: он проморил молельщиков часа два. И, когда, он кончил и толпа мягко шарахнулась к выходу, Селифан вышел на середину и строго закричал:

— Обождите, куды поперли! Его высокоблагородье слово скажет! Тише вы!..

Толпа остановилась и наддала вперед. В толпе закашляли, засморкались. Глухой говор пошел, смешки, легкий гул удивленья.

Канабеевский вышел из толпы, откашлялся, потер руку об руку, словно помыл их, и оглядел толпу.

— Вот, православные, — начал он, — должен я вам сказать в сегодняшний, праздничный для верующих день, объяснить о многом, что вам неизвестно и что должны вы знать. Знаете вы все, что прибыл я сюда с командиром одной воинской части, поставившей себе целью восстановить в России порядок. Порядок настоящий, крепкий порядок. Да! В России орудует шайка всяких преступников и между ними жиды. Они хотят закабалить русский православный народ. Они насмехаются над православной верой, над всеми святынями... Вот я здесь остановился по болезни, но скоро прибудут за мною из армии, и я поеду исполнять свой долг христианина и воина... И хочу я вам сказать, православные, что в теперешнее, тяжелое для святой Руси время, должны все свой долг исполнять... Вы живете на отлете, далеко от населенных мест и, говорю, не знаете, что там, в матушке-Руси, произошло и происходит. Нужно вам это объяснить...

Канабеевский перевел дух и крепче потер руку об руку. В толпе завздыхали. Парамон Степанович осторожно крякнул: дымные полосы метнулись в углы.

Канабеевский набрался сил, прихорошился, приосанился и, немного сбиваясь и путаясь, рассказал варнаковцам о том, что происходило на Руси-матушке.

У поручика выходило немного туманно, но мужики и бабы узнали о многом, про что решил им по-своему поведать Канабеевский, и главное уразумели они, орудуют по городам, и даже в самых главных, незаконные правители, но скоро им придет конец, и конец этот несет христолюбивая армия, плоть от плоти, кровь от крови которой является сам поручик.

— Над Россией воссияет свет правды и свободы истинной, — закончил торжественно Канабеевский. — И праведные найдут в ней истинное отечество!..

Поручик кончил. Речь ему самому очень понравилась. Понравились особенно последние слова. Они звучали властно и солидно. Он их со вкусом громко повторил.

Богомольцы шумно вывалились из сруба на морозный воздух. Они расходились, переговариваясь, перекликаясь, посмеиваясь. Они повторяли отдельные выражения поручиковой речи и, удивляясь необычным в их обиходе сочетаниям этих слов, смешливо восхищались:

— Видал ты!.. Како наворотил! Чище отца Василия, покойника!..

— Куда тут!.. Вострее!.. Забористей!..

20

Удивляясь необычному сочетанию поручиковых слов, варнаковцы позже, у себя в избах, стали вникать в их смысл.

Все, что делалось за гранями хребтов, глухим, непонятным откли-

ком доходило до таежных людей. Знали: раньше была крепкая связь с начальством, большим, грозным, невидимым и невиданным, которое сидело где-то в Якутске, и еще в Иркутске, и еще выше — в Петербурге, городе из камня. В редкие промежутки приезжали становой, заседатель и, как чума или великая напасть — оспа, исправник. Но исчезли они. Болтали люди досужие, что вытряхнул их народ, рабочие. И после этого вышло замирение с германом. И, когда произошло это, приехал новый начальник — комиссар и объявил:

— Свобода!

А со свободой этой окончательно вышел недостаток в товаре — в ситцах и сукне, в чае, в охотничьем припасе. Остановили ездить торговые.

И опять дошли слухи, досужими людьми перекинутые, что беспокойство большое идет в городах, что жизнь как-то замутилась и нет в ней настоящего, кондового порядка.

И вот теперь — молельщик новоявленный (чудно было мужикам слушать молитвы его! — к Парамону, он свой, — привыкли), тоже про порядок толковал, порядок сулил. А тот ли это порядок, что тайге, промышленному человеку нужен? Придет ли с порядком этим и чаишка, и табак настоящий, и сахар и — главное — порох со свинцом? Можно ли будет с порядком этим рубахи новые завести, порты, лопать мало-мало сносную, правильную?..

Стали варнаковцы вникать в смысл поручиковой речи. Гудели у печек железных, спорили, незлобливо ссорились, перекрикивали друг друга.

Когда невмоготу стало и до настоящей точки спорщики дойти не смогли, зацепили Селифана и принялись тянуть из него:

— Ты, Селифан Петрович, будто вроде начальства — объясняй: будет от власти этой вашей продовольствия всякая народу?

— Вспомоществования крестьянству предвидится ли?

— Всякое дорожное, гоньбовое облегченье будет?!

Селифан пыжился, старался казаться знающим, но до поры до времени молчащим:

— Объявления об этом еще не последовало. Когда объявлено будет, сообщения ждите.

— Чудак,— сердились мужики,— когда объявлено будет, мы, брат, и без тебя уведомимся!.. Ты теперь все до точки объясни!

— Да, теперь! Опосля мы и сами с усами — мы сами, паря, до всего дойдем!..

— Теперь преждевременно, еще нет никакой резолюции, — отвиливал Селифан и смущался.

Мужики мотали головами, ругались. Отцеплялись от Селифана и своим умом пытались разгадать загадку.

Мужики в предвесеннее томительное, бездельное время, ворочали в себе тяжелые мысли.

А поручик жил своей жизнью. И в этой жизни ярким уголком вкли-

нено было горделивое воспоминание о молитвенном дне в праздник благовещения, в среду двадцать пятого марта.

21

Около этого же времени сквозь заснеженную тайгу, по закуржавевшим тундрам пробирались красные отряды. В великом стихийном беспорядке двигался чаемый варнацкими — и иными по тундрам, по равнинам, по плоскогорьям, по хребтам по всей России людьми — прочный новый порядок.

Красные отряды стягивались к Лене-реке, закидывали, захлестывали частую сеть по глухим незнаемым местам, ловили, вылавливали остатки пепеляевских, каппелевских, разных других генеральских полков. Красные отряды двигались медленно; труден был снежный, пургою переметенный, увалистый, рыхлый, коварный путь. Они упорно, задерживаясь в трудных местах, копя силы, лезли вперед, и там где до них проходили остатки, осколки армии погибшего верховного правителя, крестьяне встречали их благодушно, указывали легкие и удобные дороги, присоединялись к ним. Но все чаще и чаще шли они по малолюдной стране, по глухому малоезженому зимнику, и обжигали их знойно-морозные вздохи тайги, затаенно поглядывали с берегов черные стены тайги, низко нависало над ними изморозное небо. И редкие, неожиданные в стылом воздухе звуки порою заставляли их настораживаться: глухой треск в чаще еловой, короткий крик далекого зверя, свист.

Они изредка настигали измученные, но упорные в сопротивлении белые отряды. В кованые снега врывались они грудью, заседали за кокорники, в ложбинках, подстерегали, ждали. А там, против них тоже врывшись в снега, ждали, таились враги. Потом звенели пули, в морозной лихорадке трясся пулемет, трещали глухо и пусто выстрелы. Вставал шум схватки. Рвался рев — и оттуда, от врагов, и здесь. Рев таежный, звериный, под стать тайге.

Порою приходилось долго топтаться на одном месте и медленно, ожесточенно и упорно выбивать неподдающегося, отчаявшегося неприятеля. Как медведя в берлоге, обкладывали его, обходили со всех сторон, и ждали, и ранили. До тех пор, пока смертельно раненного не вышибали последним убивающим ударом.

Порою останавливались в жилом месте, наспех лечили раненых, отдыхали. Тогда люди засыпали тяжелым, непробудным сном. Сбившись по избам на полу, на трухлявой соломе, они метались в тревожных сонных грезах, скрежетали зубами, вскрикивали, хватали руками избяной крепкий воздух, вцеплялись один в другого. Просыпаясь, долго не приходили в себя, глядели невидящими глазами, и тогда были у них окаменело-улыбающиеся странные лица.

На них клочьями висела изношенная, плохо греющая одежда. На щеках, на носах коричневыми пятнами лежали морозные поцелуи — до крови, до мяса. На остановках они долго растирали обмороженные

ноги обмороженными, с негнущимися пальцами, руками. Их красные знамена истрепались, исполоскались под пургами, под вьюгами, под морозами. Их красные знамена с просвечивающимися дырами гнулись под холодными ветрами, но ползли, ползли, ползли, вперед, плескались над ними. Их песни, которые они порою пели хриплыми, простуженными голосами, будили тоску и тревогу в таежном молчании...

В зверином лесном беспорядке двигались, катились они. Днем тускло, еле пробивая туманные завесы мороза, светило над ними солнце; ночью рассыпалось над их головами все богатство звездного северного неба. И сам многоцветный, бриллиантовый Орион, словно шел за ними, указывая им их снежный морозный, смертный путь.

Своих мертвецов зарывали они в мерзлую землю, которая визжала под лопатами, под кайлами. В мерзлую, неуютную землю хоронили они тех, кто не вынес этого похода, или погиб в стычке с неприятелем.

За ними оставался широкий след. И на нем — могилы, десятки могил.

Они шли неотвратно, как судьба... И в сторону от их пути по таежным иргисам ползли вести о них. Ползла о них молва.

Как она ползет в тайге? По остриям елей? По кованым льдам речек? По тундровым перевалам? По хребтам, по боркам?

Никто не знает, но она ползет...

22

Многими путями приходит судьба. Не все ли равно — какими?

К поручику Канабеевскому она пришла самым петлистым, самым неприятным путем.

В тихий полдень, когда теплели солнцем оцелованные льды в окнах, вошла к Канабеевскому Макариха и громко спросила:

— Не спишь, Вячеслав Петрович?

— Нет, — недовольно ответил поручик. Лежал он на постели и поглядывал в окно.

— Там тебя спрашивают! — ухмыльнулась Устинья Николаевна.

— Кто еще?

— Сродственница твоя!.. — зло хихикнула Макариха...

— Кто?!

— Да Кокориха, Стешкина мать!

— Ну, чего ей еще надо! — рассердился Канабеевский и слез с постели. — Какого черта ей надо, спрашиваю я?

— А ты ее самую спроси! — огрызнулась Устинья Николаевна и, повернувшись к двери, крикнула:

— Пелагея! Заходи!..

Дверь медленно отворилась, через порог перековыльнула закутанная фигура. Рядом с Устиньей Николаевной встала она, поклонилась и, не подымая головы, гнусаво поздоровалась:

— Здравствуй-ка, господин! Добро ли живешь?

Устинья Николаевна отодвинулась в сторону. Вошедшая разогнулась, подняла голову. Канабеевский взглянул на нее и увидел, рассмотрел лицо. Еще не понимая причины, не осознавая ее, он почувствовал внезапную тревогу. Он поддался ближе к той, пришедшей, — и вот ясно встало перед ним старое, закутанное платком лицо, на котором остро поблескивают еще невыцветшие глаза и под ними плоское провалище маленького носа.

— Ты кто? — колыхнулся поручик, и белые пятна вспыхнули на его щеках. — Ты кто?..

Безносое лицо широко расползлось, улыбка оскалила выкрошившиеся зубы:

— Да я, господин, Степанидина родительница... Кокорихой поздешнему прозываюсь...

Канабеевский, белея и вздрагивая, поднял трясущуюся руку к голове, провел пальцами по волосам.

— А нос? — нелепо сказал он. — Нос у тебя... Ты давно больная?..

Торопясь ответить, толкнулась сбоку Устинья Николаевна и готовно-охотливо:

— И-и, батюшка! Давненько! Это у них вся родова таковская! Порча у них семейная...

Канабеевский сжал руку в кулак, потряс им и, вскипев яростью, крикнул:

— Пошла!.. Уходи!.. Слышишь? Не твое дело! Не твое дело!..

Устинья Николаевна сжалась, вперевалку кинулась к двери, с шумом захлопнула ее за собою.

Кокориха двинулась было за нею, но Канабеевский ухватил ее за плечо: — Ты останься,— сказал он.— Я с тобой поговорю!..

Старуха осталась. Съежившись, она втянула голову в плечи, словно обороняясь от удара.

Канабеевский тяжело перевел дух и уставился на Кокориху. Сдерживая дрожь ярости и страха в своем голосе, он приглушенно спросил:

— Ты, гадина... вот что... Девка-то твоя, стерва эта, тоже больная? А?

Кокориха еще глубже втянула голову в плечи.

— Батюшка, господин родненький! Неизвестная этому! Ей-богу, неизвестна!..

— Ты не юли! — визгливо крикнул Канабеевский. — Говори правду! Правду!..

— Я почем знаю! — забормотала старуха и отодвинулась в сторону. — Ранние-то дети у меня с малолетству болезнью этой выказывались. А Степанида, сам знаешь — чистенькая, как стеклышко... Не надо бы, чтоб порченая была...

— Не надо?! — передразнил поручик. — У-у, гнилье поганое!.. Сволочи паршивые! Убить вас за это мало!.. Раздавить!..

Поручик снова вытянул руку, скрючил пальцы и медленно, судорожно сжал их.

— Задушить вас, сволочей, мало!..

Кокориха виновато поморгала глазами и всхлипнула:

— Не виновата я, господин! Ей богу, ни в чем не виновата!.. Сама от добрых людей попользовалась...

— Не виновата?! А та, сука-то твоя, она почему молчала? Она как смела скрывать?..

Старуха ухватила конец головного платка и стала молча вытирать плачущие глаза.

Тяжело поглядев на нее, поручик вдруг странно успокоился.

— Вот что, — ровно сказал он. Запомни: если попортила мне здоровье твоя сволочь, если заразила меня — убью ее. Из нагана пристрелю!.. Как собаку!..

— Господи! — охнула Кокориха, испуганно поднимая глаза на поручика. Но, встретив тяжелый, мрачный взгляд, нагнула голову, заплакала:

— Господи! Беда какая!..

23

Извилистым, непрямым путем шла к Канабеевскому его судьба.

В тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, объезжая свой округ зимою, заседатель Веденяпин остановился в селе Белоключинском. Заседатель был толстый, фельдфебелистый, обжорливый мужчина. Он любил много покушать, тужурка на груди и на рукавах была у его всегда засалена. Заплывшие глазки его всегда поглядывали на мир сонно и равнодушно. С Веденяпиным ехали письмоводитель и урядник. А заодно вместе с ними увязался купец Суздалев, много лет ведший меновую торговлю в этих краях.

В Белоключинском приезжие изрядно наугощались и стали отдыхать. Заседатель с Суздалевым расположились в пятистенной избе промышленного, крепкого хозяина Кокорина. Гости устроились на чистой половине, куда молодуха кокоринская, Пелагея, носила им мерзлую бруснику для вытрезвления.

Пелагею оба разглядели внимательно. Хмель выползал из них медленно, но на эти дела много ли ума нужно?

Пелагею они задержали у себя. Но задержав и не приступивши еще к ней с главным, завели они между собою, примерно, такой разговор:

— Ты, Кузьма Васильич, хошь и начальство, а лезь опосля меня!

— Ловкий ты! — колыхнул животом Веденяпин. — Любишь цветочки!..

— Мне ведь, Кузьма Васильич, здоровье мое тоже что-нибудь стоит! У меня супруга и дети...

— Можешь тогда попоститься!.. Хо-хо!..

— Да не хотелось бы! Оголодал маленько я. А тут ягодка какая! А?

Разговор на том и кончился. Пелагея в нем ничего не разобрала. Гости назавтра уехали. Старики Пелагею потом избили. Избил ее и муж, вышедший скоро после этого из тайги.

А спустя некоторое время у Пелагеи открылась болезнь на теле. Когда старухи пригляделись к этой болезни, поняли они, что она дурная.

Пелагея понесла свою ношу в побоях, в попреках. Вместе с нею эту ношу разделили ее дети, рождавшиеся в волдырях, в гнойниках, и в младенчестве от бабьего и шаманского леченья тяжело и мучительно умиравшие.

И только Стешка родилась чистенькой здоровенькой, крепкой. Росла веселой девчонкой-хохотуньей, заневестилась, в Варнацк замуж выпрыгнула. Но вышла бездетной и носила в себе, видимо, неуловимую, непроявлявшуюся болезнь.

Мужа Степанида похоронила скоро и, как решили бабы, заскучала без детей и стала погуливать.

Но тут вышел у нее грех. Спутался с ней варнацкий парень, повозился немного времени — и захворал дурной болезнью. А за ним другой.

Тогда глядя на это и вспоминая провалившийся Пелагеин нос, откачнулись от бабенки парни. И стала она кипеть неутолимым жаром, гореть неугасимым пламенем.

Деревни стояли отрезанные от широких дорог. По тракту перестали ездить сверху торговые и служивые люди. Копила в себе Степанида силы женские, дичала, тоскливо ждала.

И тут ее путь скрестился с петлистой дорогой поручика Канабеевского...

24

Тихую, сонную, полную ожиданий жизнь поручика Канабеевского с треском разорвало появление глупой безносой старухи.

Поручик заметался по горнице, когда ушла Кокориха. Сначала его душила ярость. Хотелось что-нибудь сломать, кого-нибудь избить.

Устинья Николаевна на своей половине слышала, как он бушевал, швырял скамейку, топал ногами, топтался по полу.

Потом, вытеснив ярость, смешавшись с нею, пришел страх.

Поручик торопливо стал стаскивать с себя платье. Он рвал неподатливые пуговицы, сошвырял с себя тужурку, рубашку, нижнюю сорочку. Обнажив свой торс, он внимательно стал оглядывать холеное белое тело. Он оглядел руки, грудь, живот. Скуля от нетерпения, он пытался прощупать пальцами спину, плечи. Он гладил гладкое, с поблескивающей кожей тело свое, искал прыщиков, предательских признаков болезни.

Потом он скинул с себя остатки одежды и так же оглядел, ощупал ноги.

Нагой стоял он посреди комнаты, слегка поеживался от свежести, от тихих струек, тянувшихся из окон, из дверных щелей.

Осмотрев себя и не найдя ничего подозрительного, он выпрямился, потянулся гибко и легко и вздохнул.

— Ну, слава богу, кажется, уцелел!..

Так начиналось его каждодневное терзание. Каждый день утром он тщательно осматривал, ощупывал свое тело. Достал у хозяев тусклое простеночное зеркало и при помощи своего маленького ухитрялся оглядывать свою спину.

Каждое утро просыпался он в поту, замирал от страха, долго не решался оглядеть себя: все боялся найти роковой знак.

И, когда, наконец, решившись, ничего не находил, радостно ухмылялся сам себе, что-нибудь громко вскрикивал, делал нелепые движения — подпрыгивал, скакал, махал приветливо (сам себе!) рукою.

В тот первый день, когда приходила Кокориха, поручик мрачно прошел к хозяевам, напугав своим приходом Устинью Николаевну, и приказал немедленно звать Селифана.

Селифан пришел сконфуженный, опасливо держался подальше от Канабеевского и терся возле двери.

— Ты, мерзавец, почему меня не предупредил, что Степанида сифилитичка? — накинулся на него Канабеевский.

— Я, вашблагородье, хотел было вам отсоветовать, да вы сами слушать не стали! — стал оправдываться Селифан.

— Разве так нужно было говорить?! — освирепел поручик. — Мало ли, что я не хотел слушать! А раз дело такое — ты обязан был доложить мне подробно. Понимаешь, обязан!..

— Понимаю, вашблагородье! — сокрушенно согласился Селифан.

— Молчи!.. Не смей перебивать. Ты вот запомни, заруби себе, где хочешь: если я, сохрани бог, подцепил болезнь от этой стервы, ты будешь отвечать! Ты мне ответишь!..

— Да я, вашблагородье...

— Молчать!.. Пошел вон!.. Вон, сию минуту!..

Потом Канабеевский немного успокоился (он уже оглядел, освидетельствовал себя), затих, задумался. И в задумчивом этом своем настроении добыл он с угловичка те, забытые листки — «Стихи и настроения», охлопнул с них пыль, подчеркнул все, прежде написанное жирной чертой и, повздыхав, написал: «...Жизнь станет ненужной и страшной, если господь, не отвратит от меня этого..»

25

Кокориха Пелагея, еле убрав ноги от разъярившегося поручика, уехала ни с чем обратно в Белоключинское. А приезжала она с делом, от дочки, от Степаниды.

Степаниду третий день трясла лихоманка, видно, продуло ее хиусом у прорубей, когда уехала она из Варнацка гостить к родителям.

Третий день порывалась она ехать обратно в Варнацк, но горела

вся жаром и не могла оторвать тяжелой головы от подушки. А тут пришли в Белоключинское сверху тунгусы, истосковались по спирту, явились погреться. И пока спаивали им остатки самосидки, рассказывали они, что неделю назад встретились они с дальними верховскими тунгусами, которые, в свою очередь, недавно выходили к ленским деревням и там услыхали новости: по тайге идут вооруженные люди, крестьян и тунгусов и якутов они не трогают, но ищут каких-то белых, раньше всего офицеров.

Мужики (было это дело у Кокорихи) выслушали весть, пораспросили покрепче тунгусов, потом зашумели между собою. Степанида металась на печи, и шум томил ее. И не вникла бы она в мужичьи споры, но под конец галдежа кто-то наставительно сказал:

— Вот что мужики... Пока что это нам неизвестно, кака опять там камуха ползет... но единственно положить крепко надо: обо всем этом ни Селифашкиной ораве, ни офицеру этому — ни-ни...

Степанида вслушивалась в эти слова. Стала вникать и дальше. И, когда поняла, что что-то скрыть хотят мужики от Канабеевского, а раз скрыть, значит, во вред ему, — завязала себе узелок в бабьем своем уме.

В этот день сильней всего урываться стала в Варнацк. Но мать не пустила. Тогда она матери все поведала и угнала ее, христовым именем, в Варнацк с весточкой к тому, близкому и страшному...

Но вернулась Кокориха перепуганная, смятенная, злая. Рассказала дочери о встрече поручика, про гнев его рассказала, про угрозы.

Степанида рванулась с постели, прыгнула босыми ногами на пол, выпрямилась, руками хрустнула.

— Эвон он как!.. Я к нему с добрым, от всего сердца, а он, как собаку, грозится застрелить!.. Ладно! Ла-адно!..

Потом, покачиваясь, опустилась на пол, обхватила голову руками, затряслась, заплакала, завыла.

Мать испуганно наклонилась к ней, ухватила ее за плечо, потормошила:

— Стешка!.. Степанида!.. Будет тебе! Залазь на постелю! Ишь дует-то как от дверей, остудишься еще пуще!.. Залазь!..

— Уйди от меня, мать! — оторвав на мгновенье руки от лица, зло попросила Степанида. — Уйди, ради создателя!..

— Ну, чего ты гонишь?.. И пошто ты сокрушаешься? Мало ли что грозится? С сердцов чего не скажешь!.. Не станет он тебя убивать. Да и схорониться можно... И порядков таких нету, чтоб убивать... Ты не бойся!... Залазь, залазь на постелю-то!..

Степанида дернулась, поглядела на мать:

— Разве я от боязни?.. Ты чего, мать, не понимаешь — пошто лезешь?.. Пошто ты меня растравляешь?.. Смертоньки на меня нету!.. Уж лучше бы убил!..

Она снова склонила голову, врыла ее в сложенные на колени руки и затряслась от рыданий.

Кокориха недоуменно глядела на нее и качала головой.

— О-ох!.. Грехи наши тяжкие!..

Через несколько дней, немного оправившись, Степанида принялась за работу и объявила, что в Варнацк, к свекрови, не вернется.

— Поработала я на них!.. — мрачно сказала она. — Глаза бы мои не видывали того самого местечка!..

26

Солнце начинало крепче и вернее орудовать. Лежал яркий, хрусткий наст. Охотники гонялись за сохатыми. Собаки легко неслись по прочной корке снега, настигали проваливающихся, сбивавших себе ноги до крови великанов. Собаки кружились вокруг них, звонко, безудержно лаяли, ловко увертывались от страшных, лапистых рогов.

Охотники привозили в деревню шкуры, потом ездили за мясом, которое залабазивали в наспех, но прочно сбитых срубах от волков, от зверя.

Сытое время пришло. С сытостью добреют люди, становятся мягче, покладистей. Подобрели в Варнацке. Дым весело над избами вьется. Устинья Николаевна свежинкой квартиранта своего, поручика, потчевает, самое лакомое по таежным местам блюдо ему готовит — сохатиную губу.

А поручик тускнеет. Он все оглядывает, свидетельствует себя по утрам, все ищет знака пугающего. Он бледнеет при каждом прыщике, от каждого пятнышка на своем белом, чистом, холеном теле.

У поручика злые мысли.

Эх! Неужели вот тут, в проклятой таежной дыре, от бабы глупой грошовой, заполучить сокровище бесценное?! Ведь вот прошел же он с самого Екатеринбурга через десятки объятий! Какие шикарные женщины продавали ему свою любовь! Уж там, там был риск, и рисковал он смело. И все ничего, сходило, спасал какой-то ангел хранитель.... Сколько офицеров обереглось? В полку (а, может быть, в армии?) уцелело несколько счастливчиков — и среди них он — Канабеевский, Вячеслав Петрович, чистый, белый, незапятнанный... И вот здесь... Неужели же попасться на простой, деревенской, глупой бабе?..

Злые мысли у поручика.

И вместе с этими мыслями впивается в него тревога: где же посланцы Войлошникова? Что же они медлят? Ведь уже пора. Давно пора.

Ведь вот теперь бы и нужно попасть в культурное место, где врачи, больницы, где лекарства. Теперь, когда нет спокойствия душе Канабеевского, надо бы быть среди понимающих людей, чтоб было с кем посоветоваться, у кого найти помощь, поддержку, одобрение.

Где же штабс-капитановы люди? Вот уже солнце стало вздыматься повыше над хребтом; под снежными шапками на крышах повисли искрящиеся ломкие ледяные сосульки; лед на окнах сполз к са-

мому низу и сквозь тусклые стекла день ясный глядится. Предвесенней лаской дышат захребтовые ветры. На Лене, от вешки до вешки, темнеет узкая дорога.

Сумрачен Канабеевский. А тут еще запропастились куда-то тунгусы, не везут ясак, пахучую, пушистую рухлядь. И Селифан смущенно разводит руками, недоумевающе ругается:

— Чего это они, гады?!. Обязательно должны были выйти еще в позапрошлую неделю, а их нету! Не иначе — стряслось что в лесу...

Поручик сердито молчал и переглядывал свои записи: огорченно отмечал застывший, не возрастающий счет богатств своих и натыкался на последнюю запись в «Настроениях» — о жизни, которая станет ненужной и страшной, если «господь не отвратит» от него этого.

Тогда мрачно посматривал он в угол, за изголовье постели, где под висевшим платьем стояла винтовка. Смотрел и вздыхал.

В последнее время Канабеевский, несмотря на солнечные дни, реже стал выходить из избы. Не тянуло его к людям, гадки они ему были, мутило его при виде их. К нему, на его половину, тоже никто не заходил кроме Селифана и косоглазой девчонки, носившей ему самовары и обед вместо Устиньи Николаевны.

Бывало, что целый день Канабеевский валялся на постели и не видал живого человеческого лица.

И поэтому очень изумлен был он, когда однажды после обеда вошел к нему хозяин, Макар Иннокентьевич.

— К вашей милости я, Ачеслав Петрович!..

— Ну, в чем дело? Зачем? — брезгливо спросил Канабеевский.

— Вот какая штуковина, — немного помялся хозяин. — Заминка у меня тут вышла. Припас у нас ружейный вышел. Да. Так не уступите ли ружьишка вашего с патронами, значит?..

Канабеевский скривил губы и качнул головой.

— Только за этим? — спросил он ехидно. — Ну, так можешь убираться к себе подобру-поздорову!..

Макар Иннокентьевич потеребил бороду и медленно, не волнуясь сказал:

— Я думал вы человек образованный, можете обращенье вежливое понимать, а вы вот как! Не хорошо. Очень не хорошо!..

— Без разговоров! — вскипел поручик. — Разговаривать будешь у себя, там на твоей половине!..

— Да я и так у себя, — не повышая голоса, по-прежнему спокойно возразил Макар Иннокентьевич. — Я в своем доме... Вы вот по милости всякое продовольствие у меня имеете — и никакой благодарности в вас нет...

Поручик сорвался с места, подбежал к хозяину, замахнулся, но, встретив тяжелый, упорный взгляд, опустил руку и, задыхаясь, проговорил:

— Я с тобой рассчитаюсь! Я тебе покажу — из милости!.. Хам!

Но Макар Иннокентьевич молча повернулся и вышел.

Канабеевский быстро оделся, сердито расшвырял по постели одежду, вытащил из-под подушки наган, оглядел его, вздел на себя и ушел в деревню.

Он разыскал Селифана, строго накричал на него за то, что у него люди распущены, хамы, грубы.

Напоследок приказал объявить Макару Иннокентьевичу Черных письменно, под расписку, что вменяется ему в обязанность предоставлять квартиру и полный паек со всеми домашними услугами квартирующему в Варнацке по делам службы адъютанту штаба сводного карательного отряда поручику Канабеевскому.

— И объяви ему еще, — мрачно прибавил поручик, — что, если он посмеет в другой раз побеспокоить меня, то будет арестован!

— Слушаюсь! — покорно ответил Селифан и вздохнул.

27

В ясное утро, когда Канабеевский только что встал с постели и, оглядев себя, успокоившись, сладко потягивался посреди комнаты, быстро вошел Селифан. Он был чем-то встревожен и, не здороваясь с поручиком, запыхавшись, сказал:

— Неладное что-то у нас, вашблагородье, в Варнацке деется!

— Говори! Рассказывай! — сдержанно приказал Канабеевский.

— Из Белоключинского мужик тамошний приехал утресь, у Ерохиных остановился. Собрались туда мужики, стали калякать о чем-то, ну, пошли кои из моих-то, а их оттуда взашей! «Нечего, говорят им, нюхать здесь да вынюхивать! Пошли!» А о чем толковали неведомо!..

— Пустяки! — решил Канабеевский. — О чем-нибудь своем, деревенском, толковали да и посмеялись над твоими лодырями!

— Нет! — мотнул Селифан головой. — Тут дело почище будет. Тут, вашблагородье, касаемо вас...

— Меня?

— Да. Не иначе — вас... Я, когда намедни приказ ваш передавал, от него тоже загадку получил: «Ты, говорит, со своим офицером шибко не шиперься!.. Время-то ему отходит!»

— Так и сказал? — сдвинул брови поручик.

— Так вот, как я сказываю. А это, вашблагородье, неспроста. Макар-то мужик степенный, средственный, он языком трепать не любит...

— Та-ак!..

Поручик прошелся по комнате, схватил с измятой постели рубашку, накинул ее на себя. Порылся под подушкой, достал наган, выложил его на стол. Повернулся к Селифану.

— Так... — повторил он. — Ну, что же ты смекаешь по этому делу?..

— Да я, вашблагородье, — замялся Селифан, — моя какая же к этому смекалка?.. Не иначе, красные где-нибудь объявились...

— Что-о!..

Канабеевский широко раскрыл глаза, уставился на Селифана:

— Что ты болтаешь? Откуда ты это выдумал?..

Селифан воровато забегал глазами, заюлил:

— Я это, вашблагородье, догадку свою такую имею, а чтоб основательно, так ничего покуль неизвестно...

— Нет, ты скажи, как могло тебе это в голову прийти? — насел на него поручик. — Раньше у тебя таких догадок не было, как же ты додумался до этого теперь?..

— От усердия это, вашблагородье! — оправдывался Селифан.— Как вы приказали, чтоб я свою смекалку высказал, ну вот...

Глядя на него тяжело и неотрывно, Канабеевский жестко сказал:

— В красных я не верю. Неоткуда им здесь быть. Но имей в виду, что, если они откуда-нибудь появятся — черти их принесут, что ли!— тебе первому будет от них трепка!.. Запомни!.. И чтобы я сегодня же знал, о чем там были таинственные беседы у твоего чалдонья!..

Встревоженный, угрюмый ушел Потапов от поручика. Встревоженным остался Канабеевский.

Впервые за все время в этот день поручик почувствовал тревогу одиночества, был опален неуловимыми пугающими предчувствиями, почувствовал скрытую, таящуюся враждебность окружающего.

И в этот же день он приказал Селифану, которому так и не удалось узнать, о чем толковали мужики, нарядить постоянное дежурство при своей квартире.

— Пусть один из твоих людей всегда находится здесь, на хозяйской половине. Чтоб всегда мог я распорядиться в случае чего.

Селифан выполнил приказ. И когда выполнял его, долго смачно и многоэтажно матерился.

28

— Вот что, Алешка, — сказал Макар Иннокентьевич дня через три селифановскому стражу, уныло растянувшемуся на лавке в кухне. — Ты сиди здесь, не отлучайся...

— Ладно! — равнодушно ответил Алешка.

Макар Иннокентьевич прошел на чистую половину.

Макар Иннокентьевич еще раньше выглядел, что поручик ушел на деревню. Он смело прошел к постели поручика, порылся в углу, нащупал винтовку, подсумок. Ощупал постель, поискал и не нашел нагана. Потом осторожно переглядел, перещупал все вещи Канабеевского и вернулся к себе.

— Пошто так скоро? — лениво спросил Алешка.

Макар Иннокентьевич не ответил.

После обеда к Макару Иннокентьевичу пришли мужики. Они долго молчали. Они задымили всю горницу. Потом Макар Иннокентьевич взглянул на Алешку и хмуро усмехнулся:

— Ты, антилерист, ступай-ка, погуляй покамест. Без тебя обойдемся!

— Не доверяете? — оскалился Алешка.

— Там понимай, как знаешь, а, между прочим, языком не трепли. Ступай!..

Алешка ушел. Мужики опять молча покурили. Потом Макар Иннокентьевич, словно продолжая известный всем разговор, сказал:

— Трехлинейка у него наготове. Патронов дивно, не менее ста. Револьверт с собой таскает.

— Утром всего ловчей!.. — заметил один из мужиков. — Утром он еще со сна не оклемается — тут его и взять.

— Как бы пулей кого не попортил

— А мы с хитростью! Рази мы так напрямки и попрем супротив его?!

— Чего и говорить!... Брать надо с опаской, полегше!

Замолчали. Трубки захрипели, задымились сильнее.

— Селифашку с его оравой в ту же пору скрутить следовает!..

— Селифашка что!.. Селифашку скрутить — пустяк!

— Конечно!..

Еще покурили. Еще помолчали. Ушли.

А утром сквозь сладкий, последний сон услыхал Канабеевский движение над своей головой, раскрыл глаза, дернулся, хотел вскочить, но почувствовал крепкие руки, охватившие его за локти, за спину. Увидел мужиков и среди них Макара Иннокентьевича.

— Вы что? вы что? — крикнул он и рванулся.

Но руки держали крепко. И кто-то успокаивающе сказал:

— Не крутись, паря, кабы кости тебе не помять!..

— Вязать мы тебя пришли — вот что! — прибавил другой.

Канабеевский тяжело дышал. Он задыхался. Переводя с трудом дух, он оглядел всех и сквозь зубы, сдерживая ярость, сказал:

— Гады!.. Сволочи! Попомню я вам это!..

— Не ругайся! — благодушно успокаивали его. — Ругаться будешь, не посмотрим, что ты благородье!..

— Дайте одеться! — угрюмо попросил поручик. — Голого разве вяжут?..

— Ну, ладно! Одевайся! Отпустите, ребята.

Канабеевского освободили, он быстро сунул руку под подушку. Нагана там не было.

Макар Иннокентьевич коротко засмеялся:

— За дурачков нас считаешь? Рази мы револьверт в этаком месте оставим?.. Он у нас прибран.

Поручик зло сверкнул на него глазами и стал быстро одеваться.

Мужики закурили. Канабеевский торопливо натягивал на себя одежду. Застегнув на себе последнюю пуговку, он вызывающе спросил:

— Что вам от меня нужно?

Мужики молча переглянулись и не ответили.

Канабеевский сжал кулаки и повторил:

— Что вам нужно?..

— А вот мы тебя отправлять будем! — наконец ответил Макар Иннокентьевич.

— Куда?!

— По начальству... Начальство настоящее, вишь, идет. Красны...

29

Канабеевского Вячеслава Петровича, закрутив ему руки за спину, увели в белую баню, которую еще накануне хорошенько истопили. Ему дали с собою подушку, шубу, развязали руки и оставили в одиночестве.

— Увезем тебя завтра в Белоключинское! — сказали ему. — Вишь, седни несподручно нам... Ничего, баня чистая, теплая, ночь-то хорошо прокоротаешь.

Канабеевский молчал.

Он замолчал с того времени, как Макар Иннокентьевич закручивал ему руки за спину. Молча прошел он по деревне под взглядами баб и ребятишек. Молчал, войдя в низкую баню.

Оставшись один, он тяжело опустился на лавку и задумался.

Затянутое подтаявшим, отпотевшим льдом оконце пропускало мутный свет. В полутьме по углам стыли тени. Пахло сыростью, вениками, мокрым камнем.

Канабеевский хрустнул пальцами. В нем все кипело. Хотелось биться, кричать, ломиться в стену, в двери. Но он только сжимал руки, хрустел пальцами и тяжело дышал.

— Сволочи!.. — выдохнул он из себя и вскочил с места. — О, как глупо, как подло глупо влип!..

Подошел к оконцу, попытался протереть, продышать толстый лед. Не удалось. Отошел. Забегал по бане. Тер лоб, ворошил волосы. Скрипнул даже раза два зубами.

Потом тяжело задумался.

Думал поручик в одиночестве. И горькие были у него думы — беспорядочные, беспокойные, мучительные.

Много думал поручик. И все думы сходились к одному:

— Крышка!.. Конец...

Когда смерклось и тени отошли от стен, выползли из углов, за дверьми затоптались, завозились. Дверь распахнулась. Густой, гудящий, знакомый голос сказал:

— Вот принимай харч... Поди, отощал? Хлеб тут, ярушничек, а в крынке молоко....

Канабеевский, не трогаясь с лавки, на которой сжался, мрачно попросил:

— Давайте сюда огня!..

— Огня? — переспросил Парамон Степанович, темной тенью колышась у двери. — Огня, паря, не полагается!.. По причине пожара.

— Ну, черт с вами! — выругался Канабеевский.

Парамон Степанович пошевелился и, стараясь, смягчить громкий голос свой, сожалительно прогудел:

— А я-то, братец, думал — попоем мы с тобою на святой!.. Вот и не вышло... Увели тебя красны-то... Камерцию твою подкачнули... Да-а...

— Уходи! — крикнул Канабеевский. — Уходи к черту!..

Парамон Степанович шумно вздохнул и взялся за скобку двери.

— Тоскует, видно, в тебе душа?.. Это, паря, бывает... Душа — она, паря, завсегда чувствует... Вот, скажем, животная — она тоже свой час понимает, чувствует...

Канабеевский вскочил:

— Уходи!.. — яростно повторил он. — К черту, к матери... Уходи, сволочь ты этакая!..

30

Ночь тянулась длинная, мутная, бессонная. Только к утру соснул немного Канабеевский. Проснулся хмурый, но спокойный. Видно, думы-то напрасно сверлили ему мозги: что-то надумал.

Спал он не раздеваясь. И, когда проснулся, вспомнил что-то уже ставшее за последние дни привычным.

Расстегнул рубашку, стащил ее через голову. Поеживаясь и вздрагивая всем телом от холода, провел привычно ладонями по груди. Легко и приятно скользнули они по атласистому телу. И тут бы надо было отнять их Канабеевскому, схватить рубашку, снова накинуть ее на себя и приготовиться к встрече незнакомого дня. Но чуть-чуть дольше задержал поручик левую руку на левой стороне груди. И ладонь его почуяла маленький, глупый, никчемный бугорочек. Маленький прыщик прощупала рука на левой стороне груди, пониже темного соска. Но как ни мал и ни ничтожен был этот прыщик — острой, убивающей болью ударило прикосновение к нему в самое сердце поручика Канабеевского.

Он нагнул голову, захватил двумя пальцами кожу, взглянул на прыщик, и — стыд-то какой! Срам-то какой для военного, для боевого, для карательного человека! — хлебнув вздрогнувшими губами холодный, банный воздух, заплакал настоящими, крупными слезами, навзрыд, так, как, быть может, плакал редко, редко в детские, ясные, ласковые, малодумные годы!..

И чем больше плакал Канабеевский, Вячеслав Петрович, тем тяжелее, тем мучительнее было ему. Он бухнулся на скамью, съежился. Он раскачивался из стороны в сторону и скулил, — не стонал, не вопил, а скулил. И протяжный вой его, унылый, глухой и безутешный,

доходя до его сознания, будил в нем какое-то воспоминание, вот такое близкое, но неуловимое, ускользающее...

Когда пришли за ним мужики и велели собираться в путь-дорогу, лицо у него было бледное, с припухнувшими, покрасневшими глазами. Он кинулся навстречу пришедшим и хрипло, с надрывом попросил:

— Дайте мне наган мой!.. Ради создателя, дайте!..

Мужики взглянули на него насмешливо.

— Сдурел паря? Арестованному полагается разве ружье?

— Ах, да поймите!.. — прижал Канабеевский руки к груди. — Поймите мне для себя... Ну, тогда сами пристрелите!.. Сами!..

Мужики нахмурились. Задвигались. Переглянулись. Макар Иннокентьевич простер руку вперед, ткнул пальцем в сторону поручика и наставительно-сурово сказал:

— Не балуй!.. Об жизни своей не хлопочи, не беспокойся! Об ей начальство похлопочет!..

— Не хлопочи! — подхватили другие. — Пошто преждевременно разоряешься?!

— Кому следоват, те и рассудят по-правильному... Обряжайся в дорогу!..

— Ишь, солнце-то уж где!..

Канабеевскому притащили все его имущество, бросили возле него. Глядели, как он одевался, укутывался, обряжался в путь-дорогу.

Канабеевский не глядел на мужиков. На щеке вздрагивала у него какая-то жилка. Вздрагивала безудержно, и не было сил сдержать ее, остановить.

Мужики внимательно следили за поручиком, словно невесть как интересовало их, как одевается человек дорожный, готовясь из полутемной бани выбраться на морозный утренний воздух, чтоб усесться поудобнее в низенькие нарточки и отдаться дальней, молчаливой дороге.

— Ну, — сказал кто-то, когда Канабеевский затянул на себе кушак. — Ну, с богом!.. Валяйте, мужики, на улицу!

— Выходи, паря, не задерживайся!..

Канабеевский пошел. В дверях приостановился, сжал челюсти: жилка прыгнула быстрее. С трудом разжимая губы, напоследок сказал:

— Милости у вас просил... Бесчувственные вы... Не люди — звери...

Мужики молчали...

Так поехал Канабеевский, Вячеслав Петрович, поручик, из Варнацка, где скучно зимовал он.

Ехал опустошенный, пришибленный, нищий. И вместо сокровищ (чернобурые лисицы — темные, как ночь, соболя, мягкая пушистая рухлядь) повез он отсюда, обжегшую его ужасом и мелким, неотвязным чувством липкой, несмываемой гадливости, болезнь.

А навстречу...

К. И. Померанцев. Угедей, сын Чингисхана, в Каракоруме. Эскиз к картине. Уголь. 1939 г.

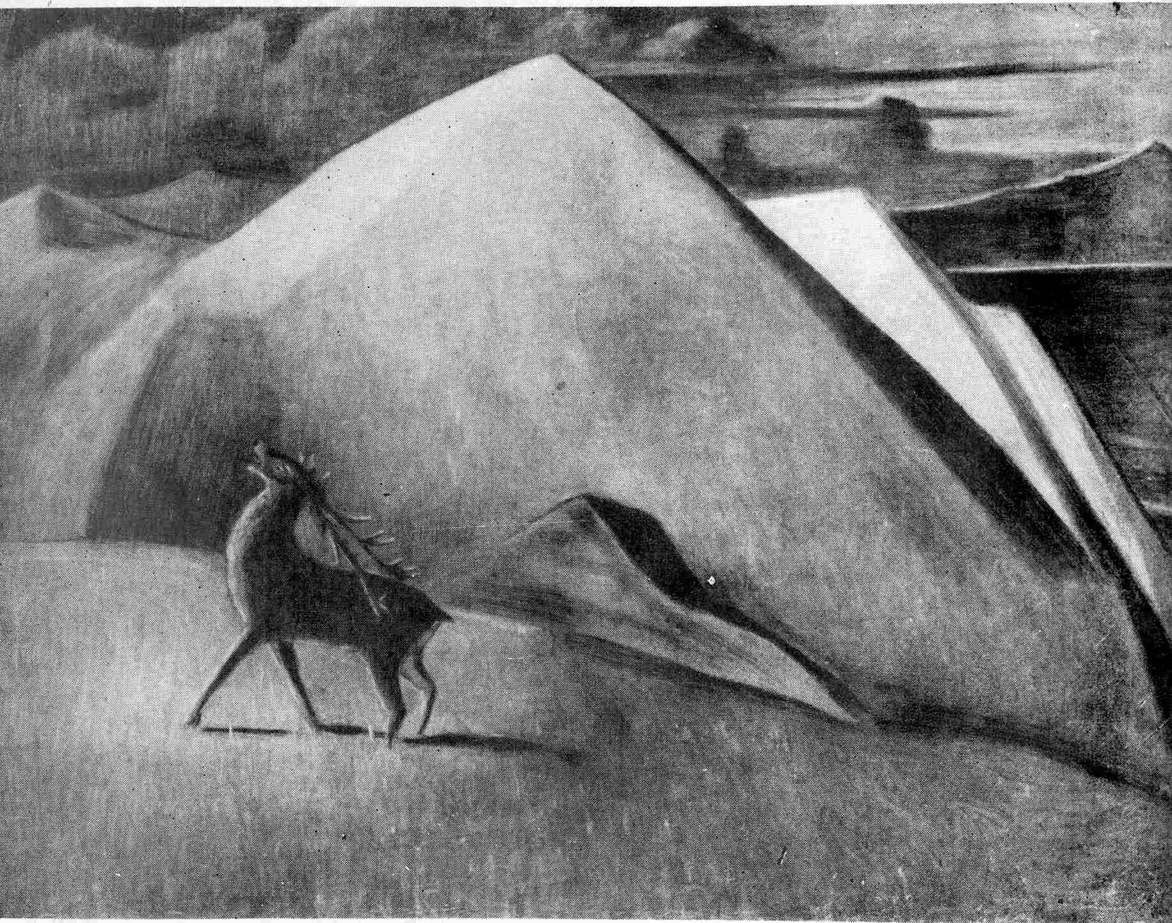

Н. Лодейщиков. Портрет К. И. Померанцева. Рисунок карандашом. 1921 г.

К. И. Померанцев. Вечер. Турлиджи. Масло. 1937 г.

К. И. Померанцев. Станционный домик на Байкале. Этюд. 1922 г.

К. И. Померанцев. Легенда о Байкале. Масло. 1924 г.

31

А навстречу, там, где-то по ту сторону Белоключинского, сверху, в зверином лесном беспорядке двигались красные партизаны. На них клочьями, обрывками висела изношенная, плохо греющая одежда. На щеках, на носах у них коричневыми пятнами лежали морозные поцелуи — до крови, до мяса.

Их красные знамена-значки поистрепались, исполоскались под пургами, под хиусами, под морозом. Их красные знамена с просвечивающими ранами гнулись под вьюгами, гнулись, но ползли, ползли вперед.

Порою они пели. И эти песни, которые хрипло рвались из простуженных глоток, будили сторожкую тишину тайги.

Они двигались безудержно, неотвратимо как судьба.

И крепнущее предвесеннее солнце просыпало на них косые сверкающие лучи свои.

Михаил ШИХАНОВ

ЗАВЯЗЬ

(главы из поэмы)

Василий пел гортанным тенором
и щурил пьяные глаза,
и по суметам звонко тенькали
старинной стали подреза.
Василий пел, тальянку тиская,
ломая шалые басы,
слова веселые выискивал
и милосердия просил...

Ах, Шура-Шура-Шурочка,
ходить ты будешь в бурочках
с подметками скрипучими,
чтоб девки глазки пучили!

А сани бьются по ухабам,
снегами хрупкими хрустя.
К плетням шарахаются бабы,
коней, как дьяволов, крестя.
— Налил гляделки,— сатанина!
— А что Василью не гулять?!
Живут с умом.
Одной скотины —
считать и в век не сосчитать!
Василий пел, о встрече думая,
о горькой радости своей...
Как резану я про беду мою,
и станет Шурочка моей...

2

Скажу, кровиночка проклятая,
что нетерпенье извело,
на скорой масленой сосватаю
и первачом залью село.
Гуляйте, люди!
Васька женится...
Гуляй родня и неродня!
И никуда жена не денется,
хошь и учительша она!
Лишь дайте срок и станет нашею,
на сельсовет махнет рукой,
хотя и вся она заквашена
совсем не нашенской мукой.
Зачем господним наказанием
ее послал сюда уком?
Чтоб баламутить на собрании
отнюдь не девичьим умом?
Чтоб о коммуне разговорами

разбередить, разжечь село?
Чтоб мужичье голодной сворою
Петровых в клочья разнесло?
Чтоб старушенций на уздечке
по вечерам тащить в ликбез?
И все словечки, все словечки,
в которых так и пляшет бес!..
И надо ж так, к такой отпетой
я прикипел как будто смоль!..
Как на деревню стынь рассветная
в само нутро пролилась боль.
Уж лучше, словно вору, сажею
мне б испоганили лицо,
но только б Шурку, Шуру, Сашеньку
ввести под ручку на крыльцо.

Письмо

Утро брызнуло в наличник
синью.
Позже — соком алым.
Александра Ильинична,
прочитай, что написала?
— Скоро год, как я в деревне,
время точно речка льется,
а деревня дремлет, дремлет
и не вздрогнет, не проснется.
Ни коммуны и ни тоза —
все зашлось зеленой тиной,
все классическая проза —
пашут, пашут десятины...
Но к весне коммуна будет —
кой-кого уговорила...
А за что казните, люди?!
Что худого натворила?
Все коситесь — доскакалась!
Мужичью снесла заразу...
Я не то что целовалась —
не встречалась я ни разу.
Я б замкнула в школе двери,
чтоб меня не поносили...
Но один в меня поверил.
Дал мне бог тебя, Василий!
Как медведь ввалил в тулупе
и присел на чемодане,
помолчал и буркнул: «Глупо...
я люблю вас... досвиданье...»
И ушел. Умчался. Леший!
Нет, — не сдамся, нет, — не струшу,
ведь не просто он утешил,
а вдохнул мне душу в душу!

Сказ о Ермиле

В светлой горнице полы крашены.
Иисус в углу.
Темнолик. Суров.
О хозяине и не спрашивай,
проживает здесь
сам Ермил Петров.
Он сидит под божницей.
Тучный,

Галерея „Ангары"

А. ФАТЬЯНОВ

ХУДОЖНИК ПОМЕРАНЦЕВ

В феврале 1940 года в культурной жизни Иркутска произошло знаменательное событие. В то время в залах Художественного музея открылась большая и интересная выставка произведений художника Померанцева.

Для многих иркутян тогда это имя было знакомо, некоторые впервые встретились с творчеством художника. Но каждого, кто побывал на выставке, поражало в экспонированных произведениях высокое мастерство, большая наблюдательность, острая выразительность. Здесь был крепкий рисунок, смелая сочная живопись.

Это были станковые картины на исторические и современные темы из жизни Монголии, рисунки, этюды, скульптуры, наброски, изображающие быт и природу Монгольской Народной Республики, эскизы костюмов, театральных оформлений, архитектурные проекты.

С 1926 по 1939 годы Константин Инно-

клином бороду в стол забив.
Перед ним баранина
жирной кучей
и горчичником диким
золотится подлив.
Он подносит к губам,
как малина спелым,
жиром тающее ребро:
— Так о чем Александра
батьковна пела? —
И глазом в Василия
метит хитро. —
Знает сын этот взгляд
с прищуром,
вбил себе с малолетства в толк —
от отцова взгляда
на кабаньей шкуре
щетина ластится,
словно шелк. —
— Може, мы ей с тобой
не ровня,
коль невыучены и грубы?
Мы, Петровы,
темны как бревна
нашей лиственничной избы? —
И Василий смекнул —
быть, видно, буре,
не проси отца, не неволь —
Александра его натуре,
словно в полночь зубная боль.

И пугливо он зыркнул глазом,
словно осенью волк в бору:
— Не дурак, ведь у ней зараза...
Мало девок ли?.. Подберу!
— Дурак! он дураком и будет, —
кулаком громыхнул Ермил, —
ни хрена ты не видишь в людях!
Зря, как видно, тебя кормил...
Времена-то пошли какие...
Надо ухо держать остро.
Мы такие и растакие,
глазом хлопнешь — уйдешь в острог.
Для Петровых, для нас, Советы, —
как у глотки холодный нож,
наша, песня, Василий, спета,
за фамилию пропадешь.
А войди в избу Александра...
Она за скотиной метет шевяки,
и мы — революционная кадра,
пролетария, большевики! —
Обернулся Ермил к иконе,
кулаком Иисусу потряс.
— И тебя, дорогой, загоним
в ентот самый рабочий класс. —
И затем хохотнул довольно,
и затем слеза на глаза:
— Мне, Василий, конечно, больно,
но иначе нам жить нельзя.
Момент фартовый.
Не прозевать бы,
нынче маху не даст отец —

кентьевич Померанцев пробыл в Монгольской Народной Республике. Он там — педагог и архитектор, скульптор, оформитель театральных постановок и музейный консультант.

Родился Померанцев в городе Красноярске в 1884 году. Любовь к рисованию обнаружилась еще в местной гимназии. В связи с переводом отца по службе на железной дороге семья Померанцевых перебирается в Иркутск. Здесь Константин Иннокентьевич учится в горном училище и одновременно посещает студию художника А. Ф. Лыткина — воспитанника Московской школы живописи, ваяния и зодчества.

Страстное влечение к искусству заставило К. И. Померанцева в 1908 году уехать в Москву. Там он занимался живописью в студии Ф. И. Рерберга, а уроки пластики брал у талантливого скульптора А. С. Голубкиной.

По окончании студии Константин Иннокентьевич возвращается в родной Иркутск и принимает участие в художественной жизни города.

В то время в Иркутске не было никаких художественных объединений, хотя с 1908 года при музее Восточно-Сибирского географического общества систематически устраиваются выставки. Но здесь экспонировались, в основном, работы художников-любителей, куда входили, кроме живописных и графических, вышивки и выжигание, изделия из хлеба, выполняемые арестантами иркутской тюрьмы.

По инициативе К. И. Померанцева в 1910 году впервые в Иркутске создается Общество иркутских художников. Это общество несколько лет подряд Померанцев возглавляет как председатель.

Начиная со дня основания Общества Константин Иннокентьевич ежегодно принимает активное участие на всех выстав-

после масленой справим свадьбу,
ну и делу на том конец.
А Василий сидит совою,
грузно голову наклоня.
— Будь по твоему, черт с тобою,
лишь была бы со мной она.

Дума Галсана

Возле Байкала синего,
где волны верблюжьи горбом,
жил, говорят, беднейший,
жил, говорят, мудрейший
Хабшаг Норбо.
Словно Саяны белые,
белая голова,
словно стрелы охотника,
остры его слова.
Прожил он столько лет,
сколько живет трава,
словно стрелы охотника,
метки его слова.
Скажет он только слово,
всякий его поймет,
словом, словно стрелою,
всякого он проймет.
Встретится если недруг,
словом будет сражен,
будет горячим словом,
словно в костре сожжен.
И березовою лопатой
на запад развеет прах,
и осиновою лопатой
на юг он развеет прах.
Старую эту сказку
вспомнил сейчас Галсан —
и малахай и брови
сдвинулись на глаза.
— Мне бы слова такие,
как у Хабшаг Норбо —
я никогда не жил бы
только одним горбом.
Если б полпуда книжек
в жизни я смог прочесть —
все за мою науку
мне бы воздали честь.
Словом в коммуну нашу
всякого смог бы завлечь —
только нет, не умею
ловко складывать речь.
Словом, как заговором,
я б усмирил врагов,
развеял бы прах шутхэров —
нашенских кулаков.
То шеборшат, как мыши,
в желтой степи весной,
то зубами словно курками
щелкают за спиной.
Чувствую — за коммуну
можно в снегах полечь...
Жалко, что не умею
ловко складывать речь.

ках. Здесь он показывает картины «У пристани Царь-Девица», «Печаль полей», «Сказка», «Светлячок», «Иркутский кремль» и много других. Одна из картин этого периода «Море» (1911 г.) сейчас находится в Иркутском художественном музее.

Недавно от жителя Иркутска Устьянцева поступил в подарок музею еще один вариант картины художника «Иркутский кремль». Судя по дате на полотне, он создан в 1922 году. Картина выполнена темперой в совершенно иной манере, чем предыдущие. Она написана на грубой мешковине небольшими продолговатыми прямоугольными мазками с белыми между ними просветами грунта холста. Вся картина выдержана в светлых нежных и жизнерадостных тонах. Пейзаж кажется воздушным и свежим. К сожалению, холст долгие годы хранился на чердаке и требует значительной реставрации.

Константин Иннокентьевич внимательно изучал фольклор — легенды и сказания бурят, эвенков, якутов и других сибирских народностей. Знакомился с наскальными рисунками первобытных художников. Его увлекла старинная легенда об олене — золотые рога, берущая свои истоки от древних времен. Результатом этих увлечений стало полотно «Легенда о Байкале», написанное в 1924 году.

Влекли Померанцева и русские старинные сибирские сказания. Он мечтал написать серию картин на темы песни «Славное море, священный Байкал...». Сохранилось к этой теме несколько этюдов и эскизов, недавно подаренных музею вдовой художника («Станционный домик на Байкале», «Малое море» и «Байкальская песня»).

Вскоре после того, как в январе 1920 года в Иркутске была установлена Советская власть, Константин Иннокентьевич

Избы рубить умею,
коней объезжать могу,
землю пахать умею,
сено косить в лугу...
Мне же надобно в душу,
словно в свой дом войти,
ну а слова, как овцы,
тычутся взаперти.
Тесно в груди им, больно
и муторно им теперь...
Кто же словам откроет
в светлое утро дверь?
Думает горькую думу,
светлую думу Галсан,
а за окошком бродят
редкие голоса.
Громко скрипят телеги —
деготь ценою в мед,
кони храпят
и утро
в сумерках зыбких встает.
Черной косматой гривой
бьется по ветру дым,
тянет слепым рассветом,
пахнет селом родным.

Молитва о любви

Глаза от ветра щуря,
глядится полночь в льдинку.
Идет тихонько Шура
С Василием в обнимку.
Вдоль прясла, вдоль завалинки...
Снежинки ловит ртом.
Куда пошли вы, валенки,
по марту вчетвером?
Ворвалась в зиму ростепель,
как будто по весне,
и бусинками — росами
на жарких щеках снег.
— Василий, что балуешь?
Обижусь и уйду...
Зачем меня целуешь
у встречных на виду?
Голубишь, словно любишь,
и мне не утаить —
иль ты себя забудешь,
иль ты меня погубишь,
а третьему не быть.
Такая нынче в мире
метелит карусель!..
Умрет любовь в квартире,
где мягкая постель,
где молятся на деньги,
как поп на образа,
где веруют идейке —
пусть плюнут мне в глаза,
я вытру, мол, роса.
Василий, если любишь,
подумай и решись.
Иль ты себя забудешь?
Иль ты меня погубишь?
Такая нынче жизнь.

стал принимать энергичные меры по спасению безнадзорной картинной галереи В. П. Сукачева, которая тогда никем не охранялась, а ее попечитель Глушков ушел на Восток вместе с интервентами. 21 февраля 1920 года иркутским революционным комитетом было принято решение о национализации картинной галереи. Первым ее хранителем стал К. И. Померанцев.

Померанцев сам проектировал экспозиции и лично размещал экспонаты в залах, изыскивал топливо для обогрева экспозиционных помещений. Как мы знаем, это трудное время разрухи было исключительно сложным и требовало огромного энтузиазма и неиссякаемой энергии.

Как-то хранителю сообщили, что в жилкинском детском доме имеется картина ссыльного польского художника С. Вронского «Хамар-Дабан». Полотно было достаточно большим и в массивной багетной раме. Произведение надо было доставить в картинную галерею. В то время транспорта не было, да и подсобных рабочих галерея не имела. Были морозные зимние дни, и Ангара покрылась толстой коркой льда. Деревня Жилкино, где был детский дом, находилась на противоположном берегу Ангары. Померанцев взял санки и по только что проторенной тропе, через Ангару, в лютый мороз направился за бесценным грузом. Затем сам картину реставрировал. Произведение Вронского до сих пор сохранило следы померанцевской реставрации.

Работы в это бурное время у Померанцева было много. С приходом 5-й Красной Армии в Иркутск Константин Иннокентьевич стал одним из руководителей красноармейской художественной студии при Политуправлении Армии. О его педагогической деятельности тепло вспоминает сейчас известный омский художник, заслуженный деятель искусств РСФСР

Эх, жизнь!
К ней жмись —
она корчится.
Не люби, не женись,
коль не хочется!

* * *

В Забайкалье милом снова —
степи, песни чабана...
Вместо русского «здорово!»,
говорят мне сайн-байна.
Ем рукой с друзьями позы,
пью бурятское архи...
Без надрыва и без позы,
как дыхание — стихи...
Ноги в крендель заплетаю,
как обычаи велят,
и себя не понимаю —
то ли русский, то ль бурят.
Я такой же черномазый,
словно осень бронзолиц,
и с характером —
ни разу
ни пред кем не падал ниц.
Мать-земля заворожила,
чтоб колени не клонил,
и отправила по жилам
две бунтующих крови.
Кровь страны великороссов
и степную кровь бурят...
И глаза мои раскосо,
но доверчиво глядят.
И парней с такой закваской
в отчем крае сколько хошь...
Я судьбой своей обласкан,
коль на родину похож,
где российские березы,
где бурятская аи,
где соленые, как слезы,
песни тихие мои.

К. П. Белов, обучавшийся в то время в студии Померанцева.

Пожалуй, самым насыщенным временем, самым бурным периодом в его жизни были двадцатые годы. Померанцев беспокоится о благосостоянии картинной галереи, занимается с красноармейцами и много сил отдает своему творчеству, принимая систематически участие на выставках не только в Иркутске, но и в Красноярске, Новосибирске, Хабаровске.

В это время Померанцев пишет картины маслом, работает темперой, делает рисунки, пишет этюды, занимается скульптурой и даже архитектурой. По его проектам оформлен чайный магазин в китайском стиле на центральной улице Иркутска. Разработав интересное решение фасадной части чайного магазина, он умело решил оформление интерьеров (ныне — магазин «Уют» по ул. Карла Маркса).

Заинтересовалось автором оформления домика и представительство Монгольской Народной Республики. Архитектура магазина по своим стилевым и техническим особенностям в какой-то мере была близка Монголии. А не может ли художник, сочетая искусство Востока и русское, оказаться полезным для Монголии?

Померанцева приглашают для работы в молодую социалистическую республику. Его просили помочь монголам в оформлении столицы республики, в создании там музея Революции, в организации художественной школы. И в 1926 году Померанцев все дела по управлению галереей в Иркутске передает назначенному на эту должность художнику Б. И. Лебединскому, а сам вместе с женой направляется в Монголию.

Вскоре по прибытии в Улан-Батор Померанцев организовывает художественную студию, где он явился первым профессиональным художником-педагогом. Взволновал его и жизненный уклад монгольского народа, своеобразный и необычный. Колоритные костюмы, яркая архитектура храмов, быстрая перековка характеров людей в новых условиях социализма и постепенное внедрение новой культуры в народные массы — все это художник внимательно наблюдал и отражал в своем творчестве. Как бы для контраста, он пишет картины из быта старой и новой Монголии.

В это время Померанцев получает заказ на создание в столице республики памятника вождю монгольского народа Сухэ-Батору. Население страны организовало сбор средств на сооружение памятника любимому вождю.

Померанцев выполнил памятник в виде обелиска, а на его фасаде вылепил барельеф Сухэ-Батора, восседающего на коне со знаменем свободы в руке. На цокольной части памятника с четырех сторон разместил барельефы, показывающие сцены

борьбы за свободу народа. Сейчас этот памятник стоит в центре Улан-Батора.

В конце 1926 года с экспедицией в Улан-Батор прибыл русский художник Николай Константинович Рерих. Из столицы Монголии он должен был с семьей продвигаться через Гоби в Тибет. Здесь впервые Померанцеву довелось познакомиться с известным живописцем. За восемь месяцев пребывания Рериха в Улан-Баторе художники близко подружились, много беседовали, показывали друг другу свои работы. Константин Иннокентьевич любил творчество Рериха, оно близко ему было по духу. Графичность силуэтов, яркость красок, эпичность творчества Рериха — все это импонировало творческой направленности и характеру Померанцева.

Мне кажется, в какой-то мере встреча с Рерихом оказала влияние на дальнейшие работы Померанцева. От нежно-лирической мягкости ранних работ, он подошел к ярким краскам, сочной живописи и декоративности. Смелость и насыщенность цвета, интенсивность красок — вот характерное для живописи Померанцева этого периода.

В Улан-Баторе Константин Иннокентьевич работает над занавесом театра, где изображает народного музыканта. Моделью ему служил талантливый музыкант-импровизатор Ендон-ху. Художник делает эскизы костюмов для национальных постановок, участвует в организации музея Революции в Улан-Баторе, где экспонатами послужила часть работ художника. Такие картины, как «Изгнание интервентов», «Сухэ-Батор перед партизанами» и другие экспонируются и поныне в залах музея. За это Померанцев был награжден Почетной грамотой.

В период пребывания в Монголии Константин Иннокентьевич принимал участие и в археологических экспедициях, много путешествовал с целью зарисовок природы и быта республики; устраивал выставки своих работ, читал лекции по искусству, истории и археологии, организовал показ работ своих учеников. Художник много занимался скульптурой и выполнял заказы. Им создано большое скульптурное панно для фасада здания клуба имени В. И. Ленина.

Перед отъездом в 1939 году из Монгольской Народной Республики Константин Иннокентьевич устроил в Улан-Баторе прощальную выставку своих работ.

После длительной разлуки с Родиной, Померанцев вместе с семьей, с радостью вернулся в свой родной город.

Багаж, привезенный семейством Померанцевых из Монголии, был громоздким. Он состоял из многочисленных ящиков с картинами, скульптурами и рисунками.

По инициативе коллектива Союза художников Иркутска в помещении Художественного музея была организована большая и интересная выставка работ, созданных Померанцевым в период пребывания в Монголии. (О ней мы упоминали в начале нашей статьи.)

Из пятисот экспонировавшихся на выставке работ четыреста семьдесят принадлежали К. И. Померанцеву, а тридцать из них созданы его верной спутницей, женой и ученицей художницей Верой Ивановной Шаршун-Померанцевой.

В 1940 году в журнале «Творчество» в статье о художниках Сибири искусствовед М. П. Сокольников писал о Константине Иннокентьевиче: «Его монгольские пейзажи привлекают тонко прочувствованным колоритом природы, глубокой наблюдательностью, бережной передачей тончайших оттенков ландшафта. Художник очень деликатно умеет примирить познавательное значение пейзажной картины с поэтическим настроением. Рисунок его крепок и точен. Портретные характеристики говорят об образном понимании натуры. Помимо мастерских карандашных рисунков, прекрасное впечатление производят гуаши и акварели».

Знавшие Померанцева земляки-художники, работники музея тепло его встретили. С особенным нетерпением ждали Константина Иннокентьевича музейщики, как первого хранителя государственной картинной галереи, на базе которой впоследствии был создан Иркутский областной художественный музей.

Кроме персональной выставки, К. И. Померанцев участвует в вернисаже, посвященном 20-летию освобождения Сибири от колчаковцев, выполняет живописные и скульптурные работы. Но сложившиеся обстоятельства заставили его покинуть Иркутск.

В конце 1940 года Константин Иннокентьевич уезжает в древнее русское село Палех, известное всему миру мастерами по росписи лаковых изделий. Здесь он по-

лучил назначение на должность директора музея палехского искусства. Но он не порывает связи с иркутскими художниками и работниками музея. Сейчас в архиве Иркутского областного художественного музея хранится большая пачка писем Константина Иннокентьевича. В них он сообщает о своей работе, о музее, который он возглавлял. В частности, увлекшись в это время палехским искусством, Померанцев сделал рисунок со своей работы «Музыкант», а художник-палехшанин Е. И. Пашков по рисунку выполнил в красках «Музыканта» на шкатулке. Эта шкатулка попала в Иркутск и сейчас хранится в фондах нашего художественного музея.

В 1944 году Константин Иннокентьевич направляется на восстановление города Курска, разрушенного в годы Великой Отечественной войны. Здесь он выполняет проект памятника Перикальскому — герою, погибшему во время Курской битвы. Проект был одобрен и принят к выполнению, но не осуществлен. 21 мая 1945 года от сердечного приступа Константин Иннокентьевич Померанцев скончался.

Мы сейчас бережно храним художественное наследие К. И. Померанцева. Многие из его произведений хранятся в столице Монголии Улан-Баторе. Иркутский областной художественный музей в своих фондах имеет картины «Море» (1911 г.), «Иркутский кремль» (1922 г.), «Легенда о Байкале» (1924 г.), «Каменная черепаха» (1937 г.), «Турлиджи. Вечер» (1937 г.), «Кобдосские горы» (1939 г.), много рисунков и этюдов, а также палехскую шкатулку, выполненную по рисунку Померанцева.

Иллюстрации к статье смотрите на вклейке.

Марк СЕРГЕЕВ

СИБИРСКИЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ АРАПА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Историческое повествование в размышлениях, подлинных письмах, доношениях, указах и приговорах XVIII века

Иркутск, Иркутск!

Кто из россиян, оставивших след в истории страны, не связан так или иначе с твоей, распечатавшей четвертый век судьбой!

Первопроходцы, ведомые любознательностью и отчаянием, сенаторы, лишенные поместий и регалий, люди, награжденные за сомнительные заслуги рваными ноздрями и царскими грамотами, бунтари и отшельники, враждебные друг другу, но одинаково яростные и несгибаемые, деятели науки и культуры, радеющие о благе народном, и потому отлученные царским повелением от Петербурга и Москвы и еще трех сотен стольных и губернских городов...

Вот и сейчас: открою «Иркутскую летопись», по крупицам собранную П. И. Пежемским и В. А. Кротовым, книгу давным-давно ставшую тоже историей, открою, ну хотя бы, на странице тридцать восьмой, и снова, как много лет назад, когда еще в довоенные годы книга эта попала мне в руки, удивлюсь, прочитав следующее:

«1728 год. В декабре прибыл в Иркутск поручик бомбардирской роты Абрам Петров, командированный для постройки Селенгинской крепости. Он был родом с берегов Африки (арап), куплен в Константинополе и прислан в дар Петру Великому, который был его крестным отцом. Петр отправил его обучаться в

Париж, где он самовольно вступил во французскую службу, но вскоре возвращен был в Россию и определен в бомбардирскую роту. По кончине Петра, он подвергся гневу Меншикова, вследствие чего и был отправлен на службу в Сибирь. Отсюда уехал он без спроса в Петербург, но на пути был задержан и водворен в Томск. Императрица Елизавета Петровна возвратила свободу любимцу и крестнику своего родителя».

Уже после, собрав и переписав на карточки письма Ганнибала из Сибири, решения Верховного тайного совета о его посылке на Селенгу, строки воспоминаний деятелей смутного послепетровского времени, могущие хотя бы косвенно осветить сибирские страницы жизни арапа Петра Великого, увидел я в приведенной выше записи некоторые неточности (скажем, смещена дата; Ганнибал был не арапом, т. е. негром, а абиссинцем, и вернулся из Сибири еще до восшествия на престол Елизаветы Петровны, хотя, несомненно, не без ее участия). Но, тогда, еще мальчишкой, впервые узнав, что в городе нашем, пусть коротко, жил прадед великого Пушкина, я был так взволнован, точно летописцы Пежемский и Кротов сделали мне лично дорогой подарок.

Мы — сибиряки, пристрастны к своим деревянным городам. Пусть в них немного осталось ампирных и барочных строений, пусть улицы их нешироки, но есть в старых сибирских городах некая элегическая возвышенность и, если хотите, самобытное благородство. Надо ли говорить, как дорога нам история родного края, история, из которой беллетристы так мало еще зачерпнули имен и событий.

Сейчас ночь.

Луна, вкрапленная в легкую вязь облаков, кажется похожей на старинный перстень — в тонкое золотое сплетение вделан сверкающий камень. Старинный перстень... Наверное, такой украшает черную руку худощавого молодого человека, откидывающего в эту минуту полог кибитки где-то между Тобольском и Иркутском, в эту минуту... почти два с половиной века назад.

Я листаю карточки, перечитываю документы и нахожу начало этой истории...

1

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.
Сей шкипер был — тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Корме родного корабля.
Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб...

А. Пушкин

Стремясь возвыситься, не спутай
пьедестал с лобным местом.

Н. Акимов

...Вы помните эту романтическую историю: страстный арап, не сводящий пылающих глаз с великосветской красавицы, тайные встречи, черный ребенок, столь ловко подмененный на белого, родившегося в тот же час... Полуправда, полулегенда, созданная неукротимым воображением Пушкина. Впрочем, многое было — и Париж, и учеба, и постоянная изнуряющая бедность, и, порой, деньги, на которые он постепенно приобрел солидную для тех времен библиотеку в четыреста почти дорогостоящих томов, и жажда знаний, ради которой он готов был на большие жертвы — вплоть до ослушания, до поступления во французские волонтеры, и мечта: закончить высшую инженерную школу, и, возможно, лирическая история, если не такая же, то отдаленно напоминающая ту, что описал его гениальный правнук. И вдруг — всему конец: князь Василий Лукич Долгорукий, российский посланник в Париже, объявляет приказ Петра Первого «Абраму Петрову возвернуться в Россию»!

Впрочем, этот удар — не из самых сильных. Пройдет немного лет и фортуна повернется спиной к любимцу Петра. А пока для него наступило хорошее время: он встречается со старыми приятелями, заводит новые знакомства. С Семеном Афанасьевичем Мавриным, до недавнего времени пажем Екатерины Первой, а в те дни — учителем малолетнего Петрова внука, сына казненного царевича Алексея, будущего царя Петра Второго. С Иваном Афанасьевичем Черкасовым, подъячим Кабинета, постепенно становящимся важным сановником, набирающим высоту на иерархической лестнице. Друзья часто бывают в доме фрейлины царицы Екатерины, княгини Аграфены Петровны Волконской, урожденной Бестужевой, которую, как сообщает историк С. Н. Шубинский, «Абрам знал с детства и уважал искренно», и которой, добавим, суждено сыграть значительную роль в том, что вот-вот произойдет с Ганнибалом.

Его служба не обременительна. Петр определил Абрама поручиком в бомбардирскую роту привилегированного Преображенского полка. Есть разные толки о круге обязанностей и занятий Ганнибала, достоверно только — это подтверждают документы, писанные рукой Петра, что царь повелел ему учить молодых кондуктóров — в давние времена так называли «офицеров или воспитанников вообще по разным инженерным, строительным или иным ведомствам» — фортификационному, инженерному делу, в коем Ганнибал после учебы в Париже был зело сведущ. Ему же доверено было наблюдение над переводом иностранных книг, причем заключеие Ганнибала в сем тонком деле считалось окончательным. Бывшему барабанщику Преображенского полка, ставшему офицером — капитаном, ибо звание поручика в полку, которым командовал сам император, в любом другом соответствовало более высокому, открывалось широкое поле деятельности. А молодость и легко усвоенные французские нравы, значительно более приспособленные к любовным интрижкам, чем в те поры российские, его необычный вид, вызывающий острое женское любопытство, и покровительство самого царя, делали его героем многочисленных любовных приключений, коим предался он со всею силой своего африканского темперамента. Какая экспрессия в его любовных письмах, дошедших до нас!

«Комплимент не велик, да жалобен, не много пишу, да много силы замыкаю.

Кокетка, плутовка, ярыжница, княжна Яковлевна, непостоянница, ветер, бешеная, колотовка, долго ли вам меня бранить, своего господина, доколе вам буду терпеть невежество, проис-

ходящее из ваших уст, аки из пропасти бездны морского, волю вам даю теперь до моего приезда: прости, моя Дарья Яковлевна, сударышня глупенькая, шалунья Филипьевна...»[1]

И внезапно, в миг единый все обрушилось — умер Петр. Это произошло 28 января 1725 года. А вкоре закончена была книга Ибрагима Ганнибала об инженерном искусстве. Книга эта, к сожалению, до нас не дошла, но можно представить себе, что труд был весьма серьезен, о чем можно судить по фразе из довольно известных записок Болтова: он рассказывает, что видел у своего дяди «прекрасную геометрию, писанную самим им в молодости, когда он учился наукам сим у Ганнибала». Растерянный произошедшей переменой, лишенный опоры, он уцепился за увесистый фолиант, как за некую спасительную соломинку, и с трогательной надписью, с тайной надеждой на царскую милость, преподнес труд свой недавно водворенной на трон Екатерине Первой. В предваряющем рукопись послании, сочиненном и врученном Екатерине Первой двадцать третьего ноября 1726 года, он просил, чтобы она отнеслась к нему благосклонно, как к иностранцу, прожившему в царском доме двадцать два года, выросшему и воспитанному в нем, он просил возможности жить не бедствуя, «Вашему Императорскому Величеству известно, что я не имею по Бозе иного прибежища, кроме Вашего Императорского Величества».

Милость вскоре последовала: его назначили преподавателем математики к юному Петру Второму. Тщательно готовясь к урокам, отправляясь на службу ко двору, Ганнибал не знал, что назначение это окажется для него роковым. Он продолжал занятия математикой с юным внуком императора Петра, надеясь стать ему близким и необходимым человеком, как близок и необходим он был «славному шкиперу», усердно служил, передавая свои знания кондукто́рам, как было ранее велено, старался быть замеченным при дворе, но его не замечали. Более того, через пять месяцев после вышеупомянутой челобитной и подарка императрице, буквально через день после вступления на престол Петра Второго, он получил предписание:

> «1727 года мая в восьмой день, по его Императорского Величества указу, Государственная Коллегия приказали Лейб Гвардии Преображенского полку от бомбардир поручика Абрама Петрова отправить немедленно в Казань и велеть ему тамошнюю крепость осмотреть и каким образом ее починить или вновь запотребно рассудить сделать цытадель, тому учинить план и проект, а осмотря ее в Военную Коллегию отписать по почте, а которому числу тот план и проект поспеть может и отправить его на почте и дать ему на почтовые подводы прогона из казначейской конторы и о выдаче тех прогонных денег в казначейскую контору послать указ, а о дорожной в Ямскую канцелярию преморию, а в Казань к губернатору для ведения и о поможении послать указ же. Подленной приговор закреплен тако:
>
> *Александр Меншиков».*

На предписании сохранилась пометка, сделанная рукой Ганнибала:

> «С тем поехал я из Петербурга в Казань и был в Казане 25 дней потом получил другой указ, чтобы ехать в Тобольск».

Этот, второй указ, поступил несколько позже. А пока, оставив шкатулку-сунду-

---

[1] В документах и письмах сохранены орфография и синтаксис подлинников.

чок с бумагами и с деньгами у приятеля своего, Ивана Афанасьевича Черкасова, он, окрыленный, летит в Казань на почтовых тройках; молодому инженеру лестно получить историческое задание: осмотреть Казанский Кремль, составить проект его ремонта и — даже! — реконструкции.

Он молод. Лавры великих зодчих будоражат его воображение. Он еще не знает, что это — ссылка.

Так начался путь Ибрагима Ганнибала в Сибирь.

Но пока он, меняя лошадей, спешит к Казани, мы останемся в Петербурге, чтобы выяснить то, что неизвестно пока русскому африканцу.

2

Жесткой рукой Петра Первого заведена была пружина, двигающая всеми колесиками и шестеренками государства Российского: строился Ладожский канал и создавались флотилии, на костях тысяч мужиков поднимался Петербург, непривычно безбородые главы старинных семейств являлись с женами и дочерьми на ассамблеи, томилась в четырех стенах Девичьего монастыря царица Евдокия, мать казненного царевича Алексея, шел на эшафот привезенный из Иркутска вор-губернатор Гагарин, великовозрастными девицами стали дочери, рожденные Петру Екатериной, подрастал внук — тезка, маленький Петр, откуда-то являлись новые дотошные предприимчивые люди, и гибли сотнями и тысячами уральские железоделатели, пировал на Васильевском острове, солидно пограбив казну, милейший Меншиков, и писал любовные записки петербургским барышням Ибрагим Ганнибал...

И вдруг пружина лопнула.

И каждая шестеренка, каждое колесико начавшей разваливаться машины, почувствовали возможность обзавестись собственной пружиной — Екатерина и Меншиков, Анна Ивановна — дочь старшего брата Петра Первого, и Елизавета, да еще Петр Второй: жена, дочери, племянница, внук и друг любезный — все они оказались неожиданно претедентами на престол. Вокруг каждого из них сблокировались группы и группки: одни хотели вернуть то, что ушло навеки, и взоры свои обращали к царице Евдокии, другие были сторонниками Елизаветы — прямой наследницы, девицы «на выданье», а, стало быть, представляющей недурную возможность блестящим молодым людям поймать синюю птицу, император Карл VI, жена которого, принцесса Браунгшвейская, была теткой царевича Петра, помышлял увидеть царем России своего племянника. Проблему, как вспоминают современники, решил в миг единый весьма примитивным, но внушительным способом Александр Меншиков: взломав с вооруженным отрядом двери покоев. где высшие сановники решали: кому властвовать в России, он прокричал «виват» императрице Екатерине Первой. Так сделал он последний, самый решительный шаг к трону, ибо Екатерина находилась в полной власти светлейшего, доверяла каждому его слову, в довершенье — была слаба здоровьем. И началась в России, недолгая впрочем, власть Меншикова. Но будучи человеком недюжинного природного ума, светлейший понимал, что положение его непрочно, и, поразмыслив, решил действовать. Казалось, ему было бы куда как неплохо всеми силами содействовать укреплению престола за двумя дочерьми Екатерины, особенно за Елизаветой. Но он, как опытный игрок, решил поставить на юного Петра. Чем, как говорится, черт не шутит: однажды поставил он на мальчишку по имени Петр и из лотошника стал светлейшим князем,

владетелем состояния, способного поспорить с отощавшей императорской казной. Авось и на сей раз дело выгорит. Но нет, он не хотел просто пытать судьбу, все было продумано до мелочей: с одной стороны просто так отстранить царевича не удастся — довольно большая сила стоит за ним и за бабкой его — царицей Евдокией, с другой стороны, ежели, став царем, Петр узнает, что он — Меншиков — всецело причастен к смерти отца его, царевича Алексея,— светлейшему не сдобровать. Изворотливый царедворец находит безопасный, по его мнению, проход между Сциллой и Харибдой: он решил выдать за Петра дочь свою Марию и, таким образом, войти в императорскую семью. Но то, что легко задумать, нелегко свершить: нужно было добиться согласия у Екатерины, убедить ее в необходимости этого брака, принудить ее написать завещание в пользу пасынка, к которому, естественно, никаких добрых чувств она не питала. И еще одно, немаловажное соображение: этим актом она лишала надежды на престол дочерей.

Вот что пишет по этому поводу князь П. В. Долгоруков, использовавший для книги «Время императора Петра II и Анны Иоановны» архивы своих предков, прямых участников описываемых выше событий:

> «По совету Меншикова, император Карл VI послал тридцать тысяч червонцев Анне Ивановне Крамер, бывшей любимой камерфрау императрицы, теперь гофмейстерине при дворе великой княжны Наталии Алексеевны (Наталия Алексеевна— старшая сестра царевича, имевшая на него большое влияние, рано умерла). Завещание было составлено и, что любопытнее всего, — подписано за мать рукою цесаревны Елизаветы. Императрица Екатерина была безграмотна и всегда заставляла своих дочерей подписывать за нее ее имя».

Как же ко всему этому хитросплетению дворцовых интриг был причастен Ибрагим Ганнибал? Почему именно он летит сейчас, окрыленный надеждами, в Казань, еще не зная, что этот путь продлится до Тобольска, до Томска, Иркутска, Кяхты, Селенгинска?..

Его положение при дворе стало весьма сложным. «Он, — пишет историк С. Н. Шубинский, — знал Меншикова коротко и давно, еще до своей поездки во Францию, знал все его пороки и недостатки, будучи до 1716 года постоянно и неотлучно при Петре. На глазах Ганнибала свершалось превращение Алексашки в светлейшего князя: ему были известны отношения Меншикова к Екатерине, а, возвратившись в Россию в 1722 году, он узнал от друзей своих о злоупотреблениях Меншикова... и Меншиков тоже знал, что Абрам Петрович хорошо его знает... и не любил Ганнибала: но тотчас по кончине Петра не решился сделать ничего дурного ему из уважения к памяти государя; к тому же, при своем величии и могуществе, он едва ли давал какое-нибудь значение Абраму при дворе».

Если столь успокоительное заключение в большой степени верно для той поры, когда Ганнибал трудился в Кронштадте или пребывал среди сослуживцев по Преображенскому полку, в некоем благопристойном далеке от дворца, то едва он преподнес книгу свою и был приближен ко двору, едва стал он воспитателем юного Петра, он стал не просто опасен, а весьма опасен для светлейшего князя: ведь тот собаку съел на дворцовых интригах, и понимал — на царевича-мальчишку может неизглади-

мое впечатление произвести сцена казни его отца, переданная ему с соответствующими комментариями. Теперь всезнание Ганнибала, полгода назад казавшееся пустячным, не давало Меншикову покоя.

3

Но не только гофмейстерина Анна Ивановна Крамер, подкупленная Карлом VI и Меншиковым, была вхожа к уже тяжелобольной, почти неподвижной Екатерине. Имела доступ в покои и княгиня Аграфена Петровна Волконская, душа небольшого кружка, к коему все теснее примыкал Ганнибал. Ее отец и муж служили вдалеке от Петербурга, два брата были послами российскими в Дании и Польше. В ее кружке объединились исключительно лица, ненавидевшие Меншикова и взволнованные, более того, — испуганные все растущим его влиянием на императрицу. Их было немного, и Ганнибал отнюдь не был в этой компании главным деятелем, но он разделял их взгляды. Кружок имел связь с графом Петром Андреевичем Толстым, тем самым, что обманным путем выманил из-за границы царевича Алексея, дав Петру Первому возможность казнить сына. Он понимал, что приход к власти юного Петра чреват для него более чем неприятностями, ведь для того, чтобы выгородить себя, Меншиков весь гнев юного императора, всю его месть за отца направит на Толстого. Из того же чувства самосохранения принимал участие в придворных интригах близкий княгине Волконской и ее кружку кабинет-секретарь Иван Антонович Черкасов, приятель Ганнибала. Он не забыл грубость, надменность, унизительную дерзость, с которой обращался с ним Меншиков еще тогда, когда был он подъячим в Кабинете. Черкасов понимал, что, получив пост кабинет-секретаря, то есть, по существу, пост одного из самых доверенных людей императрицы вопреки желанию Меншикова, а только в память о покойном государе, который любил Черкасова и доверял ему, он обречен на ненависть светлейшего князя. Любимец Елизаветы Петровны красавец Александр Борисович Бутурлин не мог примириться с тем, что Екатерина, а не его патронесса была возведена Меншиковым на престол. Честный Егор Иванович Пашков презирал светлейшего за казнокрадство. Семен Афанасьевич Маврин — выше уже говорилось о нем, как о воспитателе царевича Петра, — не мог простить Меншикову коварного предательства по отношению к царевичу Алексею и к его малолетнему сыну. Княгиня же Аграфена Петровна Волконская ненавидела князя за интриги его в Митаве, где отец Аграфены Петровны — гофмейстер при дворе герцогини Курляндской, впоследствии императрицы Анны Иоановны, дочери брата Петра Первого, впал, благодаря коварству Меншикова, в немилость, а в сердце Анны Иоановны поселился человек, которому вот-вот предстоит выйти на арену российских дворцовых интриг и обильно обагрить ее кровью. Его имя — Бирон.

Итак, заговорщиков объединяла не столько дружба, сколько ненависть разнопричинная, но общая. Они вредили Меншикову как могли и даже связались для этой цели через австрийского посланника, графа Рабутина, с венским двором.

Царица благосклонно относилась к Аграфене Петровне и в одной из доверительных бесед, уже на грани могилы, поведала ей о желании Меншикова выдать дочь свою за юного двенадцатилетнего Петра и о том, что она, Екатерина, дала согласие на этот брак. Теперь медлить было нельзя, и друзья Ганнибала решили расстроить женитьбу, открыть все злоупотребления Меншикова императрице. Увы, они недооце-

нивали светлейшего князя. Он мгновенно разузнал обо всем, граф Толстой был схвачен. Логически поразмыслив, Меншиков понял, что никто, кроме Волконской, не мог узнать от Екатерины Первой о его замыслах. Стоя над умирающей императрицей, он добивается от нее указа о казни и ссылке тех, кто хотел разрушить его далеко идущие планы, и, едва закрыв очи отошедшей государыни, приводит в исполнение приговор.

Шестого мая 1727 года, пережив мужа на неполных три года, умерла Екатерина.

Седьмого мая 1727 года стало известно, что коронован будет на престол Петр Второй.

Восьмого мая 1727 года Ибрагим Ганнибал, получивший при крещении имя Абрама Петрова, специальным предписанием отправлен в Казань.

Летя на тройке в старинный город, он еще не знал, что Толстой был казнен, Волконская сослана в подмосковную деревню, Маврин в Тобольск — на службу, Черкасов разжалован в секретари синода и препровожден в Москву, причем ему «забыли» назначить жалование. Как избежали кары Бутурлин и Пашков — трудно понять.

А письма Ганнибала все еще шли и шли из дальней дороги по адресам старым, уже очень, очень ненадежным.

Через двадцать пять дней после своего приезда в Казань, Ибрагим Ганнибал получил от Меншикова письмо следующего содержания:

> «Его императорское величество указал тебе ехать в Тобольск и, по инструкции губернатора, князя Долгорукова, построить крепость против сочиненного чертежа; того ради вам указом его императорского величества предлагаем — изволь туда ехать без всякого замедления, понеже в строении той крепости состоит необходимая нужда, а чертеж пошлется вам на пребудущей почте, а которого числа ордер получишь и когда отправишься, о том рапортуй к нам в немедленном времени».
>
> *В Петергофе мая 28, 1727 года.*
> *Александр Меншиков.*

Только теперь ему стало ясно: это — ссылка.

...Летит по дороге от Казани на северо-восток тройка. Июнь выдался засушливый и пыль вздымается не легким облачком, а высоченной клубящейся тучей. Набухающее силой летнее солнце пытается пробить ее неторопливое изменчивое тело, зажигает и гасит в ней легкие радуги. Они тают. И вместе с ними тают последние надежды увидеться с друзьями. Черная рука с перстнем задвигает полог кибитки. Ибрагим откидывается на подушки и долго-долго сидит неподвижно, следя, как в тонком луче, рассекающем полутьму, искорками вспыхивают пылинки.

4

27 июня 1727 года.

> «Государыня моя княгиня А. П.
>
> Доношу вам, что я еще получил ордер из Петербурга от князя М., при сем к вам копию посылаю, и сего числа в Сибирь в город Тобольск отъезжаю; может быть, еще там получу третий ордер, куда далее ехать; как изволят, я всюду готов ехать без всякой печали, кроме того, что меня лишили моих друзей, а что без всякой вины — тому радуются, прошу вас, мою государыню,

чтоб отписать как-нибудь поскорее к Ивану Антоновичу Черкасову, чтобы прислал ко мне в Сибирь поскорее деньги, которые я у него оставил, понеже имею великую нужду; пожалуй, не оставь моего прошения по своей ко мне милости; при том вас, государыню, прошу сделать мое дело, о чем прежде вас прашивал, на что вы мне милостиво обещали, — також-де получили ли вы от меня письмо, которое я вам писал через господина Тамес, который содержит в Москве мануфактуру под Девичьим, на Лопухина дворе, через которого я и сие посылаю; пожалуй, государыня моя, не оставь меня в своей милости и не забудь все вышеписанные мои прошения, понеже может-быть, что я последнее имею честь к вам писать, что меня зашлют в какие пустые места, чтоб там уморить; такожде прошу в последнее вас, чтоб дать знать нашим друзьям, которые в Петербурге и в других местах, что я послан в Сибирь, в Тобольск город, чтобы они сведомы были; особливо вас прошу, как возможно, чтоб послать как ни есть копию с указа, приложенного при сем к нашему колокольчику, или к Разговору Ивановичу (конспиративное имя Егора Ивановича Пашкова. — М. С.) також-де Козлу (Михаил Бестужев, брат Аграфены Петровны, русский посланник в Польше. — М. С.) и к Пантолону (Алексей Бестужев — второй брат, посланник в Дании. — М. С.), пожалуй, не запамятовай, чтоб отписать к Ивану Антоновичу, чтоб прислал поскорее деньги, чтоб мне не умереть с голоду в Сибири, понеже при себе имею очень малое число денег; такожде вас прошу, чтоб я не был оставлен в вашей особливой милости наипаче в письмах; прости моя государыня, чаю, что в последнее к вам пишу, может быть, больше не увидимся; к тому же может быть, зашлют меня за пустые городы, так что в 20 лет собака не проедет; еще прости и вспомни мое бедное житие и изгнание, которые я претерпевал . . . .

. . . .

оторвано

Я, того ради надеясь на вашу... милость, ни к кому не писал по клад... вы дадите знать всем моим... петербургским и прочим, где я... ныне и с каким политикою тоск... меня из города в город, зело кр... вас надеюсь, что вышеписанные мои прошения не будут оставлены, понеже, если не будут знать мои друзья, где я, то весьма могу пропасть, яко бекич, и хуже; слезно вам, моей милостивой государыне, подтверждаю и молю, да повелите исправить бедного человека прошения, который ниоткуда не имеет помочи, кроме Бога, что вы сами в сем известны, за что пропадаю в напрасл..

Ваш, моей государыни покорный слуга
Абрам Петров».

5

А было в те поры в Тобольск две дороги. Одна — зимняя: почтовый тракт шел через Переславль-Залесский, Ярославль, Ухорский и Обнорский Ямы, Вологду, Шуйский Ям до Тобольска. Летняя же дорога, впоследствии получившая название «Владимирка», шла через Владимир на Муром, оттуда на Нижний Новгород, затем через Козьмодемянск на Казань и далее в Сибирь. По этой-то дороге и добирался на перекладных из Казани в Тобольск от бомбардир-поручик Абрам Петров с подорож-

ною, выправленной ему губернатором Казани, и с партикулярным, то есть неофициальным, частным письмом светлейшего князя Меншикова. Казенная бумага помогала ему сравнительно легко менять лошадей, но дорога была трудна, питание в трактовых трактирах не самое дешевое в России.

Московский тракт. Тракт, вдоль которого грибами вырастали царевы кабаки, где бражничала и куражилась Сибирь, где дружеские попойки переходили в поножовщину, где за двадцатку казак, уходящий в поход на север иль на восток, продавал жену свою брату или соседу «до опосля похода», где лучшие комнаты в заезжих дворах, обставленные с некоторой претензией, что однако же не мешало им быть отличным жилищем для клопов и блох, отдавались проезжему барину: то ли торопящемуся произвести очередную ревизию казны в Сибирском царстве, то ли везущему новый царский указ о пашенных и монастырских крестьянах, то ли — и таких было немало — впавшему в опалу и отправленному подальше от царских очей.

...Тридцать раз хватали под уздцы казенных лошадей казенные люди, тридцать раз распрягали их и запрягали вновь, тридцать временных квартир поменял Ганнибал, ночуя в придорожных заезжих избах и трактирах, под конец уже не замечая ни блох, ни клопов, нещадно набрасывавшихся на свежего человека, — спал как убитый от усталости, от пыли и дождей, от тряски, от воспоминаний своей еще недолгой, но полной событий самых необычайных жизни: африканское детство, константинопольский плен, крещение Петром, походы и войны, полуголодная, но прекрасная юность — учеба во Франции! Все это было с ним, и все это было далеко — где-то там, отрезанное навеки Уральским Камнем. Навеки... А, может, и впрямь навеки?.. Эта мысль жалила куда больше, чем все насекомые всех трактиров, заезжих изб и постоялых дворов. Тогда он просыпался, требовал вина, и, получив от заспанного хозяина или хозяйки шибающее сивухой питье, он уже не мог заснуть и сидел над кружкой до утра. А утром обнаруживал, что его и без того не тугой кошелек стал дистрофически тонок.

30 июля 1727 года Ибрагим Ганнибал прибыл в Тобольск.

6

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ, ВСЕПОДДАНЕЙШЕЕ ДОНОШЕНИЕ ИЗ СИБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

В нынешнем 727-м году, в письме генералиссимуса светлейшего князя Меншикова, писанном в Петергофе мая 28-го, а Сибирской губернии в Тобольске полученном июля 28-го чисел, написано... по указу Вашего Императорского Величества велено от бомбандир-поручику Абраму Петрову сделать на китайской границе против чертежа крепость; того ради, когда он в Тобольск прибудет, велено его туда отправить немедленно, а понеже он человек иностранный и опасно, чтоб не ушел за границу, велено иметь за ним крепкий присмотр. И по тому его, князя Меншикова письму... от бомбандир-поручик Петров, прибыл в Тобольск июля 30-го и на китайскую границу отправлен августа 3-го чисел, до получения онаго Вашего Императорского Величества Указа.

Князь Михайла Долгоруков, Иван Болтин,
секретарь Козьма Баженов.
Ноября 28-го дня 727 года.
К поданию в Верховном тайном совете.

7

Итак, Тобольск оказался отнюдь не конечной целью путешествия. Ибрагим Ганнибал отправляется на восток, строить Селенгинскую крепость.

Его великий правнук в «Родословной...» писал, что целью этого невольного путешествия было приказание «измерить китайскую границу». Как видим, дело обстояло несколько иначе.

Еще в 1726 году чрезвычайный российский посланник Савва Лукич Владиславич-Рагузинский — о нем у нас будет время поговорить — вместе с губернатором Сибири Михайлой Долгоруковым ставили в известность императрицу и Сенат о необходимости строительства на китайской границе крепости не только для обороны, но и для «произведения» торга.

В Тобольск вело два пути, из Тобольска — три: Березовский тракт на север (не успеет Ганнибал добраться до Иркутска, а уже поедет по направлению к Березову, к месту своей ссылки и кончины, и тот, кто стал отныне главным врагом арапа Петра Великого); Московский тракт — тот самый, по которому менее недели тому назад прибыл Ганнибал в столицу Сибири; и третий — Иркутский: на юг, через село Ивановское, тот самый, по которому, едва отоспавшись да отмыв дорожную пыль, да порассказав любопытствующему начальству весьма уже устаревшие петербургские новости, узнав от того же начальства все о ссылке друга своего Семена Маврина, который должен был вот-вот прибыть сюда, в Тобольск, и — в довершение всего — выпросив сто рублей из губернаторской рентереи, едет сейчас Ганнибал.

Все гуще леса, все мощнее реки, через кои приходится перебираться повозке, везущей изгнанника, вся явственнее признаки рано наступающей осени. Уже и зима заслала своих гонцов, забеливая травы, смораживая дорожную грязь, облегчая бег лошадям, когда добрался наконец он до Томска. Отсюда, окончательно обезденежев, потеряв надежду на то, что и Селенга — последнее место его ссылки, страшась, не пошлют ли еще дальше, не ведая даже того, что ему надлежит впредь делать, чем на самом деле заниматься, ибо никакого письма с чертежами и указаниями, обещанного Меншиковым, он не получил, Ганнибал решил обратиться к дочери Петра Великого царевне Анне, к Александру Борисовичу Бутурлину, как уже говорилось, любимцу Елизаветы Петровны, и к Петру Спиридоновичу Сумарокову — камер-юнкеру при Анне Петровне. Письма эти он послал через все ту же княгиню Аграфену Петровну Волконскую, дав ей в письме особые указания и наставления.

8

«Милостивая моя государыня, княгиня Агрипина Петровна. Я надеялся, моя милостивая, что вы уже получили письма мои, которых я до вас послал из Казани, а именно три письма через господина Тамеса, и мне зело печально, что не получил от вас ни единого письма по моем отъезде с Москвы; так ли будет ваше обещание, последние два письма от 28-го дня из Казани, в котором просил и ныне прошу, чтоб сказать Ивану Антоновичу, чтоб переводил ко мне деньги поскорее, если возможно через Строгоновых, а они чтоб прислали в Тобольск к князю Михайле Володимировичу Долгорукову, который пожалуй пришлет ко мне на границу китайскую, или через кого иного Савве Рагузинскому, для строения некоторого маленького города, а письмо, которое я

получил в Казани от его княжей светлости, до вас послал копию в двух разных письмах из Казани 28 дня июня. Однакож ежели не получили, то еще посылаю до вас копию, и когда я приехал в Тобольск, вскоре меня отправили на границу к Рагузинскому Савве, а в Тобольск ожидали вскоре Семена Маврина в коменданты. Ежели повелите по своей ко мне милости писать, извольте к нему посылать, а он ко мне пришлет; для ради имени Божия вас прошу, прикажите писать почаще к Семену Маврину, а я через него могу видеть, ежели что будет доброе для нашей пользы, или какой слух будет. Послал я вам сие письмо через моего друга Григория Васильевича Возжинского, который вам вручит, такоже послал с ним письмо к царевне Анне Петровне. Просил, чтоб явили со мною милость, дабы был прислан указ к Савве Рагузинскому, чтоб меня взял с собою, когда поедет с границы Китайской в Петербург по окончании своей комиссии, понеже нет виду такого, что я послан в ссылку, что можете рассмотреть по его (Меншикова. — М. С.) письму, я думаю, что его намерение только, чтоб меня отдалить на несколько время, веселя моих приятелей. Понеже меня никуда не определил, как других, разве что впредь будет, а в письме к князю Михайле Володимировичу, по которому велел меня отправить на границу китайскую к Савве Рагузинскому для строения крепости Селенгинской, величает меня: лейбгвардии от бомбардир поручик А. Петров. Также и в письме, которое ко мне писано, сама изволишь усмотреть в какой силе и как политично со мною поступает, ежели бы в ссылку, чего ему меня опасаться, прямо бы объявил, как другим.

Да с вышеписанным другом послал письмо к Александру Бутурлину да Петру Сумарокову, чтоб они его представили цесаревне Анне Петровне; также вас прошу, моя государыня, пожалуйте ему свой совет, как лучше поступить, и Александр при дворе ли остался, такожде и Сумароков, о чем вы можете быть сведомы. Егор Иванович (Пашков. — М. С.) на старом ли месте, Иван Антонович (Черкасов. — М. С.), друг наш, я слышал, что определен в синод обер-секретарем и прислан к Москве для переписи патриаршей ризницы. Пожалуй, моя милостивая государыня, хотя единое письмо, чтоб мне подлинно знать, куда и где наши друзья. Господин Лешток (Лесток Герман, граф, лейб-медик Елизаветы Петровны. — М. С.) с невестою еще тут ли остались; ежели к Москве будут, прошу вас для имени Божия, надобно стараться, чтоб дойти как возможно к великой княжне (Наталье Алексеевне.—М. С.), ежели же невозможно, то к цесаревне Анне Петровне, проси ее, чтоб она помогла через великую княжну, ежели сама не сможет или не смеет; а особливо, когда будет коронация его величества. Ежели прежде невозможно будет, надобно трудиться, хотя бы из нас кто б один освободился; очень будет легко цесаревне Анне Петровне, чтоб мне помочь, ежели изволит поговорить с князем Дмитрию Михайловичу (Голициным. — М. С.) и Алексею Яковлевичу Волкову (секретарь Меншикова. — М. С.), понеже у него, я чаю, двое фавориты, могут его светлость склонить, чтоб послать указ к Савве Рагузинскому, дабы меня взять с собою, как назад поедет в Петербург, а ежели будет вам возможно дойти до великой княжны, можно ей, государыне, просить и представить наши страдания и прочее. Я надеюсь, что скоро будут короновать его величество и будут показывать многим людям милосердие, хотя мы и не в тех числах, да что же делать; пожа-

луй, ежели коронация еще скоро не будет, ищи всякие случаи к цесаревне Анне Петровне, хотя чрез письма проси, чтоб она просила у великой княжны, вы ныне можете писать с сим моим другом, Григорием Васильевичем, который весьма верно вручит ее высочеству, или с другим кем, на кого вы можете надеяться, только для имени божия не живи праздно, как другие наши друзья, как например, Белуга, ни себе, ни людям, как Макавей, который за свиное мясо замучился; я чаю, друзья мои уже ведают об нашем несчастии; что вы мне обещали сделать, пожалуй, не запамятуй, чтоб Панталон и Козел приложили к тому свое старание, особливо больше моя надежда на Козла, что он меня не оставит; я как знал свое безщастие последний раз, как я к нему... увещевал, ежели будет такое нещастие, чтоб он имел старание там, где вы знаете, ради Христа и Пресвятой Богородицы не обленился и не забывал своих друзей; хорошо не оставлять друзей в нещастии, а в щастии всякий будет друг.

Ваш моей милостливой государыни покорный и послушный слуга
А. Петров.

Из Томска, 15 ноября 1727 г.

9

...Чего больше в этом письме: отчаяния или надежды? Ему кажется, что он не оставил без внимания ни одного высокопоставленного лица, помощь которого могла бы оказаться полезной при решении вопроса о «взятии», т. е. возвращении его в Петербург, к милым, но, как ему представляется, позабывшим о нем друзьям. Он возлагает надежды на Аграфену Петровну, хоть и знает, что она сама томится в ссылке. Ганнибал все же считает, что в ее положении есть преимущество — близость Москвы. И почему он называет княгиню Волконскую Агриппиной? Что это — или принятая среди близких вариация имени, или же конспиративный шифр заговорщиков? Ведь называет же он в письме братьев княгини Козлом и Панталоном. Но более всего Ганнибал рассчитывает на великую княгиню — юную и доброжелательную Наталию, единственного человека, к которому беспредельно привязан молодой император. Ганнибал мечтает о том, что Бутурлин, Лесток и Сумароков сумеют уговорить дочерей Петра Первого и Анну, и Елизавету, что братья Волконской Михаил и Алексей Бестужевы сумеют повлиять на людей, связанных с ними по линии дипломатической при русском дворе и за рубежом, что они сумеют соответственно настроить Анну Иоановну, митавскую принцессу, а та, в свою очередь, Петра Второго или Меншикова. Его надежда цепляется за любую мелочь: Меншиков в письмах своих не назвал ссылку ссылкой, его — государственным преступником, упомянул чин его: «лейб гвардии от бомбардир поручик», стало быть чина, звания не лишил, и значит, это не ссылка, а временное удаление. Никуда официальным указом на поселение не водворен, срок наказания не указан, значит, это не ссылка, а временное удаление. И письмо написано — заметим, что такова вообще манера ганнибалова письма — как бы кругами: высказав некую мысль, он продолжает ее развивать, многократно перечисляя все, какие есть возможности, чтобы все вернуть на стези своя. Он бесконечно возвращается к тому или иному тезису: как и с кем переслать письма и деньги, как и к кому обратиться с просьбами о «взятии» заговорщиков в Петербург, как и какими путями пробиться к Петру, Наталии, Елизавете, Анне, как и через кого попробовать повлиять на Меншикова. Но дочитаем письмо до конца.

«P. S. Ежели Александр Борисович от двора отлучен, или на Москве, или отменился от нас своею любовию, в том случае извольте взять мое письмо к себе, можете дослать с кем другим верным человеком, такоже и к Петру Спиридоновичу Сумарокову; однакож я того не надеюся, чтоб он был отлучен от двора, дай Боже, чтоб не был отлучен, он очень горяч для услуги, своим друзьям верен в дружбе и проворен, мое письмо может дойти до цесаревны, и он не пропустит удобное время, когда можно будет говорить его величеству и государыне великой княжне. Егору Ивановичу (Пашкову.— М. С.) скажи, когда будет на Москве, чтоб отписал князь Михайле Володимировичу (Долгорукову.— М. С.) и к сыну его, князь Сергей Михайловичу, чтоб они меня не оставили, понеже они его содержат за великого друга и того ради, ежели прибудет князь Василий Володимирович из Персии, чтоб его попросили, а он может сделать через князь Дмитрия Михайловича; пожалуй чтоб не презрел мое прошение. Пожалуй, ежели наш друг Иван Антонович на Москве, отдай мой дружеский поклон, да чтоб пожаловал, переводил ко мне деньги поскорее, таким образом, как я выше сего писал; в великой нужде нахожусь. Князь Никите Федоровичу отдаю мой поклон нижайше. Пожалуй, прошу вас принять сего моего друга поласковее, что ему было охотнее ходить за моим делом, и такожде и вы изволите ему дать свой совет, как бы лучше поступить ему; мне хочется, чтоб он сам подал цесаревне мое письмо, где может найти случай тайно, чрез Александра Бутурлина и Петра Сумарокова, что без труда могут сделать; вы сами знаете, что к ним приступ немудрен, разве ныне крепко стало, дойти с ним будет легко, только не знаю, будет ли путь прежде всего. Они не были смелы просить за кого у матери, опасались ея, а ныне чего бояться — сами сидят в совете верховном, такожде цесаревна Анна Петровна может просить самого его величество об нас, понеже она сама знает, что он изволил нас жаловать, такожде и великая княжна, а нас отослали не по их воле, а про меня сказали, что я послан за нужнейшим делом, только обманывают его величество; пожалуй вы от себя пространнее к цесаревне Анне Петровне, чтоб она могла понять хорошенько и взяла бы смелость к его величеству говорить один на один, такожде и с великой княжной, что она может найти много случаев.

Не худо, чтоб вы отписали такожде к Александру Бутурлину, чтоб он ее на то приводил как возможно, чтобы она один на едине просила бы за нас его величество и у великой княжны; пожалуй, послушай меня, ежели кто будет упоминать его величеству, такожде и великой княжне почаще об нас, то воистино прикажут нам быть, понеже вы сами знаете, как нас всех жаловали, и ненадобно, чтоб выпустить дать из них памятей, пока не забыли, а с Москвы часто случаются в Петербург ездоки, а для верности еще лучше будет, чтоб вы послали своего человека Матвея к Александру Бутурлину, и чтоб там жил под каким тайным именем, а не так, как ваш человек, только чтоб Александр про него знал, и может беспрестанно ездить взад и вперед, туда и сюда, или сделайте его в свою деревню приказчиком, которую имеете в Петербурге, он за деревенскими делами будет переезжать туда и сюда без всякой опасности. Ежели прибудет к Москве или в Петербург царевна Анна Ивановна, чрез ее мо-

жете искать случай, чтоб приводить к тому цесаревну Анну Петровну. Ежели можете достать оказию, чтоб нам можно видеться с тем человеком, с кем я имел новое знакомство в Петербурге (австрийский посол.— М. С.), очень было бы хорошо; когда приедут для коронации, тогда будет удобное время, может быть, что Степан Федорович Апраксин к тому времени приедет, ежели ныне не приехал с Павлом Ивановичем, к тому случаю для вас будет хорошо, вы сами известны, что к нам гораздо склонен; ежели же и ныне он в Петербурге, можете его употребить к тому, что он с радостию будет служить друзьям своим».

Отправив с надежным человеком письмо к Волконской, Ганнибал вздохнул с облегчением. Много ли надо порой человеку, чтобы сквозь тучи улыбнулось ему вдруг солнце. Высказал, что на душе камнем лежало, и словно снял камень этот, облегчил гнет, а тут и надежда явилась: авось и впрямь заступится кто. Вот доедет он, Ибрагим, до границы китайской, с Саввой Владиславичем-Рагузинским повстречается — не чужой все же человек: привез некогда его, Ганнибала, мальчишкою совсем, из Персии в дар Петру Великому,— а тут и грамотка из Петербурга поспеет: так, мол, и так, вернуть Арапа Петра Великого, дабы снова стал учить юного царя математике, а кондукторов — инженерному делу. Да-да, так оно и будет, надо только поскорее в Иркутск, в Кяхту!

И вот уже сани одолевают занесенную пургой чащобу. Дорога, минуя дышащие на ладан мосты, выбегает прямо на торосистый покров рек, речек, речушек, обходит полыньи и наледи, спешит, спешит на восток — к Байкалу.

Восьмой месяц в дороге — не то ссыльный, не то командированный. И далека еще цель его вынужденного путешествия. Но надежда... Надежда стоит на запятках его саней и подгоняет: «Вперед! Вперед!». Нет, не такой человек Аграфена Петровна, не такие люди и Бутурлин, и Лесток, и Сумарков, чтобы оставить его в беде..

Блажен кто верует, светло ему на свете...

Дорога, дорога... Белый снег. Черный человек.

11

Луна за окном вписана в позолоченное серебро облаков. Старинный перстень блестит в небе. Ветер срывает с веток хлопья выпавшего с вечера снега. Комочки стучат, стучат в стекло. На столе моем книги, старинные журналы, пожелтевшие бумаги, карточки с переписанными на машинке письмами, прошениями, жалобами на судьбу человека, едущего сквозь такую же зиму, только два с половиной века назад. И мне кажется, я вижу его резкие выразительные черты, темный лик его на фоне ослепительного снега. Он едет; история, которую вы читаете, приближается к середине...

Лежат снега белее облак,
белей лебяжьего крыла,
и странен абиссинский облик
слуги Великого Петра.
Он — черномаз.
Мальчишек стая.
Торосы льда на берегу...

... Ах, жизнь, ты — суета пустая,
как эти тени на снегу.
В нелепой прихоти толкутся
дома, слепые, как напасть...
От Петербурга до Иркутска
отныне — Меншикова власть.
Ох тяжко, непомерно тяжко
в тюрьме без стен и без замка:
хитер каналья Алексашка,
и тяжела его рука.
Вот за Урал заслал, за Камень,
в Тьмутаракань, в Сибирь, в тайгу:
мол, покомандуй казаками,
мол, обживи-ка Селенгу!
Ни денег не дал мне, ни власти,
ни тех бумаг, что надлежит:
Петров слуга теперь не в масти —
от распрей русский трон дрожит.
Уж кое-кто нагреет руки:
я зрю из сих студеных мест,
как рвется к власти Долгорукий, —
он съест тебя, Светлейший, съест!
А я готов уже к побегу, —
ведь ссылка все же не тюрьма...
Да нынче что-то много снегу
и больно холодна зима,
и у пурги круты замашки —
с ней посложнее, чем с людьми...
Ему, прохвосту Алексашке,
и вьюга служит, черт возьми!
Ах, Петр, умел рубить ты шведа,
а власть оставил не врагу?..
Нет, все равно сбегу отседа.
Весна нагрянет и — сбегу!

12

А между тем, жизнь шла своим чередом, и капризная богиня Фортуна вроде бы стала поворачиваться лицом к пострадавшим от меншиковского гнева. После краткого и бесцветного царствования Екатерины, которое осталось в памяти разве что созданием Верховного тайного совета, который должен был руководить страной именем императрицы, на престоле оказался мальчик. Естественно, что все, кто мог надеяться хоть на малейший успех, пытались заполучить его расположение, а более того — это касалось отцов знатных семейств, имеющих на выданье дочерей,— его руку и сердце. Некоторое время, переехав из Москвы в Петербург, Петр Второй жил во дворце светлейшего князя. Полученное еще при жизни Екатерины согласие на брак наследника с Марией Меншиковой плюс единовластие, к которому привык Меншиков, заседая в Верховном тайном совете, где попрал он властью своею всех именитейших вельмож России, все это сделало его отечески снисходительным к юному императору, и за это он весьма скоро поплатился. Не задаваясь целью подробно описывать придворные интриги, приведшие к падению Меншикова, напомню лишь один из многочисленных случаев, имевших место в жизни.

Вот что вспоминает в своих «Записках» Христофор Герман Манштейн, полковник

русской службы, сподвижник Петра Великого, мужественно сражавшийся под знаменами не весьма одаренного полководческим талантом фельдмаршала Миниха, того самого Миниха, которому суждено свершить через три года после описываемых событий серьезный поворот в судьбе Ганнибала.

«Не помню по какому случаю, цех петербургских каменщиков поднес императору в подарок 9 тысяч червонцев. Государю вздумалось порадовать ими сестру и он отправил к ней деньги с одним из придворных лиц. Случилось последнему повстречаться с Меншиковым, который спросил его, куда он несет деньги? На ответ придворного, Меншиков возразил: «Государь, по молодости лет, не знает, на что следует употреблять деньги, отнесите их ко мне, я увижусь с государем и поговорю с ним». Хорошо зная, как опасно противиться воле князя, придворный исполнил его приказание. На другое утро царевна Наталия, по обыкновению, пришла навестить брата. Только что она вошла к нему, как государь спросил ее, разве не стоит благодарности его вчерашний подарок? Царевна отвечала, что не получала ничего. Это рассердило императора. Приказав позвать придворного, он спросил у него, куда девались деньги, которые ему велено было отнести княжне? Придворный извинялся тем, что деньги отнял у него Меншиков. Это тем более раздражило государя. Он велел позвать князя и с гневом закричал на него, как смел он помешать придворному в исполнении его приказания? Не привыкший к такого рода обращению, князь был поражен, как громом. Однако он отвечал, что, по известному недостатку в деньгах в государстве и по истощению казны, он, князь, намеревался сегодня же представить проект более полезного употребления этих денег, и прибавил: «А если Вашему Величеству угодно, то не только прикажу возвратить эти девять тысяч червонцев, но даже дам из собственной своей казны миллион рублей». Государь не удовольствовался этим ответом. Топнув ногою, он сказал: «Я покажу тебе, что я император, и что я требую повиновения».

И он показал это.

Надо ли говорить, что любой из таких случаев служил поводом, и немаловажным, к тому, чтобы приближенные к царю высокопоставленные сановники, вся челядь, бесконечно оскорбляемая заносчивым светлейшим князем, настраивала Петра Второго против Меншикова. Особенно преуспевала в этом семья Долгоруких, главных соперников Меншикова, тоже лелеявших надежду женить царя на княжне Екатерине Долгорукой. Силу они представляли большую: на восемь членов Верховного тайного совета было четыре Долгоруких, да влиятельный сибирский губернатор, да не менее влиятельные родственники в чинах. Особенно близок императору был Иван Григорьевич Долгорукий, брат Екатерины, прочимой в супруги царю. Когда юный Петр был отторжен от двора и нелюбим своим грозным тезкой-дедом, Иван был другом его детских игр, придумывал — на это он был мастер — многообразные забавы, дабы весело было мальчишке. И Петр этого не забыл. Очень скоро Иван Григорьевич Долгорукий стал главным лицом при дворе, и через него-то властолюбивый отец его, князь Григорий Федорович Долгорукий, решил подняться на пъедестал.

10 сентября 1727 года светлейший князь Меншиков был сослан в Раненбаум. Император объявил ему, через официальных лиц, что отдаляет его от двора, не лишая однако ни титулов, ни состояния, и Меншиков укатил в ссылку так, что это стало вызовом двору: вереница карет с гербами, эскорт из нескольких всадников, вереница прислуги.

Скорее все было похоже на торжественный выезд царя, чем на изгнание. Скоро и это лыко поставят светлейшему в строку.

Итак, Меншиков вышел из игры, в игру вступают Долгорукие.

Казалось, небо над кружком княгини Волконской светлело, и пока Ганнибал добирался до Иркутска, друзья его не теряли времени даром. Княгиня Волконская и по собственной инициативе и по наущению Ганнибала посылала в Петербург своего человека, он пытался наладить связи с нужными людьми. Теперь княгиня ожила, переписка ее с друзьями носила светлый и обнадеживающий характер: пришла пора действовать.

Егор Иванович Пашков в письме к Черкасову:

> «У нас с божией помощью все благополучно, и никаких страхов ни от кого нет, как было в бытность князя Меншикова. О суетной славе прегордого Голиафа, которого Бог всесильною десницею сокрушил, о том многие радости имеем, также и аз, многогрешный, славя Святую Троицу, пребываю без всякого страха».

Он же княгине Волконской:

> «О суетном состоянии нашем всего вам истино описать не могу, так было хорошо от крайних приятелей наших, которые нас без совести повреждали, после того случалось, что и смотреть на них не смели, однакож от всех их нападений избавил нас Бог, и их слава суетная пропала вся до конца.»

Он же Черкасову 4 октября 1727 года:

> «Об Абраме и Семене Маврине прилежно стараюсь: каким бы случаем их взять, и кажется, что многие об них сожалеют, а говорить никто не хочет за повреждением себя. А Левенвольд (граф Карл-Ренгольд Левенвольде, камергер, фаворит Екатерины Первой, заискивающий в описываемые времена перед Долгорукими.—М. С.) безсовестно старою своею компаниею их повреждает и всячески тщится, чтоб их не допускать к взятию».

И, двумя неделями раньше, Волконской:

> «Все проклятые на них злы собаки, ныне у нас многие хотят быть первыми, а, как видим по их ревности безсовестной, не потеряют ли и последнего. Ныне у нас еще... постоянства нет, друг перед другом рвутся с великим повреждением, а, по-видимому, нельзя найти для того, что у всех ревность без совести, от которых хотя что и ведаешь, только не всем веришь, а паче утверждаешься во всяком рассуждении своем и надежде состоишь Божней, одним словом сказать, что верность наша в уповании Божием; как видим и слышим, изволяет милостиво упоминать про компанию нашу прежнюю, только от прежних неприятелей не можно свободного способа сыскать, как бы порядочно донесть однако же, хотя и с трудом, только делаем сколько возможно.»

Нет, обманчива эта капризная Фортуна-богиня: повернулась вполоборота и неизвестно, чем все это кончится.

9 января 1728 года Петр Второй отбыл из Петербурга на коронацию в Москву, до 4 февраля он забавлялся — чем бы дитя ни тешилось! — в селе Всесвятском, в имении Ивана Федоровича Ромодановского (еще поговаривали, что у императора была... корь!), а вслед за тем выехал в старую столицу.

В первых числах января или в самых последних числах декабря, встретив на чужбине новый, 1728 год, Ибрагим Ганнибал прикатил в Иркутск.

13

Его Императорского Величества, Иркутской провинциальной канцелярии лейб-гвардии Преображенского полка от бомбардир-порутчика Абрама Петрова.

ВЕДЕНИЕ

Прошедшего Мая 28 дня, 727 года, по указу его Императорского величества и по письму из Питергофа от его светлости Генералиссимуса, светлейшего князя, Меншикова, велено мне ехать на Китайскую границу для строения крепости, и при мне определенные деньщики, которым, по присланному из Тобольска указу, велено получать провиант солдатской, а именно двум человекам, и по отъезде из Тобольска с Августа месяца 727 года по Генварь месяц 728 года, определенного провианта нигде не получили, и чтоб повелено было против Указа Его Императорского Величества в Иркуцку или где востребуется от него ведением, оным деньщиком провиант выдавать, где принадлежит при Китайской границе заслуженное и впредь без задержания, и о том, куды надлежит, из Иркуцкой Провинциальной Канцелярии послать Его Императорского Величества послушные указы, чтоб за недачею оным деньщикам будучи примерно какой нужды не возыметь в провианте.

К сему ведению руку приложил Преображенского полку от бомбардир-порутчик Абрам Петров.

Генваря 15-го дня, 1728 году.

14

Иркутск жил обычной своей неторопливой жизнью: в конце декабря стала Ангара, закрылся магистрат, а вместо него учреждена ратуша, преосвященный Иннокентий Кульчицкий назначен в Иркутскую епархию первым местным епископом. Он хотел было отправиться с миссией в Китай, но богдыхан его не пустил, возможно, сказалось здесь не только нежелание китайского правителя, но и то, какие документы представил китайским властям чрезвычайный посол Савва Владиславич-Рагузинский, у которого с Иннокентием Кульчицким были худые взаимоотношения.

В 1728 году это был еще не старый, властный человек, который едва получив назначение, тотчас же по табелю стал принимать епархию: две соборные церкви, монастыри в Иркутске и «за морем», церкви по сибирским городам и весям. О Владиславиче-Рагузинском он и слышать не хотел, между тем судьба уготовила им встречу. Но прежде, пристроясь к очередному торговому купеческому каравану, выхлопотал в казне малую толику денег, на встречу с Владиславичем-Рагузинским отправился Ибрагим Ганнибал, пробыв в Иркутске не более месяца.

Это событие зарегистрировано в иркутском «Летописце», куда местные провинциальные канцеляристы заносили всякие более или менее приметные факты провинциальной жизни, в том числе прибытие «по указу для строения Селенгинской крепости бомбардирской роты поручика Абрама Петрова, который и отбыл, как Байкал льдом покрылся, в Селенгинск».

...Они давно не виделись, хотя раньше пути их перекрещивались не раз — и тогда, когда Ганнибал участвовал в походах Петра, и в дни учебы во Франции, и в более поздние времена. И всегда от илирийского графа Ганнибал видел только добро.

Савва Лукич Владиславич, босниец по рождению, занимался торговлей, был тайным агентом послов российских в Константинополе, там увидел маленького пленного темнокожего мальчишку, выкупил его и привез в дар Петру Великому. (Петр, как известно, крестил мальчишку, дав ему имя Абрам Петров, хотя и не запретил пользоваться своим. Уже во второй половине жизни, ближе к ее концу, российский абиссинец припомнил свое давнее имя, созвучное громкоизвестной по истории фамилии древного полководца, и в историю вошел как Ибрагим Ганнибал. Поэтому он так именуется в повествовании в авторском тексте, а в официальных документах той эпохи — Абрамом и даже Абрамом Петровым). Петр весьма ценил заслуги смелого, находчивого и умного дипломата-боснийца, он пожаловал Владиславичу дом в Москве, несколько деревень. После Прутского похода Владиславич получил от Рагузинской республики диплом на графское достоинство, императрица Екатерина Первая пожаловала его в действительные статские советники и направила послом в Китай для уточнения и укрепления существующей границы.

Пожалуй, эта посольская нелегкая миссия наиболее полно выявила недюжинный характер Владиславича-Рагузинского. После десяти дней дружелюбных бесед и угощений любезностями, богдыхан велел запереть посольство, поставить стражу, кормить российских дипломатов худо и поить только соленой водой. Так он решил сделать русских уступчивее при переговорах. Целью же китайских министров было: заставить Владиславича-Рагузинского от имени российской императрицы отдать китайцам русские земли по Байкал. Граф Рагузинский держался твердо и заявил: «Смерть ста двадцати русских не будет важною потерею для России, но императрица Российская не оставит за такой поступок... Швеция хотела отторгнуть одну провинцию от России, а сама лишилась более ста городов; персиане разграбили российский караван, это стоило им пяти провинций». И китайцы вынуждены были подписать российский вариант договора, внеся в него несущественные поправки.

Вот с этим-то человеком и встретился сейчас Ибрагим Ганнибал. Нашел его потучневшим, уже солидно заснеженным сединой: нелегка ты, российская служба. К его мужеству, дипломатическому таланту и справедливости обратился арап Петра Великого, и в память об императоре, коего любил и почитал, Савва Лукич принял участие в судьбе ссыльного, ибо знал уже о падении Меншикова, читал его партикулярные письма, не имеющие уже никакого веса, никакой законодательной силы. Конечно, прибытие Ибрагима, фортификационного специалиста, было ему на руку: он решил перестроить и укрепить пограничные города, построить новые, еще в 1726 году, уже через год после того, как прибыл сам на восточную границу. Тогда же написал он доношение о необходимости таких мер.

В Сенате выписано

«В 1726 году сентября 15-го дня, по приговору Высокого Сената, велено, по доношениям действительного статского советника графа Владиславича и сибирского губернатора князя Долгорукова, для опасности с китайской стороны пограничные города палисадами укрепить и рвами окопать, и чтоб он, Владиславич, по своему рассуждению, к пользе государственной, для осторожности учинил. Ежели в которых пограничных городах имеется артиллерии довольное число, а в других городах нет и надлежит быть нужно, тоб из тех городов перевесть артиллерию в нужнейшие места.

Да в нынешнем 1728 году марта 27-го дня, по приговору Высокого Сената, послан к нему, графу Владиславичу, указ. дабы он в строении нового Селенгинска, такожде и других пограничных прежних городов и острогов, по силе напредь посланных указов, пока он тамо будет, приложить свое старание, чтоб не токмо для обороны, но и порядочных торгов и пошлинного сбора и пресечения неявленным товарам провозов служили, как о том в особых мнениях его упоминается».

До июля 1728-го года прожил Ганнибал в Селенгинске, проектировал перенос крепости на другое место, и — вероятно — составлял планы крепостец Кяхты и Троицкосавска, построенных по инициативе все того же Саввы Владиславича-Рагузинского после заключения с китайцами Буринского трактата.

Но сколь ни полезен был царскому полномочному послу его опальный гость, нужда, в которой жил Ганнибал, несправедливость над ним учиненная, не давали Владиславичу-Рагузинскому нравственного права удерживать его в Забайкалье. К тому же, с падением Меншикова, партикулярное письмо светлейшего не имело уже силы государственной бумаги. В апреле он испросил разрешения на отправку Ганнибала в Петербург. Ответа долго не было.

15

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ, ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ДОНОШЕНИЕ ИЗ СИБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Сего 1728 года июня 15-го дня в письме из Селенгинска 14 апреля от тайного советника чрезвычайного посланника и полномочного министра иллирийского графа Саввы Владиславича написано: присланный по письму князя Меншикова поручик Преображенского полка Абрам Петров подал челобитную в походную посольскую канцелярию китайской экспедиции, в которой объявляет, что он в строении новой фортеции не имеет практики, а что-де сослан от князя Меншикова по злобе, а не по указу Вашего Императорского Величества, также книгами и инструментами не награжден, жалованья, ни подъемных денег ни откуда ему не определено; и онаго-де, поручика Абрама Петрова, против его челобитья, опустил он, граф Владиславич, до Тобольска, понеже-де он послан по силе партикулярного письма князя Меншикова, а из Государственной иностранных дел коллегии в грамотах и ни откуда в указах Вашего Императорского Величества о нем к нему не упомянуто.

Того ради всеподданейше доносим, ежели вышеупомянутый поручик Петров прибудет в Тобольск, об отпуске его, поручика Петрова, ожидаем Вашего Императорского Величества указа.

Князь Михайла Долгоруков, Иван Болтин,
секретарь Козьма Баженов.
Июня 15-го дня 1728 года.
К поданию в Верховном тайном совете.

16

ПРОТОКОЛ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА

17-го июля 1728 г.

О посылке поручика Петрова на китайскую границу к строению крепости.

1728 года июля в «17» день, по сему доношению Его Императорское Величество указал: посланного поручика Абрама Петрова для строения на китайской границе по чертежу крепости, ежели он в Тобольск прибудет, то послать по прежнему, в то место, где он был, и велеть ему по прежде определенному чертежу крепость строить и об окончании той крепости ему писать и ожидать указа, а без указа никуда не выезжать; а буде он в дороге, то послать из Тобольска на встречу, чтоб его воротили назад по прежнему.

Генерал-адмирал граф Апраксин,
канцлер граф Головкин,
князь Василий Долгорукий,
Василий Степанов.

17

Ни Ганнибал, ни Владиславич-Рагузинский не знали об этом указе. Ибрагим работал над чертежами новых крепостец, составлял план и профиль предполагаемого города. Забежав немного вперед, скажем, что в 1730 году чертежи эти поступили в канцелярию Главной артиллерии и фортификации, были там уменьшены в масштабе, но в дело пущены не были. Их и сейчас нетронутыми можно увидеть на сорок третьем листе книги номер восемьдесят семь в артиллерийском архиве.

После Парижа и Петербурга, после битв, походов, дворцовых интриг и любовных интрижек в Селенгинске Ганнибалу было неуютно и тоскливо. Здесь в те поры числились: дворян — три, детей боярских — четыре, пятидесятников, десятников и казаков — двести пятьдесят четыре. Времени было вдоволь, а работалось плохо. Спасали только беседы с Владиславичем, да и тот не сидел на месте — дел у него было много. А в июле месяце он убыл из Забайкалья сперва — ненадолго — в Иркутск, а далее путь его лежал в Россию, и он твердо обещал ходатайствовать и в Иркутске и в Тобольске за Ганнибала. Переговорив в Иркутске с губернатором, отправился было Савва Владиславич далее водою. Но едва суда его отвалили от иркутского берега, сильный ветер всполошил воду, беляки пробежали по Ангаре, потом вода вздыбилась, ветер раскачивал ее немилосердно, косой дождь, град, с грохотом бьющий по палубам, заставили разбросанные по реке судна, залитые водой, отяжелевшие, искать пристанища у стен, стоящего чуть ниже пристани, Вознесенского монастыря. Так нежданная буря столкнула вновь Савву Рагузинского и епископа Иннокентия. Деваться было некуда, ибо на улицах, как сообщает «Иркутская летопись», «было воды по колено». Дождь этот примирил двух враждующих вельмож — светского и духовного. Возможно здесь и состоялся разговор о возвращении Ганнибала в Петербург, ибо первый иркутский епископ, через собратьев своих духовных, имел влияние не только в Восточной Сибири, но и в столице. Рагузинский разрешил Ганнибалу отъезд, и тот, тоже «водою» отправился в Тобольск, чтобы оттуда последовать в Петербург.

Однако, как мы убедились уже, прочитав приведенное выше постановление Верховного тайного совета, хлопоты были напрасными. В чем же дело? Какую шутку выкинула своевольная богиня Фортуна с нашим героем?

Последуем же в Петербург за Саввою Владиславичем, закончившим дела свои на границе, заложившим новый город Кяхту, и теперь торопящимся в столицу. Мы же вернемся к судьбе кружка княгини Волконской, разгромленного Меншиковым.

События развивались бурно.

Юный правитель Руси, отвращенный Меншиковым и Долгорукими от учебы, занимался псовой охотой, увеселениями, он даже не представлял, что стал звеном дворцовых интриг, что его именем карались одни и возвышались другие. Он искренне полюбил Ивана Долгорукого, и тот, науськиваемый отцом и родней, вел себя все наглее, все больше набирал власти. Прежние приверженцы Меншикова, верные ему и в годы правления Петра Первого и в дни царствования Екатерины, боясь гнева врагов его, переметнулись к Долгоруким и родственникам царицы Евдокии — Лопухиным, и всячески мешали тем, кто пытался хоть слово молвить о Ганнибале, томящемся в Забайкалье, и Маврине, спивающемся в Тобольске.

Отец княгини Аграфены Петровны Волконской — Петр Михайлович Бестужев, который временно покинул двор царевны Анны Иоановны в Митаве и явился в Петербург, не советуя дочери ехать в Митаву к мужу, писал ей:

«Пишете вы ко мне, чтоб ехать к мужу в Митаву, а мне мнится помешкать, понеже государыня царевна изволит быть сюда, и надеюсь, что изволит ехать к Москве; а понеже ваши старые неприятели не токмо вас, но и меня по вас вредят и перескаживают, надобно иметь терпение и уповать на Бога, и я не имею надежды, кроме Бога; вчера пожалованы чинами князь Алексей Григорьевич Долгоруков к государю, а на его место государыне великой княжне в обер-гофмейстры граф Левенвольд, к государю в камергеры Степан Лопухин и князь Алексей Григорьевича сын, такоже Анна Ивановна (Крамер. — М. С.) у государыни великой княжны в милости».

Брат же Алексей в письме из Копенгагена, где он был русским посланником, советовал Аграфене Петровне: раз есть письменное царское повеление указов Меншикова не исполнять, значит нужно, бросив все, направиться в Петербург, то же посоветовать и Абраму и Семену, и в Петербурге пробиться ко двору, отменить меншиковские наветы. В следующем письме, присланном в ноябре 1727 года, когда Ганнибал ехал по заснеженной тайге от Томска до Иркутска, брат писал Волконской:

«Ныне более вам донести не имею, яко что цесарский посол, граф Вратислав, в пользу всех вас и о коегождом особо от двора своего накрепко инструктировал, токмо оная вам помощь медленна будет, ибо он ко двору нашему прежде не может прибыть, яко после пасхи, и того ради извольте вы стараться так о себе, яко о друзьях наших: г. Маврине, г. Петрове, г. Веселовском, через заступу всемилостивейшей государыни нашей цесаревны Анны Иоановны, такожде и о дочери вашей, государыне моей племяннице, дабы при государыне великой княгине цесарском высочестве гоф-фрейлиною определена была... венского же двора помощь во всяких случаях впредь всем пригодится... Уведомьте меня, что в деле вашем... произойдет, якоже и когда Семен Маврин и Абрам Петрович ко двору прибудут и как от Его Императорского Величества приняты и во что определены будут, которым мой сердечный поклон всеслужно прошу».

Однако все тот же Пашков отсоветовал Волконской ехать в Петербург, «где всякий всякого боится; крепкой надежды нигде нет».

Пытался высвободить друзей своих и Черкасов. Он написал «просительные» письма всем власть имущим, надеясь, что Остерман, Апраксины, Долгорукие и Голицыны примут участие в его друзьях, но властители молчали, а письмо на имя императора, с такой надеждой посланное в Петербург, в руки Петру Второму не попало.

Оставалась надежда на царицу Евдокию. Евдокия Федоровна Лопухина, мать царевича Алексея, обвенчанная с Петром Первым в 1689 году, была затем отдалена от двора, сослана в Девичий монастырь, и только теперь, с воцарением внука своего, приобрела и власть, и силу вновь. Одно из дел, свершенных не без ее ума и содействия, была жестокая, но хитроумная фальсификация, имеющая целью окончательно сгубить Меншикова. 24 марта 1728 года императору было подброшено письмо. Неизвестный доброжелатель советовал государю вернуть к власти светлейшего князя, без которого пропадет Россия, простить его, ибо он — честнейший человек, опора государства он и опытный дипломат — и прочее, и прочее, и прочее... Трудно было придумать более точную, более иезуитскую форму взбесить Петра Второго. Участь Меншикова была решена. Вскоре у него отобраны имения и казна, и он, и семья его в том же 1728 году последовали тою же дорогою, что и Ганнибал — сперва на Казань, оттуда на Тобольск, от Тобольска же не по южному тракту, как арап Петра Великого, а по северному — в захолустный глухой город Березов, откуда светлейшему князю и его дочери Марии, проченной в жены к царю, не довелось уже вернуться.

Все же взоры кружка Волконской были обращены в те самые февральско-мартовские дни, когда появилось подметное письмо, к Москве, к Девичьему монастырю, к царице Евдокии Федоровне. Ее, а также едущую в Москву, на коронацию племянника, Анну Иоановну, всех, на кого хоть чуть можно было надеяться, решили использовать Волконская, Пашков и живший в Москве Черкасов для своего освобождения, для возвращения ко двору.

Но все повернулось не так, как хотелось княгине.

18

Только события двух месяцев — марта и апреля 1728 года дают возможность беллетристу создать роман с напряженной интригой, с возвышениями и падениями, с непредвиденными случайностями, с ожесточенной борьбой за власть — кровопролитной и безжалостной, за место на иерархической лестнице. Но нас интересует дворцовая возня только в связи с судьбой Ибрагима Ганнибала, поэтому выберем только то, что имеет к нему самое непосредственное отношение.

Анна Иоановна прибыла из Митавы в сопровождении своего нового фаворита, имя которого скоро станет роком России, — Бирона. Естественно: незримые шпаги бывшего фаворита царевны, отца Аграфены Петровны, и нового любимца, на несчастье для героев нашего повествования, скрестились. По наущению Бирона, Петр Михайлович Бестужев был оставлен в Риге, дабы он не мог навредить в Москве Бирону. Из-за немилости, в которую впал ее отец, княгине Волконской въезд в Москву был запрещен, а доступ к царю плотно прикрывали Долгорукие.

Чтобы повидаться с друзьями, посоветоваться с ними, княгиня решила предло-

жить им тайное свидание. Для встречи было выбрано Тушино, в восьми километрах от Москвы. Встреча довольно красочно описана в статье С. Н. Шубинского «Княгиня А. П. Волконская и ее друзья»:

«20-го марта, как только стемнело, княгиня отправилась из Дедова с двоюродным братом своим, Федором Талызиным, в карете на шести лошадях. Дорога была ужасная: беспрестанно зажоры, рытвины, непроходимая грязь. Вперед послан был доверенный человек княгини нанять избу. Поздно вечером дотащилась измученная от дороги княгиня, но друзей еще не было. Наконец, около полуночи приехал Исаак Веселовский, а за ним Юрий Нелединский. Они едва доехали до Тушина от страшной распутицы. Веселовский попал в зажору, целый час просидел в воде, люди все перемокли. Нелединский, избегая всякой встречи, пустился окольною дорогою и чуть-чуть не проехал мимо Тушина. С какой непритворною радостию встретила княгиня друзей своих! Тоска от уединенной жизни изнурила и ее душевные силы. Веселовский, только что возвратившийся из Гиляни (он был сослан туда при Меншикове.—М. С.), с удивлением слушал рассказ ее, как Анна Крамерова, Левенвольд и жена Степана Лопухина интриговали против нее и наконец успели вооружить Меншикова, как Петр Михайлович Бестужев был вызван в Петербург, чтоб не мешать избранию Меншикова в курляндские герцоги, как сослали Ганнибала, Маврина, Черкасова. Княгиня передала ему давно присланный дружеский привет от брата Алексея Петровича и сообщила, как хлопотал брат ее через венский двор за них за всех. Юрий Степанович Нелединский сообщил княгине грустные вести. Все были вооружены против отца княгини по клеветам Бирона; кого он ни просил, чтоб заступиться, все отказываются; все советуют Петру Михайловичу поскорее приехать самому в Москву, потому что Бирон уже вошел в милость к великой княжне Наталии Алексеевне и цесаревне Елисавете Петровне, пожалован камергером с прибавкою жалованья, любим Андреем Ивановичем Остерманом и князем Алексеем Григорьевичем Долгоруковым. О княгине никто не вспоминает, не хлопочет о ее свободе. Удалению Ганнибала и Маврина все рады и никогда не возвратят их».

Ах, Фортуна, Фортуна! Что ты делаешь с людьми!

Всю ночь беседовали друзья, не зная, что за их плечами уже стоит новая беда.

У княгини Волконской была горничная Домна. Как-то во время обыска в Петербурге она догадалась припрятать от бдительных глаз письмо, которое могло погубить княгиню. С тех пор Домна стала поверенной своей хозяйки в конспиративных делах: та передавала девушке на сохранение письма — всю свою секретную переписку. Однако же самой Домне это доверие ничего хорошего не принесло: несколько раз упрашивала она княгиню дать ей вольную, но та, боясь, что будучи вольной Домна начнет болтать, не отпускала девушку. Даже более того — она отдала Домну замуж за своего верного человека — за кучера, многие годы ей верно служившего.

Брат Домны, ненавидящий княгиню за то, что она загубила судьбу сестры, а более того ненавидящий кучера, решил отомстить княгине. Пятого апреля 1728 года, через две недели после тайной встречи в Тушино, дворовые люди Волконской Иван Зайцев и Михайло Добрянский явились к барону Андрею Ивановичу Остерману, жившему в императорском дворце, и доложили, что княгиня Волконская, проживающая в имении своего двоюродного брата подпоручика морского флота Федора Талызина и сосланная за непотребные дела из Петербурга, ведет себя подозрительно. Было рас-

сказано о встрече в Тушино, с письмом Пашкова, Ганнибала, Маврина, которые хранятся у жены кучера Матвея Домны, о том, что замужняя княгиня «блудно живет» с Талызиным, что к ней от отца из Митавы приезжал человек с письмами, а теперь живет тот человек в Москве, в доме сенатора Юрия Нелединского, и что они-де рекомендуют послать в деревню людей, дабы отобрать письма, пока она их не сожгла...

Дело оказалось серьезнее, чем думали до того и Остерман и Долгорукий. Дело в том, что сложные переплетения дворцовых интриг при возведении на престол Екатерины, при той роковой шутке, которая была сыграна с Меншиковым, будучи распутанными, могли сильно повредить им самим, ибо и Остерман, который делал вид, что отошел в сторону от дворцовых переворотов, и Долгорукий, который явственно рвался к власти, опасались, что вскроются их тайные козни. Поэтому появление при дворе Волконской, знающей многое и со многими тайно связанной, было не только нежелательным, но и опасным.

Согласовав для страховки действия свои с членами Верховного тайного совета, Остерман, осторожный канцлер, с их благословения, послал в имение Талызина сержанта Преображенского полка Леонтия Воронина, и тот привез запечатанный мешок с бумагами.

Мешок вскрыли. В нем оказались письма княгине от отца ее Петра Бестужева, от матери, братьев, Пашкова, Маврина, Ганнибала и других.

19

ВСЕСВЕТЛЕЙШИЙ, ДЕРЖАВНЕЙШИЙ, ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, ГОСУДАРЬ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ.

Служу я Вашему Императорскому Величеству в Преображенском полку в бомбардирской роте и 1727 года был послан по партикулярному письму бывшего генералиссимуса Александра Меншикова в Казань, для снятия плана и того же года получил я от онаго же Меншикова партикулярное же письмо, в котором повелел мне ехать, рабу Вашего Императорского Величества, на китайскую границу в Селенгинск, для строения крепости на приисканом месте графом Саввою Владиславичем, а когда указом Вашего Императорского Величества запрещено было, дабы ни исполнять ни сего по письмам показанного Меншикова и того ради я подал доношение посланнику чрезвычайному и министру полномочному Савве Владиславичу, в котором я объявил, что бывший генералиссимус меня послал для своего партикулярного интереса и по злобе, и по наущению его креатур, а не для дела Вашего Императорского Величества, понеже не дав мне инструкции и указа где мне получать Вашего Императорского Величества жалованья, такоже де и инструментов, и бумаги, и краски, которые тому делу принадлежат и в вышеписанной моей челобитной объявлял я показанному графу Владиславичу, что я оному делу и строению городов не искусен и в практике не бывал, понеже оное великое дело требует весьма человека искуснаго и практичного, по которому моему челобитью отпущен был я до Тобольска и в 1728 году августа 17 дня, был получен указ в Тобольскую губернскую канцелярию из Верховного тайного совета к тайному действительному советнику и губернатору сибирскому князю Ми-

хаилу Володимеровичу Долгорукову, дабы меня вторично возвратить на границу к строению Селенгинской крепости и которому уже приисканному месту, от него, графа Владиславича, сочинен план и послан в Верховный тайный совет, понеже на оном месте строению никакому быть невозможно. (Между прочим, жизнь доказала, что Ганнибал был прав — место для крепости было выбрано худое. — М. С.). А по указу Вашего Императорского Величества, послан нарочный для онаго дела из Государственной Военной Коллегии инженернаго корпуса прапорщик с кондукторами и ему же даны указы и инструкции, также инструменты и бумага, и краски, и прочее, что к тому принадлежит, а я раб Вашего Императорского Величества живу без всякого дела, чему уже идет третий год, и без всякого определения и умираю голодною смертию без Вашего Императорского жалованья. Окладу мне на месяц идет по двадцати по пяти рублей, да рация дается на одиннадцать лошадей и онаго Вашего Императорского Величества жалованья мне и на денщиков не дано, с прошлого 727 года майской и сентябрьской трети, а рации я не получал с 726 года. А ежели оное строение по указу Вашего Императорского Величества повелено будет мне делать, чтоб повелено было кондукторам быть с оным, а ежели же оное строение указом Вашего Императорского Величества отрешено будет, дабы повелено мне было ехать в полк, или до Тобольска, впредь до указа Вашего Императорского Величества.

И Всемилостивейший Государь, прошу Вашего Императорского Величества, да повелит Державство Ваше, для той моей дальней посылки, с вышеписанных чисел Вашего Императорского Величества жалованья получать прошлаго 1727 на майскую и сентябрьскую трети, також и на прошлый 728 и на сей 729 годы и впредь по моему трактаменту, да и рации с 726 года выдать и пока я здесь буду Вашего Императорского Величества денежного жалованья, по моему окладу и рации в Тобольске, или в Иркуцке мне давать, чтоб мне не умереть голодною смертию и чтоб указом Вашего Императорского Величества повелено мне было ехать в полк или до Тобольска, впредь до указа, понеже для онаго дела прислан из Государственной Военной Коллегии нарочный офицер и с кондукторами.

Вашего Императорского Величества
нижайший раб лейб-гвардии Преображенского
полка от бомбардир-поручик
Абрам Петров руку приложил.
Его Императорского Величества в Верховный тайный совет.

20

ПРОТОКОЛ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА

1729 года декабря 22 дня, Его Императорское Величество указал послать в Сибирскую губернию, к действительному тайному советнику и губернатору князю Михаилу Владимировичу Долгорукову Указ, чтоб он велел, выбрав в Тобольске кого из офицеров, доброго и скусного человека, отправил тайным образом на Китайскую границу, где ныне обретается (посланный туда для строения крепостей) поручик Абрам Петров и приказал тому посланному офицеру, вначале упомянутого поручика Абрама Петро-

ва, пришед к нему в квартиру внезапно, отобрать все обретающиеся при нем письма, которые хотя бы в каких малых и черных лоскутках были, и собрав оныя в одно место, запечатать и к себе взять. А ежели у него, Абрама Петрова, есть какие книги, чертежи и инструменты инженерные, то, осмотря нет-ли между ними каких писем, оставить оныя при нем и потом его, Абрама Петрова, велел отправить оттуда, где его тот посланный офицер найдет, с пристойным конвоем в Томск. Но в пути везти его с крепкою осторожностью, чтоб каким способом куда не ушел и в Томске велеть онаго содержать впредь до указа Его Императорского Величества, за караулом, с крепким же смотрением, дабы не мог оттуда уйти. А жалованья ему Абраму Петрову, давать в Томске из доходов Сибирской губернии по десяти рублей в месяц. Вышеупомянутые же письма, которые возьмутся у него, Абрама Петрова, посланному туда офицеру привезть в Тобольск и оттуда оныя, не осматривая, прислать, запечатав в Москву, в Верховный тайный совет.

Оригинальный протокол от присутствующих в Верховном тайном совете особ подписан:

Канцлер граф Головкин,
князь Василий Долгорукий,
князь Дмитрий Голицын.

По сему протоколу указ из Верховного тайного совета к действительному тайному советнику и Сибирской губернии губернатору князю Михаилу Владимировичу Долгорукову послан того же декабря 23 числа 1729 года.

Обер-секретарь Иван Юрьев.

21

РЕШЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА, УТВЕРЖДЕННОЕ ПЕТРОМ II.

1728 года, июня в 5-й день, Его Императорское Величество по делу княгини Аграфены князь Никитиной жены Волконского и прочих по тому делу приличных указал: 1) понеже люди его Волконского, Зайцов и Добрянской, пришед в слободской дом его императорского величества, доносили, что помещице их Волконской за предерзости велено жить в деревне, не въезжая в Москву, а она живет в подмосковной деревне двоюродного брата, морского подпоручика, Федора Талызина, и из той деревни ездила тайно под Москву в Тушино для свидания с Юрьем Нелединским и другими некоторыми людьми, между которыми виделась и с секретарем Исааком Веселовским; она ж де имеет корреспонденцию со многими персонами в Москву и в другие места тайно, а пред недавним временем привез тайно ж из Митавы от отца ея, Петра Бестужева, человек ея Соловьев письма, зашитыя в подушке, и чтоб те письма у ней, Волконской, немедленно забрать, дабы не ухоронила. И по тому доношению посылан от двора Его Императорского Величества лейб-гвардии Преображенского полка

солдат Леонтий Воронин с солдаты, которой у ней, Волконской, письма забрал, в том числе у сестры ея двоюродной, Прасковьи Борковой, спрятанные в бострoге, да у кучеровой жены, и прислал при доношении своем в верховный тайный совет, и по осмотру явились писанные к ней от отца ея, Петра Бестужева, от матери ея Авдотьи, от братьев Алексея и Михаила Бестужевых, от Егора Пашкова, от Семена Маврина, от Абрама Петрова, от Юрия Нелединского, от Исаака Веселовского, от Тимофея Кутузова, от Ивана Черкасова и от прочих. И по причине тех писем забраны же письма у Ивана Черкасова, у Исаака Веселовского, и по тем письмам явилось, что они все делали партии и искали при дворе его императорского величества для собственной своей пользы делать интриги, и теми интригами причинять при дворе беспокойство, и дабы то свое намерение сильнее в действо произвести могли, искали из них себе помочи чрез Венской двор и обретающегося здесь министра Рабутина, а именно княгиня Волконская с братом Алексеем и с Абрамом Арапом, и для того имели переписки и пересылки и тако хотели вмешать постороннего государя в домовые Его Императорского Величества дела. И в такой их Волконской и брата ея Алексея откровенности может быть, что они сообщали тем чужестранным министрам и о внутренних здешнего государства делах. (Как видите, Волконскую, ее брата и Ганнибала обвиняют в шпионаже! — М. С.). Сверх же того, проповедывали о делах и словах Верховного тайного совета. Того ради, ее, княгиню Волконскую, за вышеписанные продерзости и вины, к тому же вышеписанные доносители подали письмо, писанное цифирью, о котором она в допросе сказала, что писано от брата ея к Абраму Петрову, а ключа будто не имеет, сослать до указу в дальний девичий монастырь, а именно в Веденской, что на Тихвине, и содержать ее тамо неисходну под присмотрением игуменьи. 2) Юрию Нелединскому, который ведая, что она, Волконская, за подозрением от двора отлучена, ездил к ней тайно, чего было ему, как сенатору, чинить не надлежало, в сенате у дел впредь до указу не быть. 3) Егору Пашкову за предерзостные к ней, Волконской, и к Ивану Черкасову письма в военной коллегии у дел не быть же. 4) Исаака Веселовского, который за подозрением, что его два брата в измене, послан был в Гилянь, а оттуда за болезнью отпущен и приехав не явясь жил в Москве тайно, и к ней, Волконской, ездил тайным же образом для свидания; сверх же того Алексей Бестужев писал к ней, Волконской, чтоб письма его обще с ним, Веселовским, распечатали и прочли, и что он ей содержание немецких писем растолкует, а наипаче чтоб упросили его по-русски перевесть и те переводы вкупе с немецкими письмами до возвращения Маврина и Петрова держала, и тех немецких писем переводов не явилось, а она, Волконская, и Веселовский в допросах сказали, что таких писем будто не получали, и потому в тех письмах не без сомнения, того ради послать его, Веселовского, по-прежнему в Гилянь. 5) Тимофея Кутузова за продерзости его в письмах и вину, что он к ней Волконской, ведая, что она от двора Его Императорского Величества и от Москвы отлучена, писал, чтоб она приехала, к Москве на двор к нему тайным образом, посадить на месяц в тюрьму и потом, свободя послать в полковую службу и определить с умалением его ранга одною степенью. 6) Понеже шталмейстера Кречетникова явилось письмо Черкасову (к сожалению, это видимо, очень острое письмо утеряно. — М. С.), в котором писал о при-

дворных поступках, а особливо о высокой персоне Его Императорского Величества, к тому же он и сам в том вину свою приносит, а за то надлежало его получить от двора и учинить наказание, но Его Императорское Величество, милосердствуя, указал от того наказанья учинить его свободна, а отлуча от двора послать служить в армейские полки с умалением чина, а именно написав в прапорщики. 7) Ивана Черкасова за непристойную с ним, Кречетниковым, корреспонденцию, и что он письмо то у себя утаил, а не объявил послать в Астрахань к провиантским делам. 8) Татьяну Бестужеву свободить, сказав ей, хотя, она за бездельные свои письма надлежала наказанью, но Его Императорское Величество, милосердствуя, указал от того учинить ея свободну. 9) Прасковию Боркову, у которой княгини Волконской письма хотя и вынуты, но по делу она ни к чему не приличалась, и для того из-под караула ее свободить. 10) Федор Талызин, по причине взятых у Волконской писем, хотя и держится под арестом, но по тому делу он не приличался, того ради его свободить и быть в службе адмиралтейской по-прежнему.

22

Долгорукие ликовали. Завезя юного Петра в лес, на охоту, они бросили четырнадцатилетнего царя наедине с семнадцатилетней княжной Екатериной, дав ей соответствующие наставления. Петр был джентльменом, и 30 ноября 1729 года было объявлено обручение Петра Второго и Екатерины Долгорукой. Свадьба была назначена на 19 января 1730 года, но в день свадьбы малолетний царь умер от оспы.

Долгорукие написали подложное завещание царя, пытались выдать его за истинное и, как Меншиков Екатерину Первую, возвести на престол не коронованную царицу, еще одну Екатерину, сестру Ивана. Но из этого ничего не вышло. Через десять дней, 29 января выехала из Митавы племянница Петра Первого, дочь его брата Ивана — Анна. 15 февраля она въехала в Москву, 25 февраля, обманув надежды высших сановников, пытавшихся в свою пользу ограничить царскую власть, Анна Иоановна порвала кондиции, привезенные ей в Митаву одним из Долгоруких и подписанные ею под нажимом. Так было восстановлено самодержавие.

Для Ганнибала этот день отмечен был неожиданным поворотом судьбы.

О БЫТИИ БОМБАРДИР-ПОРУЧИКУ АБРАМУ ПЕТРОВУ МАЙОРОМ В ТОБОЛЬСКОМ ГАРНИЗОНЕ

Протокол Верховного тайного совета.

25 февраля 1730 г.

1730 года февраля «25» дня, Ея Императорское Величество указала: бомбардир-поручику Абраму Петрову быть в Тобольском гарнизоне майором, и для того, буде он по посланному 23 дня прошлого 1729 года указу, послан в Томск за караулом, оттуда его возвратить из-под караула свободить и о том в ту губернию и для ведома в Военную Коллегию послать указы, и буде которые письма у него отобраны, те ему возвратить.

Князь Михайло Голицин, князь Василий Долгорукий, князь Дмитрий Голицин, князь Алексей Долгорукий, Василий Степанов.

Подписывая этот указ, Долгорукие еще не знали, что дни их сочтены. Вскоре последуют они за опальным Меншиковым вослед в Сибирь, в другие места отдаленные, но ссылка и конфискация всех богатств будут только началом гонения на них. Они вдосталь испытают все, что готовили для других. Вот уж поистине, стремясь к власти — не спутай пьедестал с лобным местом. Едва только начнут они оправляться от беды, как их враги, боясь мести, которой несомненно подверглись бы многие, подними Долгорукие голову, снова и снова повергнут их в опалу еще более жестокую. Князя Ивана, любимца только что отошедшего царя, четвертуют принародно в Новгороде, его мужественная, стоически преданная ему жена, умрет в монастыре, пострадают и все остальные.

Казалось бы, теперь все должно улучшиться в судьбе Ганнибала. Ан нет! Не всякое благо идет в пользу. Судьба бросает нашего арапа и его друзей из немилости в немилость. Теперь против них Бирон — фаворит, без которого и шагу не ступит новая императрица. Когда-то, благодаря заступничеству Бестужева, отца княгини Волконской, Бирон вошел в милость к Анне Иоановне. Теперь он за это ненавидит Бестужева, боится реставрации его влияния на императрицу и делает все, чтобы упечь и его самого и семью его подальше.

Но был человек, благодаря которому судьба Ибрагима Ганнибала все же отличилась от судьбы остальных членов кружка княгини Волконской. Он уже выходит на страницы нашего повествования, и это означает, что злосчастному пребыванию в Сибири арапа Петра Великого длиться уже недолго. И повествование о нем завершается.

23

Уходит ночь. Синева, смешиваясь со светом, становится все мягче и прозрачнее, загустели облака, ушла за крыши соседних домов луна.

Карточки из плотной бумаги — на них довольно длительное время накапливались фрагменты биографий, выписки из документов, воспоминаний, писем — по мере течения нашего повествования покидали место свое в стопке и вплетались в сюжет. И вот стопки уже нет. Остался один, всего один четырехугольник, даже не белый, а желтовато-голубой — от света лампы, висящей над столом, и от рассвета, просветлившего окно. В самом верху карточки — крупно — имя:

Бурхардт Кристофор (Христофор Антонович) Миних.

И далее мелким шрифтом, выписка из двадцать восьмого тома Большой советской энциклопедии:

«Генерал-фельдмаршал русской армии, немец по национальности. В 1721 году перешел на русскую службу, при Петре I руководил строительством Ладожского и других каналов. При Анне Ивановне стал президентом Военной Коллегии и в своей деятельности следовал устаревшим немецким образцам, отказываясь от принципов военного искусства и обучения войск, проводившихся Петром I».

И несколькими строками ниже:

«Не обладая полководческим талантом, Миних занимался преимущественно интригами, активно участвуя в дворцовых переворотах».

Пребывая в фаворе, как строитель Ладожского канала, какое-то время пережидая

чуть в стороне бури, кипевшие во дворце и описанные выше, он между тем копил деньги, связи, факты, неторопливо, но методично двигаясь вверх, зарабатывая чины и ордена.

Вскоре после коронации, в том же 1730 году, Анна Иоановна учредила особую военную комиссию, назначив Миниха ее председателем. Комиссии было поручено: «все происшедшие в армии непорядки и помешательства исправить и такие основательные учреждения учинить, чтобы армия всегда содержалась в добром состоянии и сколько возможно без лишней народной тягости и напрасных убытков...» До тех пор инженерная часть входила в состав общего управления артиллерией, но затем, по представлению Миниха, она приобрела самостоятельнось, которой так жаждал Миних, был создан ее штат — инженерной части разрешалось иметь 828 человек разных чинов и ежегодно на содержание такого штата выделялось из казны 55 тысяч 189 рублей.

Именно этого добивался Миних. Теперь он имел свой департамент, свою пружину, которую следовало хорошенько завести, чтобы дело крутилось само собой, и тогда можно было окончательно развязать себе руки для дворцовых интриг, коих в короткое, но жуткое царствование Анны Иоановны будет еще вполне достаточно. Ему нужны были люди знающие, образованные, сверх того — благодарные ему за благое для них сделанное дело, но, однако же, не такие, чтобы могли соперничать с ним и волей переменчивой фортуны оказаться на его месте...

Я вижу, как осторожною рукой отводит Миних новый, приведенный в повествовании, приговор от Ганнибала: ведь он поминается в числе главных заговорщиков, связанных с венским двором, его имя фигурирует на любой странице следствия и суда над членами кружка Волконской, а приговора ему нет. И вот уже в царствование Анны Иоановны, где-то между другими делами и заботами нет-нет да и вспомнится имя петрова крестника. Вот уж подается императрице список людей, нужных инженерному управлению. И среди других, нам незнакомых, ясно читается имя: Абрам Петров.

И желтеют на деревьях первые листья. И наступает ранняя сибирская осень. И приходит день 25 сентября, день, когда майор Тобольского гарнизона был переименован в «инженер-капитаны» и направлен на службу в Лифляндию.

Пусть он едет по осенним сибирским дорогам, и яркая наша осень согревает его последним предзимним теплом. У него еще будут радости и беды — первых поменьше, вторых — побольше, его будут посещать удачи и печали, но он будет жить долго, дважды женится, будет иметь детей, и после появления каждого из них жена будет ворчать: «Шорный шорт, лепит шорных репят и дает им сатанински имена!». И все это потому, что в самом последнем году века, восемнадцатого века, полного для него неповторимых событий, должен родиться его правнук. И это будет — Пушкин.

24

Обратный путь всегда короче.

По устланной дороге, кажущейся освещенной солнцем даже в пасмурный, морошный день, едет кибитка.

И черная рука с причудливым перстнем задвигает полог.

Иркутск — Москва.
1969—1970 г.

На вопрос: «Есть ли положительный герой в гоголевском «Ревизоре» обычно отвечают утвердительно. Есть. Это — смех. Это — позиция автора, его отношение к персонажам, ко всему, что происходит на сцене. И это верно. Изображая действительность, писатель может выбрать для достижения цели разные пути — утверждать достоинства или разоблачать недостатки, поддерживать новое или смеяться над отживающим, помогая этим всему, что мешает нам, уйти из жизни как можно скорее. Первый путь прекрасен. Но он более легок. Героические подвиги, полные опасностей, приключения, возвышенные разговоры, мечты. Второй путь труднее: здесь ты, подчас, рискуешь оказаться непонятым, ибо твоя позиция не высказывается прямыми фразами, а спрятана за твоим отношением к изображаемому. Очень хорошо сказал об этом лауреат Ленинской премии Эдуардас Межелайтис в новой книге «Ночные бабочки», изданной в 1969 году «Советским писателем»: «...Мы любим потолковать о воспитательном значении литературы, чаще всего подразумевая под этим идейное воспитание. Если обсуждаемое произведение тоньше, если из каждой его строки не торчит «высокая идея», мы спешим зачислить его в разряд... безыдейных. Это, разумеется, издержки роста. Но от этого ничуть не легче людям, которые облекают мысль в более деликатную художественную оболочку».

К чему эта цитата? А к тому, что вы сейчас прочтете увлекательную, но не простую пьесу одаренного драматурга Александра Вампилова. В ней тоже положительным героем является смех или наше негодование, которое есть результат негодования автора, рассматривающего, исследующего внутренний мир человека, пусть не типичного, но существующего еще, к сожалению, в нашей жизни. Чтобы рассмотреть микроб, способный заразить здоровых людей, врач пользуется микроскопом. Драматург не пользуется микроскопом, он увеличивает, гипертрофирует, если хотите, черты характера главного персонажа пьесы, позволяет нам взглянуть на него как бы изнутри. И если осуждая этого человека, сидя в темном зале театра, или с книгой, с номером альманаха в вечерней тишине, кто-либо задумается над своей судьбой, над судьбой своего знакомого, в котором, пусть в малой степени, проявляются отрицательные качества, значит цель автора будет достигнута: вот он, микроб, могущий вызвать заболевание. Будьте бдительны!

МАРК СЕРГЕЕВ.

Александр ВАМПИЛОВ

УТИНАЯ ОХОТА

(Пьеса в трех действиях)

Действующие лица

Зилов — Ирина
Кузаков — Вера
Саяпин — Валерия
Кушак — Официант
Галина — Мальчик

Действие первое

Картина 1

Городская квартира в новом типовом доме. Входная дверь, дверь на кухню, дверь в другую комнату. Одно окно. Мебель обыкновенная. На подоконнике большой плюшевый кот с бантом на шее. Беспорядок.

На переднем плане тахта, на которой спит Зилов. У изголовья столик с телефоном.

В окно видны последний этаж и крыша типового дома, стоящего напротив. Над крышей узкая полоска серого неба. День дождливый.

Раздается телефонный звонок. Зилов просыпается не сразу и не без труда. Проснувшись, он пропускает два-три звонка, потом высвобождает руку из-под одеяла и нехотя берет трубку.

Зилов. Да?..

Маленькая пауза. На его лице появляется гримаса недоумения. Можно понять, что на том конце провода кто-то бросил трубку.

Странно...

Бросает трубку, поворачивается на другой бок, но тут же ложится на спину, а через мгновение сбрасывает с себя одеяло. С некоторым удивлением обнаруживает, что он спал в носках. Садится на постели, прикладывает ладонь ко лбу. Весьма бережно трогает свою челюсть. При этом болезненно морщится. Некоторое время сидит, глядя в одну точку,— вспоминает. Оборачивается, быстро идет к окну, открывает его. С досадой махнул рукой. Можно понять, что он чрезвычайно недоволен тем, что идет дождь.

Зилову около тридцати лет, он довольно высок, крепкого сложения; в его походке, жестах, манере говорить много свободы, происходящей от уверенности в своей физической полноценности. В то же время и в походке, и в жестах, и в разговоре у него сквозят некие небрежность и скука, происхождение которых невозможно определить с первого взгляда.

Идет на кухню, возвращается с бутылкой и стаканом. Стоя у окна, пьет пиво. С бутылкой в руках начинает физзарядку, делает несколько движений, но тут же прекращает это неподходящее его состоянию занятие.

Звонит телефон. Он подходит к телефону, снимает трубку.

Ну?.. Вы будете разговаривать?..

Тот же фокус: кто-то положил трубку.

Шуточки...

Бросает трубку, допивает пиво. Поднимает трубку, набирает номер, слушает.

Идиоты...

Нажимает на рычаг, снова набирает номер. Говорит монотонно, подражая голосу из бюро погоды.

В течение суток ожидается переменная облачность, ветер слабый до умеренного, температура плюс шестнадцать градусов. *(Своим голосом.)* Ты понял? Это называется переменная облачность — льет, как из ведра... Привет, Дима... Поздравляю, старик, ты оказался прав... Да вот насчет дождя, черт бы его подрал! Целый год ждали и дождались!.. *(с недоумением.)* Кто разговаривает?... Зилов... Ну конечно. Ты что, меня не узнал?.. Умер?.. Кто умер?.. Я?!.. Да вроде бы нет... Живой вроде бы... Да?.. *(Смеется.)* Нет, нет, живой. Этого еще только не хватало — чтоб я умер перед самой охотой!.. Что?! Не поеду — я?! С чего ты это взял?.. Что я, с ума сошел? Подожди, может, это ты со мной не хочешь? Тогда в чем дело?.. Ну вот еще, нашел чем шутить... Голова-то да *(держится за голову)*, естественно... Но, слава богу, пока цела... Вчера-то? *(Со вздохом.)* Да вот вспоминаю... Нет, всего я не помню, но... *(Вздох.)* Скандал — да, скандал помню... Зачем устроил? Да вот и сам думаю — зачем? Думаю, не могу понять, — черт знает зачем!... *(Слушает с досадой.)* Не говори... Помню... Помню... Нет, конца не помню. А что, Дима, что-нибудь случилось?.. Честное слово, не помню... Милиции не было?.. Свои?.. Ну, слава богу... Обиделись?.. Да? Что они, шуток не понимают?.. Ну и черт с ними. Переживут, верно?.. И я так думаю... Ну, ладно. Как же мы теперь? Когда выезжаем?... Ждать?.. А когда он начался?.. Еще вчера? Что ты говоришь!.. Не помню — нет!.. *(Ощупывает челюсть.)* Да! Слушай, а драки вчера не было?.. Нет?.. Странно... Да, кто-то врезал. Разок... Да, по морде... Думаю, что кулаком... Интересно кто, ты не видел? Ну, не важно... Да нет, ничего страшного. Удар вполне культурный...

Стучат в дверь.

Дима! А что, если он зарядил на неделю?... Да нет, я волнуюсь... Ну, ясно... Сижу дома. В полной готовности. Жду звонка... Жду... *(Положил трубку.)*

Стук в дверь.

Войдите.

В дверях появляется венок. Это большой, дешевый, с крупными бумажными цве-

тами и длинной черной лентой сосновый венок. Вслед за ним появляется несущий его мальчик лет двенадцати. Он всерьез озабочен исполнением возложенной на него миссии.

Зилов *(весело)*. Привет!

Мальчик. Здравствуйте. Скажите, вы Зилов?

Зилов. Ну, я.

Мальчик *(поставил венок у стола)*. Вам.

Зилов. Мне?.. Зачем?

Мальчик молчит.

Слушай, парень. Ты что-то путаешь...

Мальчик. Вы — Зилов?

Зилов. Ну и что?..

Мальчик. Значит, вам.

Зилов *(не сразу)*. Кто тебя послал? А ну, сядь сюда.

Мальчик. Мне надо идти.

Зилов. Садись.

Мальчик садится. Зилов разглядывает венок, поднимает его, расправляет черную ленту, надпись на ней читает вслух.

«Незабвенному безвременно сгоревшему на работе Зилову Виктору Александровичу от безутешных друзей».

Молчит. Потом смеется, но недолго и без особого веселья.

Ты понял в чем дело?.. Зилов Виктор Александрович — это я и есть... И видишь, жив-здоров... Как тебе это нравится?

Мальчик молчит.

Где они? Внизу?

Мальчик. Нет, они ушли.

Зилов *(не сразу)*. Пошутили и ушли...

Мальчик. Я пойду.

Зилов. Проваливай... Нет, подожди. Скажи... Тебе такие штуки нравятся?.. Остроумно это или нет?

Мальчик молчит.

Нет, ты скажи, послать товарищу такую штуку на похмелье да еще в такую погоду, разве это не свинство?.... Друзья так поступают, как ты думаешь?

Мальчик. Я не знаю. Меня попросили, я принес...

Маленькая пауза.

Зилов. Ты тоже хорош. Живым людям венки разносишь, а ведь наверняка пионер. Я бы в твоем возрасте за такое дело не взялся бы.

Мальчик. Я не знал, что вы живой.

Зилов. А если бы знал, не понес бы?

Мальчик. Нет.

Зилов. Спасибо и на этом.

Маленькая пауза.

Мальчик. Я пойду.

Зилов. Подожди, а что они тебе сказали?

Мальчик. Сказали, пятый этаж, двадцатая квартира... Сказали, постучать, спросить Зилова и отдать. Вот и все.

Зилов. Видишь, как просто. А сколько смеху... *(Вешает венок себе на шею.)* Разве не смешно? *(Подходит к зеркалу, картинно причесывается.)* Смешно или нет?.. Почему ты не смеешься... Наверно, у тебя нет чувства юмора. *(Оборачивается к мальчику, пожимает себе, как спортсмену-победителю, правую руку.)* Витя Зилов! Первое место... А за что?... *(опускает руку.)* Не смешно?.. Что-то не очень, верно? *Бросает венок, садится на постель так, что его лицо обращено к окну.)* А может, и в самом деле мы с тобой перестали понимать шутки?

Пауза.

Тебе надо идти?

Мальчик. Да... Надо уроки готовить...

Зилов. Да... Уроки дело серьезное... А как тебя зовут?

Мальчик *(не сразу)*. Витя.

Зилов. Да? Оказывается ты тоже Витя... А тебе не кажется это странным?

Мальчик. Я не знаю.

Маленькая пауза.

Зилов. Ну, ладно, Витька, иди, занимайся. Заходи как-нибудь... Зайдешь?

Мальчик. Хорошо.

Зилов. Ну, иди.

Мальчик уходит. Маленькая пауза.

Так... Значит, пошутили и разошлись...

Зилов сидит на своей тахте. Взгляд его устремлен на середину комнаты. Звучит траурная музыка, звуки ее постепенно нарастают. Свет медленно гаснет и так же медленно зажигаются два прожектора. Одним из них, светящим вполсилы, из темноты выхвачен сидящий на постели Зилов. Другой прожектор, яркий, высвечивает круг посреди сцены. При этом обстановка квартиры Зилова находится в темноте.

На площадке, освещенной ярким прожектором, сейчас возникнут лица и разговоры, вызванные воображением Зилова. К моменту их появления траурная музыка странным образом преображается в бодрую легкомысленную. Это та же мелодия, но исполняемая в другом размере и ритме. Негромко она звучит в продолжении всей сцены. Поведение лиц, их разговоры в этой сцене должны выглядеть пародийно, шутовски, но не без мрачной иронии.

Появляются Саяпин и Кузаков.

Саяпин. Да нет, что ты. Не может этого быть.

Кузаков. Факт.

Саяпин. Да нет, он пошутил, как обычно. Ты что, это не знаешь?

Кузаков. Увы, на этот раз все серьезно. Серьезнее некуда.

Саяпин. Спорим , что он распустил этот слух, а сам сидит в «Незабудке».

Кузаков и Саяпин исчезают. Появляются Вера, Валерия, потом Кушак.

Валерия. Вы только подумайте, вчера он собирался на охоту, шутил... Еще вчера! А сегодня?!

Вера. Такого я от него не ожидала. Он был алик из аликов.

Кушак. Какое несчастье! Я бы никогда не поверил, но, знаете ли, последнее время он вел себя... Я далеко не ханжа, но должен вам сказать, что он вел себя весьма.. м-м... неосмотрительно. К добру такое поведение не приводит.

Вера, Валерия и Кушак исчезают. Появляются Галина, за ней Ирина.

Галина. Я не верю, не верю... Зачем он так сделал?

Ирина. Зачем?

Галина *(Ирине)*. Скажи, он тебя любил?

Ирина. Я не знаю.

Галина. Мы прожили с ним шесть лет, но я его так и не поняла. *(Ирине)*. Мы будем с тобой дружить. Будем?

Ирина. Да...

Обнимаются и обе плачут.

Галина. Я уезжаю... навсегда... Напишешь мне письмо?

Ирина *(сквозь слезы.)* Хорошо...

Галина исчезает. Появляются Кушак и официант.

Кушак *(Ирине)*. Очень, очень приятно...

Официант. Девушка, в таком состоянии одной вам быть нельзя.

Кушак. Да, но... Нет, конечно... И все-таки...

Официант. В шесть часов мы ждем вас в «Незабудке», договорились?

Ирина *(сквозь слезы)*. Хорошо...

Ирина, Кушак и официант исчезают. Появляется Кузаков.

Кузаков. Кто знает... Если разобраться, жизнь, в сущности, проиграна...

Кузаков исчезает. Появляется официант с подносом.

Официант. Итак, товарищи, скинемся. *(Ухмыляется.)*. Нет, вы меня не так поняли. Скинемся на венок.

Бросая монеты на поднос, последовательно проходят Галина, Кузаков, Саяпин, Валерия, Вера, Кушак и Ирина. Бодрая музыка внезапно превращается в траурную. Прожекторы гаснут, музыка обрывается, в темноте слышен звон монет. Затем освещается вся сцена. Зилов сидит на тахте. Взгляд его по-прежнему устремлен на середину комнаты. Поднимается. Идет на кухню, оттуда возвращается с бутылкой. Некоторое время стоит перед окном, насвистывает мелодию пригрезившейся ему траурной музыки.

С бутылкой и стаканом устраивается на подоконнике. Вертит в руках плюшевого кота, разглядывает его долго и внимательно, будто видит его впервые. Поднимается, подходит к телефону, набирает номер.

Зилов. Магазин?.. Веру пригласите к телефону... Кто вызывает? Скажите, Зилов... Да, Зилов... *(Ждет.)* Занята?.. Понятно.

Бросает трубку, возвращается к подоконнику, пьет пиво. Задумчив. Свет на сцене гаснет, передвигается круг и сцена освещается. Перед нами новая декорация.

Начинается его первое воспоминание. Уголок кафе «Незабудка». На виду одно небольшое окно. Два-три столика. Видна дверь на улицу. Зилов и Саяпин усаживаются за один из столиков. Саяпин одного возраста с Зиловым, но уже лысеет и полноват. Вид у него весьма простодушный. Он любит посмеяться. Часто смеется некстати, иногда даже себе во вред не может удержаться от смеха.

Саяпин *(громко)*. Дима! Привет!.. Обрати внимание.

Появляется официант. Это ровесник Зилова и Саяпина, высокий спортивного вида парень. Он всегда в ровном деловом настроении, бодр, уверен в себе и держится с преувеличенным достоинством, что, когда он занят своей работой, выглядит несколько смешным.

Официант *(подходит)*. Привет, ребята.

Саяпин. Привет, Дима.

Зилов. Как ты, старина?

Официант. Спасибо, нормально. А ты?

Зилов. Неплохо.

Официант. Уже собираешься, а?

Зилов. Уже собрался.

Официант *(слегка посмеиваясь)*. Уже собрался?.. Молодец.

Зилов *(с отчаянием)*. Еще целых полтора месяца! Подумать только...

Официант *(усмехаясь)*. Доживешь?

Зилов. Не знаю, Дима, как дожить — не представляю.

Официант. А ты жди спокойно. Если хочешь, чтобы из тебя вышел охотник — не волнуйся. Главное — не волноваться.

Саяпин. Слушайте! До вашей охоты еще полтора месяца, а до конца перерыва всего тридцать пять минут. *(Зилову)*. Мы зачем сюда пришли, забыл!

Зилов. Да, Дима, у нас полчаса. Надо выпить и закусить. Управимся?

Официант. Попробуем.

Зилов. Стало быть так: три салата, три шашлыка и выпить... *(Саяпину)*. Что он пьет?

Саяпин. По-моему, публично он вообще не употребляет.

Зилов. А винишко?

Саяпин. Смотри, обеденный перерыв, насчет этого он — сам знаешь...

Зилов *(официанту)*. Мы ждем шефа.

Официант. Ясно.

Зилов. Я думаю, он глушит водку. По ночам.

Саяпин. И правильно, между прочим, делает. Умеет человек. Все умеет.

Официант. Есть свежее пиво.

Зилов. Пиво не надо. Бутылку вина. Две бутылки. Гуляю.

Саяпин *(официанту)*. Поздравь его. Получил квартиру.

Официант. Серьезно?

Зилов. Сам не верю.

Официант. А где?

Зилов. У моста.

Официант. Точно? Значит, будем соседями?

Зилов. Маяковского, тридцать семь, квартира двадцать.

Официант. Ну так отлично. Поздравляю, старичок. Молодец.

Зилов. Новоселье в восемь ноль-ноль. Сегодня. Я тебя жду.

Официант. Спасибо, Витя, но я не могу. Сегодня я работаю до одиннадцати.

Зилов. Подменись.

Официант. Бесполезно. У нас все в отпуске.

Зилов. Заболей.

Официант. Нет, старичок, так я не делаю. Извини.

Зилов. Жаль.

Официант. Извини, но сегодня — никак. Ничего не выйдет... *(Пишет)*. Два вина, три салата, три раза шашлык... *(Зилову)*. Но, учти, с тебя полбанки.

Зилов. Какой разговор.

Официант уходит.

Саяпин *(об официанте)*. Смотри, какой стал. А в школе робкий был парнишка. Кто бы мог подумать, что из него получится официант.

Зилов. Э, видел бы ты его с ружьем. Зверь.

Саяпин. Скажи-ка...

Зилов. Гигант. Полсотни метров влет — глухо. Что ты! Мне бы так.

Саяпин. Слушай, а шеф будет на новоселье?

Зилов. Да. И он за вами заедет.

Саяпин. Слушай, а что ему взбрело с нами обедать?

Зилов. А где ему обедать?

Саяпин. У него же дом рядом. Опять же без жены он, сам знаешь, ни шагу.

Зилов. А он жену вчера на юг отправил.

Саяпин. Вот оно что. То-то загулял мужик... Нет, что ни говори, он человек серьезный... Ну вот квартиры. Обещал — делает. Ты получил, и я получу. Говорят, у него там *(показывает)* рука. Это верно?

Зилов *(кого-то увидел)*. Стоп! сядь сюда... *(Прячется)*. Так! Сюда!.. Сюда! *(Двигает Саяпина)*.

Саяпин *(оглядывается)*. В чем дело?... Да это Верочка. Твоя любовь, если я не ошибаюсь. Твоя любовь — не струйка дыма...

Зилов. Сиди так... *(Прячется)*. Сегодня нам лучше не встречаться. И вообще она мне надоела.

Саяпин. Витя, бесполезно. Она тебя заметила.

Зилов *(садится на свое место)*. Черт! Ну и порядки в этих магазинах. Вечно она шатается в рабочее время... *(Машет рукой)*. Привет.

Появляется Вера. Ей около двадцати пяти. Она явно привлекательна, несколько грубоватая, живая, всегда «в форме». Сейчас она в костюме продавца промтоварного магазина. А вообще она одевается красиво и носит неизменно роскошную прическу.

Вера. Привет, алики! Давно я вас не видела. *(Усаживается)*.

Официант вносит вино и салаты.

Так вы меня ждали?.. Чудненько.

Официант *(Вере)*. Привет, малютка.

Вера. Здравствуй, алик.

Официант *(Зилову)*. Еще раз шашлык, если я правильно понимаю?

Зилов. Да, будь другом.

Официант уходит.

Вера *(Зилову)*. Веселишься? Что, получил квартиру?

Зилов. Ну, получил.

Вера. Очень за тебя рада. А где ты пропадал?

Зилов. Дома, Верочка. Дома и на работе.

Вера. А если я соскучилась? Нельзя же пропадать целыми неделями.

Зилов. У меня срочные дела. Дела, дела. Днями и ночами.

Саяпин. У нас вся контора в отпуске. Вдвоем пластаемся.

Зилов. Да. Горим трудовой красотой.

Вера. Смотри, алик, я найду себе другого.

Зилов. Сама найдешь или тебе помочь?

Вера. Спасибо, сама не маленькая.

Саяпин. Слушай, что это ты всех так называешь?

Вера. Как, алик?

Саяпин. Да вот аликами. Все у тебя алики. Это как понимать? Алкоголики, что ли?

Зилов. Да она сама не знает.

Саяпин. Может, твоя первая любовь — Алик?

Вера. Угадал. Первая — алик. И вторая алик. И третья. Все алики.

Зилов *(Саяпину)*. Понял что-нибудь?

Саяпин *(кого-то увидел)*. Идет. *(Вере)*. Наше начальство. Не советую вам афишировать свои отношения. Очень строгий товарищ. *(Поднялся)*.

Зилов *(подхватил)*. Да, при нем полегче.

Вера. Ладно, ладно. Поняла.

Саяпин. Вы с ним друзья и не больше. Ясно?..

Вера. Ясно, алик. Мы с ним одноклассники.

Саяпин уходит.

Вера. Увидимся вечером?

Зилов. Сегодня? Нет, Верочка, сегодня не выйдет.

Вера. Почему?.. Скажи откровенно.

Зилов. Ну, пожалуйста. У меня сегодня новоселье.

Вера. Новоселье... А почему бы тебе меня не пригласить?

Зилов. Тебя?.. Я бы с удовольствием, но жена, я думаю, будет против.

Вера. А почему? Ты встречаешь одноклассницу, приглашаешь в гости, что тут особенного?

Зилов. Думаешь, жена у меня дура.

Вера. А что, умная?.. Так познакомь меня с ней.

Зилов. Это зачем?

Вера. Хочу ума-разума набраться. Что, нельзя?

Зилов. Этого только не хватало. Не говори глупостей, завтра увидимся. Все.

Появляются Саяпин и Кушак. Кушак — мужчина солидный, лет около пятидесяти. В своем учреждении, на работе он лицо довольно внушительное: строг, решителен и деловит. Вне учреждения весьма неуверен в себе, нерешителен и суетлив. Будучи в гостях, постоянно выглядывает в окно, как, впрочем, почти все владельцы автомобилей.

Сюда, Вадим Андреич. Садитесь.

Кушак. Добрый день.

Вера. Здравствуйте.

Зилов. Ее зовут Вера.

Кушак. Очень приятно... Очень.

Официант приносит шашлык и удаляется.

Зилов (*взял в руки бутылку*). Под шашлычки. Не возражаете?

Кушак. М-м... Оно конечно — обеденный перерыв. (*Вере.*) У нас, знаете ли, насчет этого принципиально...

Вера. Ну ничего. В виде исключения — не повредит.

Кушак. Вы думаете? Ну что ж, в виде исключения — почему же. И потом это ведь не водка. (*Озирается*).

Саяпин. Вадим Андреевич, и причина крупная. Человек квартиру получил. Шутка ли.

Кушак. Да, и причина серьезная.

Зилов (*наливает всем вина*). Считайте, Вадим Андреич, что это небольшая разминка. Перед вечером. Не забыли? Ждем вас в восемь, как договорились.

Кушак. Не знаю, право, идти ли мне. У меня, видите ли, и настроение неважное, и жена у меня отсутствует... м-м в настоящее время.

Зилов. Вадим Андреич, вы же обещали.

Вера. А где, если не секрет, жена ваша?

Кушак. Она сейчас, видите ли, в Сухуми. Отдыхает.

Зилов. Она отдыхает, а вам что, нельзя?

Кушак. Действительно... но с другой стороны она там одна, а я

в гости, видите ли, веселиться... Ведь это... м-м... неэтично вроде бы. Как вы думаете?

Вера. Вы хороший муж. Прямо — музейная редкость. Такому мужу куда угодно разрешается. В любую компанию.

Зилов. Она права. Решено, вы приедете.

Кушак *(Вере)*. Значит, вы советуете пойти...

Вера *(многозначительно)*. Обязательно. Другой на вашем месте и сомневаться бы не стал. Чепуха какая.

Кушак. Нет, нет, вы не подумайте, я далеко не ханжа, но... словом... Словом, я согласен. *(Собрался с духом, погрозил Вере пальцем)*. Смотрите, выходит, что вы меня... м-м... совратили. *(Озирается)*.

Вера *(интригующе)*. Ну, до этого еще далеко, а было бы интересно... Было бы ничего...

Кушак *(туповато)*. Вы так думаете?

Вера. Да. Я так думаю. Верные мужья — моя слабость.

Зилов. А? Вадим Андреич! Берегитесь.

Вера *(Кушаку)*. Выпейте. И знаете что? Я буду называть вас аликом. Не возражаете?..

Кушак. Аликом?.. Но почему Аликом?

Вера. Вам не нравится?

Кушак. Я не знаю, право...

Вера. Ну, пожалуйста...

Кушак. Алик... Странно... Но для вас... Если вам нравится...

Вера. Давно бы так. *(Дотронулась пальцем до его носа)*. Алик.

Пауза. Саяпин незаметно для Кушака беззвучно смеется. Зилов с любопытством наблюдает за Верой и Кушаком. Кушак озирается.

Кушак. А знаете, здесь неплохо готовят. Я, признаться, давно здесь не бывал...

Вера. А вы заглядывайте. По вечерам здесь бывает музыка.

Кушак. Что, и сегодня будет?

Вера. Что будет?

Кушак. Музыка...

Вера. Обязательно. Но ведь сегодня вы идете на новоселье.

Кушак. А вы? Извините, разве вы не идете?

Вера. А меня туда не приглашают.

Кушак. Разве?

Вера. Нет, все правильно. На новоселье обычно собираются друзья, а мы с Виктором — так... Учились когда-то в одной школе всего-то. Случайно встретились.

Кушак. Вот как?..

Вера. Поэтому, какое же приглашение. Я и не напрашиваюсь.

Кушак. М-м...

Саяпин толкает Зилова в бок. Небольшая пауза.

Зилов *(Вере)*. Что ты выдумываешь? Я просто не успел тебя пригласить. Милости прошу.

Вера. Спасибо. Только, пожалуйста, не думайте, что я напросилась

Кушак. Что вы! Кто так думает?

Саяпин. Никто.

Зилов. Да. Всем будет очень приятно. Очень весело. Короче, тебя там только и не хватало. Запиши адрес.

Свет гаснет, круг в темноте поворачивается и снова зажигается свет.

Продолжается первое воспоминание Зилова. Квартира Зилова. Зилов и Галина ждут гостей. Стол, вокруг которого хлопочет Галина, один стул, железная кровать, чемодан — вот и вся обстановка.

Галине двадцать шесть лет. В ее облике важна хрупкость, а в ее поведении — изящество, которое различимо не сразу и ни в коем случае не выказывается ею нарочно. Это качество, несомненно, процветавшее у нее в юности, в настоящее время сильно заглушено работой, жизнью с легкомысленным мужем, бременем несбывшихся надежд. На ее лице почти постоянно выражение озабоченности и средоточия (она учительница, а у учителей с тетрадями это нередко). Сейчас она в темном платье, поверх которого надет фартук, на ногах — домашние туфли.

Зилов *(у стола)*. Жратва, я тебе скажу, нешуточная. Никто из них не заслужил такой жратвы. Кроме начальства.

Галина. Все ничего. Но на что мы их усадим?

Зилов. Женщины на койку, я сяду на стул, остальные — на пол.

Галина. А начальство?

Зилов. На пол! Другой раз будут давать квартиру с мебелью.

Галина. Позор. Трое на кровати, стул, чемодан — пять мест. А будет? Раз, два, три... шесть человек.

Зилов. Семь.

Галина. Семь? Почему?.. Мы, Саяпины, Кузаков и Кушак — все. Кушак, ты говорил, без жены. Итого шесть. Шесть персон.

Зилов. Будет еще одна персона.

Галина. Вот как? А кто? Неужели этот твой ужасный Дима?

Зилов. Нет, сегодня он работает. А почему он ужасный?

Галина. Не знаю, но он ужасный. Один взгляд чего стоит. Я его боюсь.

Зилов. Ерунда. Нормальный парень.

Галина. Но кто же все-таки седьмой — интересно.

Зилов. Одна милая женщина.

Галина. Да?

Зилов. Разве я тебе о ней не говорил?

Галина. Представь — нет. Сюрприз.

Зилов. Совсем забыл! Ее зовут Вера. Она, насколько я знаю, ничего себе, интересная... В общем Кушак от нее в восторге.

Галина. Понятно. В первый же вечер из нашей квартиры ты устраиваешь...

Зилов. Ну что ты. У него чистая любовь.

Галина. Чистая любовь, а жена будет сидеть дома?

Зилов. Его жена старая ведьма. И между прочим, он просил меня поговорить с тобой. Я забыл.

Галина. О чем?

Зилов. Чтобы ты разрешила им здесь встречаться.

Галина. А если я говорю — нет?

Зилов. Поздно.

Галина. Я не хочу, чтобы у нас, в нашей квартире...

Зилов. Что с ней сделается, с квартирой, если бедняга Кушак, между прочим, эту самую квартиру, ты знаешь, выбил нам он, а не кто-нибудь, что с ней сделается, если он отдохнет здесь часок-другой, помечтает, скажет милой женщине пару глупостей — что от этого — потолок обвалится?

Галина. Мне это не нравится.

Зилов. Да нет, дело, конечно, не в квартире, надеюсь, ты так не думаешь. Просто я ему посочувствовал. И ты посочувствуй человеку, нельзя же быть такой бессердечной.

Галина *(готовит на столе еще один прибор)*. Да уж для друзей ты готов на все.

Зилов *(обнимает ее)*. Перестань. Дай лучше я тебе помогу.

Галина. У меня все готово.

Зилов. Отлично. Предлагаю выпить.

Галина. Вдвоем?

Зилов. По одной.

Галина. Нет, давай как полагается. Дождемся гостей.

Зилов *(выбирает бутылку)*. Лучше, я думаю, водки. Для начала. *(Наливает)*.

Галина. Нехорошо. Придут гости, а мы с тобой косые.

Зилов. Велика беда.

Галина. Не напивайся сегодня, слышишь.

Зилов. Ладно, ладно.

Галина. Ну что же, за новоселье?

Зилов. Давай.

Галина. Вчера, когда переезжали, сажусь в машину и думаю: ну все. Привет вам, тети Моти и дяди Пети. Прощай предместье, мы едем на Бродвей!

Зилов. Салют.

Они выпивают.

Галина. Мы здесь заживем дружно, верно?

Зилов. Конечно.

Галина. Как в самом начале. По вечерам будем читать, разговаривать... Будем?

Зилов. Обязательно.

Галина. Хуже всего, когда тебя нет дома и не знаешь, где ты.

Зилов. А мы здесь устроим телефон.

Галина. Не люблю телефоны. Когда ты говоришь со мной по телефону, мне кажется, что ты врешь.

Зилов. Напрасно. Напрасно ты не доверяешь технике. Ей как-никак принадлежит будущее.

Пауза. Галина подошла к окну.

Галина *(глядя в окно)*. Знаешь, сегодня я получила письмо. Совсем неожиданно. И, думаешь, от кого?

Зилов. Ну? *(Наливает себе рюмку)*. От кого же?

Галина. Представь себе, от друга детства. И как только он обо мне вспомнил — удивительно.

Зилов выпивает.

Наши родители дружили, а мы с ним были жених и невеста. А разъехались, когда нам было всего по двенадцать лет. *(Смеется)*. Он был очень смешной. Когда мы прощались, он заплакал, а потом сказал, и знаешь, совсем серьезно: «Галка, укуси меня на прощанье».

Зилов. Ну и что? *(Наливает)*. Укусила ты его?

Галина. Да. За палец.

Зилов. Забавно. *(Выпивает)*.

Галина. Пишет, что у него не удалась семейная жизнь. Намерен век прожить холостяком.

Зилов. Что ж. Неплохая мысль.

Галина. Кто-то приехал. По-моему, к нам. По-моему, они. Ну, конечно, Саяпин, его Лерочка преподобная, а третий?

Зилов *(подходит к окну)*. Шеф. Его машина.

Галина. А Кузаков?

Зилов. Придет, куда он денется.

Галина. А милая женщина?

Зилов. Все в порядке. Она будет позже. *(Выходит в прихожую)*.

Галина надела хорошие туфли вместо домашних, сняла фартук, но подумала и надела его снова.

Зилов *(в прихожую)*. Прошу.

Входят Кушак, Саяпин и Валерия. Валерии около двадцати пяти. В глаза бросается ее энергичность. Ее внешней привлекательности несколько противоречит резкая, почти мужская инициатива. Волосы у нее крашеные, коротко подстриженные. Одевается модно.

Кушак *(преподносит Галине цветы)*. С новосельем. Сердечно поздравляю.

Валерия *(идет по комнате)*. Ну-ну, дайте, дайте взглянуть.

Саяпин. Годится, годится. Подходящая изба.

Кушак. Славная квартирка, славная. Желаю, желаю. От души...

Валерия *(проходит на кухню)*. Холодная? Горячая?.. Красота!.. Газ? Красота!.. *(Появляется)*. Так, так, так... А здесь? Восемнадцать квадратов?

Галина. Да... кажется.

Валерия. Красота!

Кушак. Квартирка чудная. *(Подошел к окну — взглянул на свою машину)*.

Валерия устремляется в комнату. Галина проходит за ней.

Саяпин *(с тоской)*. Нет, что и говорить, изба в порядке. *(Проходит в комнату).*

Валерия *(из комнаты)*. Балкон?.. Юг?.. Север?..

Кушак. Ну что ж, квартира — дело большое. Еще раз поздравляю.

Зилов. Еще раз благодарю.

Валерия *(из комнаты)*. Красота!

Кушак. Чудесно, чудесно... И что, все уже в сборе? *(Заглядывает в комнату).*

Зилов *(закрыв дверь в комнату)*. Ее нет, но скоро появится, будьте уверены. Вы ее заинтриговали.

Кушак. Ты думаешь?

Зилов. Не скромничайте. Она на вас упала.

Кушак. Виктор! *(Озирается)*. Как ты выражаешься... И ты хочешь сказать...

Зилов. Хочу сказать: не зевайте.

Кушак. Но послушай, удобно ли мне... Посуди сам, здесь Саяпины, твоя жена. Этично ли это?

Зилов. Ерунда. Действуйте смело, не церемоньтесь. Это все делается с ходу. Хватайте быка за рога.

Кушак. Ай-ай-ай, не знал, не думал, что ты такой легкомысленный. Смотри, Виктор, ты меня... м-м... развращаешь.

Зилов. Давно хотелось сделать вам что-нибудь приятное.

Валерия, Саяпин и Галина появляются.

Валерия. Мебель! Немедленно — мебель! *(Проходит в прихожую).*

Кушак. Да, мебель необходимо... Но ничего, не все сразу, потихонечку, помаленечку. *(Подошел к окну — взглянул на свою машину).*

Галина. А пока сидеть придется на кровати.

Из туалета слышится звук спускаемой воды, голос Валерии: «Красота», вслед за тем Валерия появляется.

Валерия. Ну поздравляю. Теперь у вас будет нормальная жизнь. *(Саяпину)*. Толечка, если через полгода мы не въедем в такую квартиру, я от тебя сбегу, я тебе клянусь!

Кушак. М-м... Через полгода этот вопрос... м-м... утрясется. Будем надеяться...

Валерия *(театрально)*. О, Вадим Андреич! Я готова...

Зилов. На что?

Валерия. Я готова на вас молиться. Честное слово!

Зилов. Молись, дочь моя...

Саяпин *(поспешно)*. Так. Здесь будет телевизор, здесь диван, рядом холодильник. В холодильнике пиво и прочее. Все для друзей.

Звонок. Зилов выходит в приемную. Маленькая пауза.

Зилов *(на пороге)*. Вадим Андреич! Встречайте.

Кушак направляется в прихожую.

Валерия (*Зилову*). А кто там?

Зилов. Знакомая Вадима Андреича. Одна милая женщина.

Валерия (*удивилась*). Какая знакомая?

Зилов. Молодая, интересная. (*Выходит в прихожую*).

Валерия. Скажите, какой молодец.

Галина. Кто молодец?

Валерия. Вадим Андреич, конечно. Ему ведь сорок, наверно.

Саяпин. Сорок шесть.

Зилов, Вера и Кушак появляются. В руках у Веры большой пакет.

Зилов. Прошу.

Кушак (*Вере*). Прошу вас.

Зилов (*всем*). Знакомьтесь...

Вера. Меня зовут Вера.

Валерия. Валерия.

Вера. Очень приятно.

Зилов. Моя жена.

Кушак. Хозяйка дома.

Галина. Галина.

Вера. Очень приятно. Поздравляю вас с новосельем. Вот... (*Протягивает Зилову большой пакет*).

Валерия (*Зилову*). Что там? Что?

Зилов. Бомба, я думаю.

Валерия. Покажи, я умираю от любопытства.

Зилов вынимает из пакета большого плюшевого кота. Саяпин вдруг мяукнул довольно искусно.

Валерия (*испуганно*). Ой!

Все рассмеялись.

Валерия. Напугали, честное слово. (*Берет кота в руки, разглядывает его*). Ну и кот!

Кушак. Усы! Какие усы! А глаза! Как живые. (*Вере*). Прелестный подарок.

Валерия (*передает кота Галине*). Очень симпатичный.

Галина (*Вере*). Большое спасибо.

Вера. Представьте, я дала ему имя.

Галина. Интересно, какое?

Вера. Я назвала его аликом.

Зилов. О, боже мой...

Кушак (*укоризненно*). Верочка...

Вера. Если вам нравится, можете его так называть.

Валерия. Алик. Чудное имя. (*Галине и Зилову*). Он принесет вам счастье.

Зилов. Уже чувствуется.

Кушак. А теперь наша очередь, не так ли?

Валерия. Толечка, волоки.

Саяпин выходит в прихожую, возвращается со свертками, начал было их разворачивать.

Валерия. Нет, пусть он сначала угадает!

Звонок.

Галина. Кузаков. *(Выходит в прихожую)*.

Зилов *(Валерии)*. Что я должен угадать?

Валерия. Угадай, что мы тебе подарим?

Входят Кузаков и Галина. Кузакову около тридцати. Яркой внешностью он не выделяется. Большей частью задумчив, самоуглублен. Говорит мало, умеет слушать других, одет весьма неряшливо. По этим причинам в обществе он обычно в тени, на втором плане. Переносит это обстоятельство с достоинством, но и не без некоторой досады, которую хорошо скрывает.

Кузаков. Приветствую всех в новом помещении. *(Проходит, осматривает стол)*. Кажется, не опоздал.

Валерия. Нисколько. Дарим подарки.

Кузаков. Подарки?.. *(Валерии)*. А что ты на меня так смотришь? Думаешь пришел с пустыми руками? *(Зилову)*. Витя! Пойдем, ты мне поможешь.

Зилов. Даже так?

Кузаков. Только так.

Валерия. Интересно.

Кузаков и Зилов выходят.

Один он не донесет, подумайте-ка.

Кушак. Верочка, садитесь, прошу вас.

Вера. Спасибо, алик.

Саяпин *(Валерии о свертках)*. Ну что? Развернуть?

Кушак бросается к окну — взглянул на свою машину.

Валерия. Нет, нет. Посмотрим сначала, что он там выдумал.

Галина. Ду будет вам. Давайте лучше к столу.

Стук дверей. Кузаков и Зилов вносят садовую скамейку. Все смеются.

Кузаков. Ну вот, пожалуйста. Из собственного гарнитура.

Валерия. Босяк.

Галина. Спасибо, Кузя. Лучше нельзя было придумать.

Зилов *(усаживается на скамейку)*. Модерн. *(Кузакову)*. Садись, бродяга.

Галина. Поставьте ее к столу. На нее сядут дамы.

Валерия. А вот теперь мы. Минутку внимания! *(Зилову)*. Догадайся, что мы тебе подарим.

Зилов. Не знаю. Подарите мне остров. Если вам не жалко.

Валерия. Нет, серьезно.

Зилов. Ну, не знаю.

Валерия. Вот что ты больше всего любишь?.. Ну что?

Зилов. Что я люблю?.. Дай подумать.

Валерия. Ну, жену, это самой собой...

Галина. Да нет, давно не любит...

Вера (*усмехнулась*). Может, любовницу.

Саяпин хохотнул.

Кушак (*удивленно*). Верочка...

Валерия (*Зилову*). Ну? Сообразил?

Зилов. Соображаю, не могу сообразить.

Валерия. Вот тупица. Ну что же ты любишь — в самом деле!

Галина. Он любит друзей больше всего.

Вера. Женщин. Подарите ему женщину.

Кузаков. Все чепуха. Больше всего на свете Витя любит работу.

Дружный смех.

Кушак (*первые слова — сквозь общий смех*). Ну зачем же так?.. Деловой жилки ему не хватает, это верно, но ведь он способный парень, зачем же так шутить?

Валерия. Нет, от него ничего не добьешься. Ладно. Ты не знаешь, а мы знаем. Знаем, что ты любишь. (*Саяпину*). Толечка, разверни.

Саяпин развернул сверток. В нем оказались предметы охотничьего снаряжения: нож, патронташ и несколько деревянных птиц, какие на утиной охоте используются для подсадки. Все это Саяпин показал присутствующим.

Зилов. Ба!..

Все смеются.

Саяпин (*Зилову*). Держи.

Зилов (*принимая подарки*). Это — да, это — уважили. Как же я, дурак, не догадался?

Галина. Да, тут уж вы угодили.

Зилов. Да-а. Вы правы. Утиная охота — это вещь. (*Одевает патронташ, увешивает себя деревянными утками. В этом наряде он остается до конца картины*).

Валерия. В сентябре придем на дичь, учтите.

Галина (*оживленно*). Приходите. Но предупреждаю, дичь будет из магазина.

Кушак. Ну как же так?

Галина. А у него так. Главное — сборы да разговоры.

Зилов. Э, не слушайте ее.

Галина. Что, неправда? Ну скажи, убил ты что-нибудь хоть раз? Признайся! Ну хотя бы маленькую, ну хоть вот такую (*показывает на пальце*) птичку?

Кузаков. Ну что ты ему показываешь? Он в такую (*показывает обеими руками*) не попадет, а ты хочешь?

Все смеются.

Зилов *(он доволен подарками и не обращает внимания на насмешки)*. Ладно, ладно. Поживем, увидим.

Саяпин. Витя! Чтоб наверняка — стреляй по этим *(провел пальцем по деревянным уткам)*. Они не улетят.

Зилов. Ладно. Что вы в этом смыслите?

Галина *(хлопнула в ладоши)*. Внимание. Гостей прошу к столу. Прошу.

Все усаживаются. Кушак подошел к окну — взглянул на свою машину.

Вера *(Кушаку)*. Алик, что ты там все высматриваешь, а? Что ты там оставил?

Кузаков. Автомобиль. Всего-навсего.

Кушак *(смутился)*. Нет... то есть да. Именно — автомобиль.

Валерия. Вадим Андреевич, вы не беспокойтесь. Мы тут у окна, нам удобнее. *(Саяпину)*. Посматривай.

Все уселись, кроме Кузакова.

Вера *(Кузакову)*. А вы? *(Подвинулась на скамейке)*. Садитесь, алик, не стесняйтесь.

Кузаков. Спасибо. *(Садится)*. Но вы ошиблись. Мое имя Николай, а вы назвали меня Аликом.

Вера. Ну, какая разница.

Кушак *(удивился)*. Верочка?..

Валерия. Совершенно верно. Он похож на кота. *(Кузакову)*. Не спорь, ты на него похож. Покажите-ка.

Галина показывает Кузакову плюшевого кота. Все смеются.

Копия.

Кузаков. Никакого сходства. Это провокация.

Зилов *(Кузакову)*. Не спорь, старик, смирись. *(Взял в руки бутылку, наливает всем вина)*.

Кузаков. Хорошо. *(Вере)*. Но позже я потребую у вас объяснения.

Вера. Ладно, объяснимся.

Зилов. Итак, друзья... *(Взял в руки рюмку)*. Поехали?

Саяпин. Понеслись.

Валерия. Стойте! Понеслись, поехали! Что вы, в пивной, что ли? Здесь новоселье, по-моему.

Зилов. Так, а что ты предлагаешь?

Валерия. Ну, есть же какие-то традиции, обычаи... Кто-нибудь знает, наверное...

Молчание. Зилов наливает всем вина.

Вера. Я могу сплясать на столе. Если хотите.

Кушак. Верочка! *(Зилову)*. Как она шутит... м-м... *(Вере)* неподражаемо...

Кузаков. Смутно вспоминаю. За четыре угла пьют четыре раза. По традиции.

Валерия *(передразнивает Кузакова)*. Смутно вспоминаю. Эх вы, обормоты. *(Кушаку)*. Вадим Андреич, вся надежда на вас.

Кушак *(поднимается)*. Друзья! Не будем ломать голову. Вы люди молодые...

Валерия *(удивленно)*. А вы? Вадим Андреич!

Вера. Да, алик, не прибедняйся, ты еще не так плох.

Кушак *(Вере и Валерии)*. Благодарю вас, благодарю. Так вот: мы люди молодые, зачем нам дедовские премудрости? Просто. Поздравим наших хозяев с новосельем. Выпьем за новую квартиру.

Возгласы одновременно: «С новосельем!», «Салют!», «Спасибо», «Ну-ну».

Зилов. Поехали.

Саяпин. Понеслись.

Громко звучит та же бодрая музыка. Свет гаснет и через несколько секунд зажигается снова, музыка звучит негромко. Окончание первого воспоминания сопровождается музыкой. Та же комната. Обстановка того же вечера. Гости прощаются. Зилов, Вера. Вера в плаще.

Вера. Твоя жена мне понравилась. Удивляюсь даже, как тебе удалось на такой жениться.

Зилов. Не знаю, Верочка, не знаю. Это было давно, шесть лет назад...

Вера. Представляю, сколько она натерпелась от тебя... Ты алик из аликов.

Зилов. Ладно. Позвони мне на работу. Завтра.

Вера. Позвоню... если будет время.

Зилов. Ну, как хочешь.

Вера. Этот бодрячок, он, кажется, на что-то надеется?

Зилов. Пусть надеется. Жалко что ли?

Вера. Может, мне с ним пойти? Как? Ты не против?

Зилов. Ладно, не болтай. Он свое дело сделал, пусть теперь гуляет.

Вера. А то, может, пойти? Начальство все-таки.

Зилов. Послушай. Делай, что хочешь. Ты сама все это затеяла.

Подвыпивший Кушак появляется в прихожей.

Кушак. Какой вечер! Волшебный, если так можно выразиться... Я благодарю судьбу...

Вера. А вы не судьбу, вы *(о Зилове)* его поблагодарите.

Кушак. Разумеется! Спасибо, Виктор, за гостеприимство и... за все...

Галина выходит из кухни.

И вам, Галина Николаевна, большое спасибо. Этот вечер я запомню на всю жизнь.

Вера. Я тоже.

Галина. Очень рада. Надеюсь, вы будете у нас бывать. Я буду рада.

Вера (*Галине*). Счастливо вам. (*Зилову и Кузакову*). До свиданья, алики.

Кузаков. До свиданья.

Кушак и Вера уходят.

Галина. Я вас провожу. (*Выходит*).

Зилов (*Кузакову*). Вот и прекрасно. Всем хорошо, все довольны. Приятный вечер.

Кузаков. Слушай, Вера — кто она такая и откуда?

Зилов. Что, понравилась?

Кузаков. Откровенно говоря, да.

Зилов. Ну так займись, в чем же дело.

Кузаков. Но я не пойму при чем здесь Кушак? Что между ними?

Зилов. Между ними? Почти ничего. Одна только его пьяная фантазия.

Кузаков. И я так думаю.

Зилов. Говорю тебе, бедняга зря старается.

Кузаков. Так, так, значит, все это ее легкомыслие — показное.

Зилов. Ты думаешь?

Кузаков. А ты не видишь? Разве ты таких не встречал?

Зилов. Каких?

Кузаков. Да вот таких, как она. Они напускают на себя черт знает что, а на самом деле..

Зилов. Что на самом деле?

Кузаков. Да, Витя, мне кажется, она совсем не та, за кого себя выдает.

Зилов (*похлопал Кузакова по плечу*). Старик, ты ошибаешься, как всегда.

Кушак появляется из прихожей.

Кушак. Виктор!.. М-м.. Могу я с тобой поговорить?

Кузаков. Можете, можете. Я с ним уже наговорился. (*Зилову*). До свиданья, Витя.

Зилов. Привет, Коля.

Кузаков уходит.

Так?

Кушак. Она... м-м... я от нее в восторге! Но... каким образом?

Зилов (*бесцеремонно*): Вы что, не знаете?.. Обещайте, клянитесь, угрожайте. Как обычно...

Кушак. Но... м-м... в какой форме?

Зилов. Боже мой! Озолочу, женюсь, убью — что вы еще можете сказать? Действуйте.

Кушак бежит, но возвращается.

Кушак. А ты уверен, что... м-м... Не выйдет тут что-нибудь скандальное?

Зилов. Вы как маленький, ей-богу.

Кушак. Нет, пойми меня правильно, я далеко не ханжа, но... Все-таки...

Зилов. Будьте мужчиной и все будет в порядке.

Кушак уходит. Зилов один. Разглядывает подарки. Появляется Галина.

Галина. По-моему, я напилась.

Зилов. Конечно. Пьяная в лоскуты.

Галина. Серьезно? Что же гости подумали?

Зилов. А! Они мне надоели.

Маленькая пауза.

Галина. Слушай, слушай, что я тебе скажу.

Зилов. Ну.

Галина. Я хочу ребенка.

Зилов. Опять?

Галина. Пора нам с тобой, слышишь?

Зилов. Ты думаешь?

Галина. Никогда я его так не хотела... А ты? Что ты на это скажешь?

Зилов. Я? Ну если пора, в самом деле, то почему бы...

Галина. Нет, ты его не хочешь, я знаю.

Зилов. Да нет, с чего ты это взяла? Я не против... Ну чего ты расстроилась? Это же не проблема. Сказано — сделано.

Галина. Тебе он не нужен.

Кушак появляется. Галина уходит в комнату.

Кушак *(он сильно раздосадован)*. Виктор! Виктор...

Зилов. Что такое?

Кушак. Но она... она исчезла!

Зилов. Да?.. Кто исчез? Женщина или машина?

Кушак бросается к окну — взглянул на свою машину.

Кушак. Женщина! Она сбежала... Что это значит?... Как это называется?

Зилов. Динамо.

Кушак. Что?

Зилов *(с раздражением)*. Динамо. Это называется прокрутить динамо... Она вам повернула динамо. Не понимаете?

Кушак *(неожиданно трезво)*. Виктор... Ты меня разочаровываешь.

Веселая музыка превращается в траурную.

Затемнение, во время которого возобновляется декорация начала пьесы. Зилов пьет пиво, сидя на подоконнике. Вдруг поднимается и швыряет плюшевого кота в угол комнаты.

Занавес

Картина 2

Комната Зилова.

За окном по-прежнему дождь. Зилов набирает номер по телефону.

Зилов. Скажите, там Кузаков у вас далеко?.. Его нет?.. Ладно. *(Нажимает на рычаг, набирает номер).* Бюро информации? Дайте трубочку Саяпину... Нет?.. Не приходил? Ясно. *(Бросает трубку).* Работнички.

В задумчивости сидит у телефона. Затемнение, во время которого круг снова поворачивается. Сцена освещается. Новая декорация.

Воспоминание второе.

Комната в учреждении. Одно окно. Два грубых шкафа, четыре стула.

Зилов. Шеф озверел. *(Проходит, усаживается).* Знаешь, что он придумал? Требует модернизации, поточный метод, молодое растущее производство. Срочно.

Саяпин. Это он придумал еще на прошлой неделе... Ты что, не помнишь?

Зилов. А есть что-нибудь похожее?

Саяпин. Похожее?.. Есть фарфоровый завод. *(Достает из стола).* Но он лежит у нас целый год.

Зилов. Дай взглянуть. Так... *(Листает).* План реконструкции, поточный метод... То, что надо!

Саяпин. Но это проекты.

Зилов. А чья работа? *(смотрит).* Смирнов. Главный инженер. Знаю такого. Серьезный товарищ.

Саяпин. Но проекты нам не нужны. Нам нужны факты.

Зилов. Факты? А где мы их сегодня возьмем? А завтра?.. Стоп! Стоп!.. Стоп... Стоп!.. Инженер излагает все в настоящем времени.

Саяпин. Ну и что?

Зилов. Как — что? Он излагает так, как будто все уже готово. Понятно?.. А сколько сей труд лежит у нас?

Саяпин. Примерно год.

Зилов. Прекрасно. Будем считать, что за год эти чудесные проекты осуществились. Мечта стала явью. Я подписываю *(расписывается).*

Саяпин. Гениально, но... рискованно.

Зилов. Ерунда. Проскочит. Никто внимания не обратит. Кому это надо?.. Подписывай.

Саяпин. Я бы с удовольствием, но...

Зилов. Давай, давай. У нас замечательная работа, но, согласись, она несколько суховата. Немного смелости, творческой фантазии — это нам не повредит.

Саяпин. И все же придется проверить. Придется позвонить на завод, инженеру...

Зилов. Боюсь, что инженер нас разочарует. Старик, будем оптимистами.

Саяпин. Поговорим.

Стук в дверь. Зилов открывает.

Голос. Почта.

Зилов. Давайте.

Голос. Расписывайтесь.

Зилов бросает на стол пачку пакетов. Саяпин разбирает почту.

Саяпин. Тебе письмо.

Зилов. От женщины?

Саяпин. От Зилова А. Н. *(Бросает письмо через стол)*. Письмецо от внука получил Федот...

Зилов. От папаши. Посмотрим, что старый дурак пишет. *(Читает)*. Ну-ну... О, боже мой. Опять он умирает. *(Отвлекаясь от письма)*. Обрати внимание, раз или два в году, как правило, старик ложится помирать. Вот послушай. *(Читает из письма)*. «... на сей раз конец — чует мое сердце. Приезжай, сынок, повидаться, и мать надо утешить, тем паче, что не видела она тебя четыре года». Понимаешь, что делает? Разошлет такие письма во все концы и лежит, ждет. Родня, дура, наезжает, ох-ох, а он и доволен. Полежит, полежит, потом, глядишь — жив-здоров и водочку принимает. Что ты скажешь?

Саяпин. Пенсионер?

Зилов. Персональный.

Саяпин. А сколько ему лет?

Зилов. Да за семьдесят. То ли семьдесят два, то ли семьдесят пять. Так что-то.

Саяпин. Старый. И в самом деле может помереть.

Зилов. Он? Да нет, папаша у меня еще молодец.

Саяпин. Все-таки ты взял бы да съездил.

Зилов. Когда?

Саяпин. Ну в отпуск, в сентябре.

Зилов. Не могу. Сентябрь — время неприкосновенное: охота.

Маленькая пауза.

Саяпин. Ну так как же со статьей? Что будем делать?

Зилов. По-моему, мы договорились: сдаем. Я подписал.

Саяпин. Тебе легко, а вот мне... Сейчас, когда стоит вопрос о квартире, сам понимаешь..

Зилов. Слушай, бросим жребий и делу конец. Орел — сдаем, решка — признаемся, что никакой статьи у нас нет.

Саяпин *(вздохнул)*. Давай...

Стук в дверь.

Зилов. Прошу. *(Бросает монету)*.

Входит Ирина. Монета остается без внимания. Ирине восемнадцать лет. В ее облике ни в коем случае нельзя путать непосредственность с наивностью, душу с простодушием, так же, как ее доверчивость нельзя объяснять неосведомленностью и легкомыслием, потому главное в ней — это искренность. Но нельзя забывать и о том, что на наших глазах она делает в жизни свои самые первые самостоятельные шаги.

Ирина. Здравствуйте.
Зилов. Добрый день.
Ирина. Извините, это редакция?

Небольшая пауза.

Зилов. А в чем дело, девушка?
Ирина. Я хотела напечатать одно объявление...
Зилов. Объявление?.. Какое объявление?
Ирина. Понимаете, я потеряла одного человека, мы должны были встретиться...
Зилов. Садитесь, расскажите не торопясь. *(Усаживает ее. Подмигивает Саяпину).* Думаю, что мы вам поможем.
Ирина. Правда?
Зилов. Постараемся.
Саяпин. Он сделает все возможное.
Ирина. Правда? Спасибо вам, большое спасибо...
Зилов. Пожалуйста. Но в чем дело?
Ирина. Понимаете, очень надо найти одного человека. Мы с ним сюда вместе ехали, в одном вагоне. Его Костя зовут, а вот фамилии не знаю...
Зилов. Дальше.
Ирина. Я его обманула. Но я не виновата, честное слово.
Зилов. Что же случилось?
Ирина. Понимаете, мы договорились с ним встретиться сегодня в двенадцать часов у главпочтамта. И надо же: как раз сегодня у нас сочинение.
Саяпин. Что, вступительное?
Ирина. Да, я поступаю в иняз. Если бы я знала, где здесь у вас главпочтамт, я бы сочинение раньше сдала. В общем, прибежала, а его уже нет...
Саяпин. И все?
Ирина. Так нехорошо получилось.
Зилов. Да, неслыханный обман. В нашем городе так не делают. Вы откуда приехали?
Ирина. Из Михалевки.
Зилов. Это где же такая?
Ирина. А это далеко. На севере.
Зилов. А зовут вас как?
Ирина. Ирина.
Саяпин. Хорошее имя.
Зилов. Ну и что, Ирина? Как же мы дальше будем жить?
Ирина. Если вы напечатаете объявление...
Зилов. Ну какое объявление?
Ирина *(живо)*. Я уже обдумала! Можно так... Костя! Я опоздала. Жди меня у главпочтамта в двенадцать часов пятого августа. Я все объясню, Ирина... Можно так?
Саяпин. Жди меня и я вернусь, только очень жди.

Ирина. Неужели нельзя?.. Он прочтет. Он все газеты читает. На каждой станции газеты покупал. Он и сам стихи пишет.

Зилов. Э, так он поэт. Может быть, Константин Симонов?

Ирина. Шутите. Симонов старый и живет в Москве.

Зилов. Ничего подобного. Раньше жил в Москве, а теперь здесь.

Ирина *(удивилась)*. Правда?

Зилов. Ну конечно. Ну ее, говорит, Москву, надоела. Шум, гам, суета, сколько, говорит, можно. Поживу, говорит, я где-нибудь в тишине. Да, да.

Ирина. Нет, он не Симонов. Он всего два стихотворения написал, а третье — прямо в вагоне.

Зилов. И посвятил его вам, не правда ли?

Ирина. Откуда вы знаете?

Зилов. Он посвятил вам стихотворение и вы его за это полюбили. Разве не так?

Ирина. Полюбила?.. Нет, что вы...

Зилов. А разве вы его не любите?

Ирина. Ну, конечно, нет.

Зилов. Тогда зачем вам его искать?

Ирина. Чтобы объяснить. А то получится, что я его обманула.

Зилов *(Саяпину)*. Что ты на это скажешь?

Саяпин. Люби меня, детка, пока я на воле, люби меня, детка, пока твой...

Входит Кушак.

Кушак. Где статья? Чем вы занимаетесь? Вы по какому вопросу, девушка?

Зилов. Ее зовут Ирина. Она по личному вопросу.

Кушак. Только не говорите мне, что она ваша одноклассница.

Зилов *(разглядывая Ирину)*. Молчу. Если бы даже и сказал — никто бы мне не поверил.

Саяпин. Она ищет друга.

Кушак. Здесь? Среди вас?

Ирина. Нет, я хочу напечатать объявление.

Кушак. Объявление?.. У нас? С какой стати?

Саяпин беззвучно смеется.

Ирина. Но ведь это редакция.

Кушак. Редакция?.. *(Грозит Зилову и Саяпину кулаком)*. Вы ошибаетесь, девушка. Здесь не редакция.

Ирина. Как?

Зилов. Все в порядке, редакция рядом.

Ирина *(Зилову)*. Тогда зачем же вы так?.. Я не понимаю...

Кушак *(раздраженно)*. Что тут непонятного? Вам нужна редакция, а наше учреждение называется ЦБТИ. Центральное бюро технической информации, если угодно...

Ирина *(поднимаясь)*. Извините. *(Идет к двери)*.

Кушак *(провожая ее взглядом, смягчился)*. Ничего... Очевидно, вас ввело в заблуждение слово информация. Желаю вам всего хорошего.

Ирина *(Зилову в дверях)*. Зачем же вы так?..

Зилов *(идет вслед за ней)*. Не волнуйтесь, Ирина, все будет хорошо. *(В дверях Кушаку и Саяпину)*. Минутку. *(Уходит)*.

Кушак. Вы думаете сдавать статью?

Саяпин. Думаем.

Кушак. Вижу я, о чем вы думаете. Здесь дом свиданий или учреждение? Сколько вас предупреждать?

Саяпин. При чем здесь я? Вы же знаете, я к женщинам почти равнодушен.

Кушак. Безобразие. В конце концов всему бывает время и место. Предупреждаю в последний раз. И поторопитесь с работой. После обеда я отправляю ее в типографию. *(Уходит)*.

Саяпин. Ему — девочки, а мне — выговоры. *(Звонит по телефону)*. Редакция?.. Кузаков?.. Привет. Да нет, какие к черту шахматы. Зилов у тебя?.. Нет? Скотина!.. Да нет, не ты.. Ну, если хочешь, ты тоже.

Входит Зилов.

Зилов. Ну, что ты про нее скажешь?

Саяпин. Слушай, иди-ка ты с ней вместе знаешь куда?

Зилов. Ну-ну? Куда — посоветуй. Я думаю, в кино. Для начала.

Саяпин. К черту! Он *(показывает на дверь кабинета)* требует статью. Что будем делать? Так он этого не оставит... Ты имей в виду, он имеет на тебя зуб — за новоселье. Ты что, забыл?

Зилов. Плевать. *(Надевает плащ)*. Такие девочки попадаются не часто. Ты что, ничего не понял? Она же святая... Может, я ее всю жизнь любить буду — кто знает? *(Идет к двери)*.

Саяпин. Стой! Постой же, черт возьми!

Зилов. Ну? Короче. Меня ждет девушка.

Саяпин. Он требует статью. Что будем делать?

Зилов. Опять статью! Будь она проклята! Спихнуть и делу конец. Подписывай.

Саяпин. Я крупно рискую, сам понимаешь.

Зилов. Черт побери! В первый раз что ли? *(Вспомнил)*. Постой! А жребий! Монета! Где она!

Оба ищут брошенную двадцать минут назад монету.

Как у нас было?

Саяпин. Орел — сдаем, решка — нет... Вот она. Решка. Смотри.

Зилов. Не повезло... Подожди, по-моему, ты перепутал. Решка — сдаем, орел — нет... Слушай. Давай-ка снова! Решка — сдаем, орел — нет. *(Бросает монету)*.

Саяпин. Орел.

Зилов *(с досадой)*. Черт возьми!.. Ну, ничего не поделаешь — судьба. Займемся этой дурацкой статьей завтра. *(Идет к двери)*.

Саяпин *(останавливает его)*. Тогда идем к нему вдвоем. Один я отдуваться не намерен.

Зилов. Вот еще кошмар... Слушай! Бог любит троицу. Бросим третий раз. Решка — признаемся, орел — нет. *(Бросает монету)*.

Саяпин. Орел.

Зилов *(с облегчением)*. Слава богу, хоть одно дело сделали. *(Идет к двери)*.

Телефонный звонок.

Саяпин. Да... Сейчас... *(Зилову)*. Стой! Тебя.

Зилов: Кто?

Саяпин. По-моему, жена.

Зилов. Меня нет.

Саяпин. Я уже сказал...

Зилов. Идиот! *(Берет трубку)*. Что такое?.. В чем дело?.. *(Закрыл трубку рукой)*. Будь другом, займи ее на минутку. Она ждет у входа. Да смотри, не хами. Ее спугнуть дважды два. Давай...

Саяпин выходит.

Ну что случилось? Увидеться?.. Сейчас?.. Это невозможно... Срочная работа. Отчет... Все в отпуске... Вдвоем тут пластаемся... Нет. Нет... Ну, что за спешка? Что с тобой?.. Да нет, что случилось?.. Что?.. Ребенок?.. Ты уверена?.. Ну и прекрасно. Поздравляю... Сын, я уверен... А как же?.. Ну рад... Да рад я, рад... Ну что тебе — спеть, сплясать?.. Увидеться?.. Сегодня увидимся... Ведь не сию же минуту он у тебя будет... Что?... Подожди! *(Видно, что на том конце брошена трубка. Этим он несколько раздосадован)*. Ну, вот уже и разобиделась. *(Выходит)*.

Затемнение. Круг передвигается, сцена освещается. Зилов сидит в своей комнате у телефона. Зилов поднимается, ходит по комнате. У венка останавливается. Некоторое мгновение стоит перед венком.

Зилов. Пошутили, мерзавцы...

Занавес

Действие второе

Картина 3

Комната Зилова. За окном идет дождь. Зилов разговаривает по телефону.

Зилов *(нетерпеливо)*. А я вам говорю, по этому телефону звонить бесполезно... Да, бесполезно. У вас там всегда одно и тоже: пере-

менная облачность, ветер слабый до умеренного. Что?.. Вы взгляните в окно... По-вашему, переменная облачность, а по-моему ливень... Я хочу знать, когда он закончится... *(Примирительно).* Кому же это известно? Господу богу?.. Тоже мне — покорители природы, не знаете даже, когда дождь закончится... Интересно, чем вы там занимаетесь?.. Что? *(Торопливо. Можно понять что ему хочется поговорить).* Минутку! Давайте с вами побалакаем, все равно от вашей работы никакого толку... Да вы, девушка, не сердитесь... Сорок лет?.. Ну что ж. Почему бы вам не вспомнить молодость? Мне?.. Да как вам сказать. Я девчонка совсем молодая, а душе моей тысяча лет... Слышали такую песенку?.. Что?.. Ах, вас вызывают... Жаль. Очень жаль.

Положил трубку. Улегся на тахту. Лежит на спине. Руки закинуты за голову.

Затемнение.

Свет на сцене зажигается.

Начинается воспоминание третье.

Квартира Зиловых. Тахта, несколько стульев, на подоконнике подаренный Верой кот. Ранний час утра. Галина спит, сидя за столом, на котором горит лампа и лежит большая стопа тетрадей.

Щелкнул дверной замок, Галина проснулась и подняла голову. Она в очках, которые сейчас сняла и положила на столе. Отвернулась к окну.

Появляется Зилов.

Зилов. Привет.

Галина. Доброе утро. *(Погасила лампу на столе).*

Зилов. А почему ты не спишь?..

Пауза.

Что, много работы?.. *(Снимает пиджак, бросает его на тахту).* Ты что, совсем не ложилась?..

Маленькая пауза.

Нет, нет. Нельзя так много работать. Мы не лошади. *(Садится на тахту).* Я падаю с ног. *(Зевает).* Нет, из этой конторы надо бежать, бежать... Ну сама посуди, разве это работа?.. Знаешь, где я был?..

Маленькая пауза.

Представь себе, в Свирске. Вчера после обеда — бах! Садись — поезжай. Куда? На фарфоровый завод. Зачем? Грандиозное событие: реконструировали цех. Изучить, обобщить, информировать научный мир. О чем? Заводик-то — ха! Промартель. Гиблое дело. Тоска... Нет, мне это не подходит. Я все-таки инженер, как-никак...

Маленькая пауза.

Я звонил тебе в школу, ты была на уроке... Нет, дома нам нужен телефон. Он просто необходим, согласись... Галка!..

Молчание.

Ты что, не хочешь со мной разговаривать?.. Странно...

Пауза. Он прилег на тахту.

Что случилось? Чем ты недовольна?.. Может, я в чем виноват, так скажи, сделай милость... Или, может, давно не получала писем от друга детства, а? Не пишет, что ли?.. Тогда при чем здесь я?.. Я устал и хочу спать. Дай мне поспать... Слышишь? Я спал всего два часа. На вокзале...

Маленькая пауза.

Нет, в чем дело? Может, ты мне не веришь?

Галина. Вечером тебя видели в городе.

Зилов. Что?.. Интересно... Кто это меня мог видеть?.. Меня, в городе, вечером... Чудеса!

Маленькая пауза.

А что ты называешь вечером? Если семь часов, то пожалуйста,— я объясню.

Галина. Ни одному твоему слову не верю.

Зилов (*подумал и оскорбился*). Ты это серьезно?

Галина. Не верю ни одному твоему слову.

Зилов (*спокойно*). Напрасно. Жена должна верить мужу. А как же? В семейной жизни главное — доверие. Иначе семейная жизнь просто немыслима. Так кто же это видел меня вчера в городе? Вернее, якобы в городе и якобы меня?..

Галина. Это не имеет значения.

Зилов. Нет, мы все должны выяснить, чтобы у тебя не было никаких подозрений. Кто и где меня видел?

Галина. В десять часов тебя видели в гастрономе.

Зилов. Кто?

Галина. Не все ли равно! Соседка тебя видела.

Зилов. Марья Васильевна?.. Она?.. Тогда все ясно. Она же близорукая. Подумай сама, она меня видела, а я ее нет. Да этого просто не могло быть. Старуха обозналась. (*Подходит к ней*). Галка, ты стала слишком подозрительной. Соседям ты веришь больше, чем мне. Как тебе не стыдно. (*Пытается ее обнять*).

Галина (*высвобождаясь*). Ты кажется устал...

Зилов. Ну и что?

Галина. Ну вот можешь меня не обнимать. Отдохни, раз устал.

Зилов. Ну не так уж я устал... (*Снова пытаясь ее обнять*).

Галина (*отходит от него*). Нет. Мне это неприятно. (*Не сразу*). И у нас с тобой больше этого не будет.

Маленькая пауза.

Зилов (*забеспокоился*). Что значит «не будет»?.. Что с тобой? Как ты на меня смотришь?.. Что такое?.. Так ты можешь смотреть на кого-нибудь другого, на насильника какого-нибудь. Я тебе муж как-никак... Ты даже собираешься родить мне ребенка...

Галина. Можешь не беспокоиться. Ребенка у нас не будет.

Зилов. Что?.. Что ты хочешь сказать?.. Ты была в больнице?

Маленькая пауза.

(Грозно). Говори! Ты была в больнице?

Галина. Можно подумать, что ты этого не хотел.

Зилов *(расходится)*. Что ты натворила!.. Как ты могла!.. Почему ты это скрыла?.. Говори!.. Ты не смела распоряжаться одна, слышишь?.. Ты понимаешь, что ты делаешь? Понимаешь?.. Нет, этого я тебе не прощу!

Галина. Перестань паясничать.

Пауза.

Зилов. Это ужасно... Ужасно, что ты со мной не посоветовалась.

Маленькая пауза.

А что теперь? Теперь уж не вернешь... *(Подходит к ней)*. Ты-то как? Нормально?..

Маленькая пауза.

Все будет хорошо, ты слышишь... В следующий раз ты шагу не сделаешь без моего совета. Да, да. Будешь находиться под моим наблюдением, не веришь?

Галина. Ни одному слову твоему не верю.

Зилов. Но почему?.. Ведь я же тебе верю.

Галина. А я тебе нет.

Зилов. Странно... *(Помолчав)*. Когда-то мы обещали друг другу верить, вспомни-ка. Друг другу, а не соседям... Может, этого не было? Или ты этого не помнишь?

Галина. «Когда-то»... Вспомнил. Мало ли что было когда-то.

Зилов. А разве что-нибудь изменилось?

Галина. Изменилось? Ну что ты. Просто все прошло.

Зилов. Слушай. Давай без паники.

Хотел к ней подойти, она отступила. Он уселся на стул посреди комнаты.

Ну кое-что изменилось — жизнь идет, но мы с тобой — у нас с тобой все на месте. Во всяком случае у меня к тебе все в целости-сохранности. Как шесть лет назад. Как в тот вечер. Надеюсь, ты его не забыла?

Галина. Сейчас утро, а не вечер. Брось. Ничего у нас не осталось.

Зилов. Да нет, все в порядке. А если что не так, все можем вернуть в любую минуту. Хоть сейчас. Все в наших руках.

Галина. Ничего мы не вернем.

Зилов. Не веришь?.. А вот мы сейчас посмотрим. Закрой глаза. Сейчас ты все увидишь. Закрой глаза.

Маленькая пауза.

Ну ладно, можешь смотреть. *(Осматривает комнату)*. Та-ак... Да, та была поменьше... Стол был здесь. *(Передвигает стол)*. Кровать — здесь. *(Передвигает тахту)*. Это *(взял с подоконника кота и бросил*

его под тахту) не годится... Что еще?... Вино — было вино... У нас нет вина?.. А жаль... Да! Цветы! Были цветы... Ты не помнишь какие?.. По-моему, подснежники. Ну да, ведь был апрель. Апрель?

Галина. Прекрати. И не трогай этого. Лучше не трогай.

Зилов *(обиделся)*. Не трогай? Что ты этим хочешь сказать? Для меня тот вечер — святая вещь. Праздник. И мы его вернем, ты увидишь... Цветы! *(Схватил со стола медную пепельницу, показал ее Галине)*. Подснежники. Я пришел к тебе с подснежниками.

Галина. Ты что, издеваешься?

Зилов. Да нет же! Как ты не можешь этого понять?.. Сядь сюда!.. Ну сядь, я тебя прошу... Когда я вошел, ты сидела у окна. Здесь. Садись... *(Усаживает ее силой)*.

Галина *(поднимается)*. Оставь, пожалуйста.

Зилов *(снова ее усаживает)*. Ты смотрела в окно... смотри в окно.. Оно было раскрыто. *(Раскрывает окно, отступил в глубь комнаты)*. Так. Что еще было?

Галина. Прекрати ради бога.

Зилов. Нет, бога не было, но напротив была церковь, помнишь?.. Ну да, планетарий. Внутри планетарий, а снаружи все-таки церковь. Помнишь, ты сказала: я хотела бы обвенчаться с тобой в церкви... А я что тебе ответил?..

Маленькая пауза.

По-моему, я тебя поцеловал?.. Так мы и сделаем: ты сейчас скажи это, про церковь, а я тебя поцелую.

Галина. Оставь меня, пожалуйста.

Зилов. Да, не будем забегать вперед. Ты смотрела в окно. Смотри в окно. Когда я вошел, ты оглянулась... Итак, я вхожу. *(Изображает)*. Ты оглядываешься. Оглянись... Нет, ты должна оглянуться. Когда ты оглянулась, и мы посмотрели в глаза друг другу, я понял, что все случится в тот вечер. А ты?.. Ты ведь тоже это почувствовала... Ладно. Все по порядку и не отвлекаемся. Я вхожу, ты оглядываешься. *(Кричит)*. Вхожу!

Галина невольно оглядывается.

Э, нет, не годится. Ты смотришь на меня, как на насильника. А взгляд был нежный, уверяю тебя... Попытайся... Я вхожу. *(Изображает)*. Вхожу... *(Громко)*. Галка!

Галина оглянулась.

Да... Ну ничего. Сойдет... *(Играет)*. Я не опоздал?

Галина. Опоздал. Ты должен был явиться вчера вечером, а не сегодня утром.

Зилов. Боже мой! Пойми, что сейчас ты не здесь, а там. Там. Понимаешь? В тот вечер. Давай...*(Изображает)*. Я не опоздал?

Галина молчит. Зилов подошел к ней и передал ей пепельницу (цветы).

Галина *(иронически)*. Спасибо.

Зилов. Кого ты здесь высматриваешь, признавайся...

Галина *(не сразу и насмешливо)*. Здравствуй, Витя, бывал ли ты когда-нибудь в церкви?

Зилов. Да. Раз мы заходили с ребятами. По пьянке. А ты?

Галина *(насмешливо)*. А я с бабушкой. За компанию.

Зилов. Ну и как?

Галина *(насмешливо)*. Да ничего. Я хотела бы обвенчаться с тобой в церкви.

Зилов пытается ее поцеловать.

Не лезь, пожалуйста.

Зилов. Нет, нет — «не лезь» — это не оттуда. Вспомни-ка, что ты тогда сказала...

Маленькая пауза.

(С горьким упреком). Вот видишь, ты ничего уже не помнишь.

Галина. Я-то помню, представь себе... *(Вспоминает с легкой насмешкой)*. Представь себе, мы поднимаемся по ступенькам, входим, а там тишина, горят свечи и все так торжественно...

Зилов. Точно! А потом я сел здесь. *(Садится)*. И спросил тебя... *(Изображает)*. Хозяйка дома?

Галина. Это было совсем не так. Тогда ты волновался...

Зилов *(играет)*. Хозяйка дома? *(Ждет, потом подсказывает)*. Нет, она на дежурстве... Ну!.. *(Играет)*. Хозяйка дома?

Галина *(задумчиво)*. Да... В тот вечер она была на дежурстве...

Зилов *(играет)*. Значит, сегодня ее не будет?

Он ее обнимает. Она его отстраняет, но весьма мягко. Она-таки увлекается воспоминаниями.

Значит ее не будет?

Галина. Ну, допустим, не так. Я сказала тебе.. *(Негромко, глубоким голосом повторяет те далекие слова)*. Пойдем куда-нибудь.

Зилов *(подхватывает)*. Нет.

Галина. Пойдем в планетарий. Мы ведь ни разу там не были.

Зилов. Нет.

Галина. Ну хочешь, я провожу тебя до общежития?

Зилов. Ты хочешь, чтобы я ушел?

Галина. Нет... Идем погуляем, прошу тебя... *(Отвлекаясь от воспоминаний)*. Ну что же ты? *(Подсказывает ему)*. Никуда я не пойду.

Зилов. Никуда я не пойду.

Галина. Почему?

Зилов. Потому что... *(Затрудняется.)* Потому что...

Галина *(нетерпеливо)*. Почему?

Зилов *(вспомнил)*. Потому что я тебя люблю.

Галина. А если мы немного погуляем, разве ты перестанешь меня любить?

Зилов (*неуверенно*). Нет, но я этого не переживу...

Галина (*свободно*). Пойдем, прошу тебя. Докажи, что ты меня любишь... (*Ждет, потом*). Ну что же ты? (*Взволнованно*). Говори же, говори!

Зилов (*фальшиво*). Я жить без тебя не могу.

Галина. Не так! Совсем не так! Неужели ты не чувствуешь?.. Ну!

Зилов (*неуверенно*). Милая...

Галина. Не то!

Зилов (*вопросительно*). Любимая?..

Галина. Нет!

Зилов (*роковым голосом*). Дорогая!

Галина (*с болью*). Нет! Нет! Нет!.. Неужели ты не можешь?

Зилов (*крутится*). Не волнуйся... Минутку, минутку... Сейчас все будет на месте... (*Наконец его осенило*). Вспомнил! (*Взял ее за руку*). Иди ко мне!

Галина (*освободила руку*). Нет! Ты не сказал мне самого главного.

Зилов. Неважно. (*Пытается ее обнять*).

Галина. Нет! Ты должен это вспомнить... Вспомни, прошу тебя!

Маленькая пауза.

(*С отчаянием*). Вспомнишь ты или нет?

Пауза. Она ждет.

Зилов. Черт возьми! Мало ли что мог мужчина сказать в такую минуту!

Галина (*почти с ненавистью*). Ты все забыл. Все!

Зилов. Ну хватит. (*Грубо*). Иди сюда. (*Силой привлекает ее к себе*).

Галина вырывается и медленно от него отступает. Молчание. Галина вдруг опускается на стул и плачет.

Зилов (*не сразу, с некоторым огорчением*). Ну вот... Вспомнили молодость.

Затемнение. Свет зажигается. Зилов, закинув руки за спину, лежит на тахте.

Занавес

Картина 4

Зилов ходит по комнате. Постоял у окна. Подходит к телефону, набирает номер.

Зилов. Дима?.. Это я, Зилов... Этот дождь, по-моему, никогда не кончится... Он будет лить сорок дней и сорок ночей. А что? Однажды, говорят, так уже было... Дима! Что, если поехать сейчас?.. А что?.. В

Ключах заночуем, а?.. Ну что нам топь?.. А если без коляски? Без коляски мы его перетащим, я ручаюсь... Никак? Скверно... Откровенно говоря, отвратительное настроение. Да одно к одному. А тут еще друзья меня порадовали... Еще не слышал?.. Ты знаешь, что они мне прислали?.. Венок... Венок!.. Ну натурально — для гроба, для могилы... Пошутили, мерзавцы... Тебе смешно?.. А мне, знаешь, не очень... Я человек впечатлительный, мне этот юмор теперь по ночам сниться будет... Друзья! Разве это друзья? Это оасовцы какие-то... Слушай, а ты не знал про эту штуку?.. Ну слава богу, хоть один есть приличный человек... *(С беспокойством)*. Дима! Я тебя вчера случайно не задирал? Ничего?.. Слава богу... *(С волнением)*. Старина, ты прости за глупый разговор, но скажи, старина, как ты ко мне относишься?.. *(Слушает)*. А я... Я так тебе скажу. После вчерашнего я остался один... Нет, чувствую, что один. И получается так, что ты — самый близкий мне человек... *(Принужденно смеется)*. Да нет, не в этом дело... В общем слава богу, что мы едем с тобой на охоту... *(Обычным тоном)*. Да я жду твоего звонка... Никуда не выхожу — жду.

Положил трубку, пошел по комнате, остановился. Стоит лицом к окну.
Затемнение. Круг поворачивается, зажигается свет.
Воспоминание следующее.
Бюро технической информации. З и л о в и С а я п и н. Саяпин что-то пишет.

З и л о в. Шестой час. Шабаш. *(Складывает бумаги в стол)*. Остановись. Последнее время ты работаешь, как машина.

С а я п и н. А что делать? Хорошо тебе рассуждать, ты человек с квартирой... Что ни говори, отдельная квартира — дело великое. Ну возьми хоть эту сторону. В чужой квартире все на виду, все на людях. Жена скандалит, а ты, если ты человек деликатный, терпи. А может, мне ее стукнуть хочется? Нет, действительно... Вот дадут нам квартиру, тогда мы еще посмотрим кто кого.

З и л о в *(смеется)*. На новоселье я подарю вам боксерские перчатки.

С а я п и н. Да, с квартирой ты человек свободный. Не нравится тебе эта контора — взял, махнул в другую.

З и л о в. Куда, например?

С а я п и н. Ну на завод или в науку, например. А что такого?

З и л о в. Брось, старик, ничего из нас уже не будет.

С а я п и н. Почему же?

З и л о в. А потому, что ты, как говорит мой папаша, ленив и развращен.

С а я п и н. А ты?

З и л о в. Я? *(Усмехнулся)*... Впрочем, я-то еще мог бы чем-нибудь заняться. Но я не могу. Желания не имею.

С а я п и н. Лично мне и здесь неплохо, но жена...

З и л о в. Нет, старик, наша контора для нас с тобой самое подходящее место. Дом родной.

Саяпин. Посмотрим. *(Убирает со стола бумаги).* У тебя какая программа? Мы идем на футбол.

Зилов *(разваливается на стуле).* Идите.

Саяпин. А пока *(достает из стола шахматную доску)* — успеем еще сгонять партию.

Зилов. Валяйте.

Саяпин. А футбол будет веселый. Наши и Красногорск. Не хочешь посмеяться? *(Набирает номер по телефону).*

Зилов. Не занимай телефон. Я жду звонка.

Саяпин *(по телефону).* Кузаков?.. Как настроение?.. Хочешь получить мат? Тогда иди, пока у меня есть время...

Зилов. Я жду звонка, слышишь.

Саяпин. Ты не забыл, я играю белыми... Ну живее. *(Положил трубку).* Кто тебе будет звонить? *(Расставляет шахматные фигуры).* Не та ли девочка?

Зилов. Ну и что?

Саяпин. Я вижу, ты взялся за нее капитально.

Зилов. Она мне нравится.

Телефонный звонок. Зилов снимает трубку.

Ира?.. Здравствуй, радость моя... Где ты?..

Саяпин. Любовь моя и радость, зачем ты не со мной...

Зилов. Я скучаю... Не веришь?.. Ну как я тебе докажу?.. Ну увидишь, как я похудел... Да, со вчерашнего вечера... А долго ли. Это все быстро делается... Ты где?.. Что?.. Из автомата?.. Тебе мешают?.. Кто тебе мешает?.. Пристают?.. *(Саяпину).* Пацаны. Вот видишь, она чересчур хорошенькая... *(По телефону).* Пошли их к чертовой матери. Пригрози милицией... И не смей им улыбаться, слышишь! В шесть я жду тебя в «Незабудке»... В «Незабудке» в шесть. Не опаздывай... Что?.. Ты не вздумай с ними разговаривать. Ни в коем случае. *(Положил трубку).* Скажи, как шпана обнаглела.

Саяпин. Я не могу понять — ты влюбился или ты над ней издеваешься?

Кушак *(появляется. В руках у него небольшая брошюра).* Вы что, посадить меня хотите?

Маленькая пауза.

Где вы взяли эту липу?

Маленькая пауза.

Кто из вас подсунул мне эту наглую дезинформацию?

Зилов. Шеф, что случилось?

Кушак. Ах, разумеется, вы ничего не знаете...

Зилов. Что, здесь *(показывает на брошюру)* есть какие-нибудь неточности?

Кушак. Неточности?.. Отлично сказано! Не думал, что вы такой скромный. Неточности! Да тут сплошное вранье! Ложь!

Зилов. А что именно?

Кушак *(тычет пальцем в открытую брошюру)*. Вот! Вот! Будто вы не знаете!

Зилов. Фарфоровый завод? Неужели?

Кушак. Никакой реконструкции там не было и нет!

Зилов. Что вы говорите?

Кушак. Здесь нет ни одного слова правды!

Зилов. Если так, то это действительно ужасно. Скандал! Как же это могло случиться? Будем выяснять, что ж делать?.. Сейчас... где у нас оригинал? *(Шарится в столе)*.

Кушак. Кто из вас этим занимался?

Маленькая пауза.

Зилов. Ну я.

Кушак. Зилов, вы не нравитесь мне все больше и больше.

Зилов. Что поделаешь. Может мне сменить прическу?

Кушак. Не острите, Зилов. Все это не так весело, как вам кажется, я вас уверяю. Садитесь и пишите объяснительную. *(Саяпину)*. Вы тоже.

Саяпин. Я?

Кушак. Вы. Именно, вы. Статью вы подписали оба. Оба будете отвечать.

Зилов. Он тут ни при чем.

Кушак. Так. Выходит, вы один тут виноваты?

Зилов. Выходит так.

Кушак. Я так и думал... Благородно с вашей стороны, очень даже благородно. Прекрасно вас понимаю. Настоящие друзья только так и поступают.

Зилов. Нет, я понимаю, что я его подвел...

Кушак *(иронически)*. Ага, значит, вы его подвели. Значит, так: вас надо наказать, а его следует поощрить. Правильно я вас понимаю?

Зилов. Ну что ж, вполне логично.

Кушак. Так, так. Хорошо у вас получается. Просто замечательно... Одно только нехорошо... Нехорошо, друзья мои, что других вы считаете глупее себя. Или это тоже хорошо?

Зилов. Это плохо.

Кушак. Плохо! Именно — плохо. Зачем вы его выгораживаете — это нам всем очень хорошо понятно. И мне в том числе... Так почему же, на каком таком основании я обязан быть глупее всех, вы не скажете? *(Зилову, в упор)*. Согласитесь со мной. Этот вопрос я должен был перед вами поставить. Рано или поздно.

Валерия появляется и останавливается у дверей. Они ее не замечают.

Зилов. Да, вопрос интересный...

Кушак. А дальше будет еще интереснее. Скажите, вас устраивает работа в нашем учреждении?

З и л о в *(не сразу)*. Да, вполне устраивает... А что, разве вопрос стоит так остро?

К у ш а к. Если ответственность за эту *(потряс в воздухе брошюрой)* вопиющую безответственность ляжет на вас на одного — я вас уволю.

Маленькая пауза.

Как видите, друзья-приятели, вам придется сказать правду... Так кто же этим занимался? Вы один? Или вы оба?..

С а я п и н. Я не в курсе этой статьи. Ее готовил Зилов. Я ему поверил.

К у ш а к. Так... *(Зилову)*. Ну, а вы теперь что скажете?

З и л о в. Я уже сказал. Статью готовил я.

К у ш а к. В таком случае вопрос исчерпан. *(Саяпину)*. Но выговор вы все-таки получите. Впредь никогда и ничего не подписывайте до тех пор, пока не прочтете внимательнейшим образом. Это азбучная истина. В свое время она была известна любому младенцу. Безобразие!

В а л е р и я. Здравствуйте!

К у ш а к. Добрый день.

В а л е р и я *(Кушаку)*. Что они тут натворили, а? Халтурщики! Вадим Андреич, их не ругать, их бить надо. Жаль, я слабая женщина...

К у ш а к. Да, я вынужден вам пожаловаться. Они допустили серьезную ошибку в работе. Я бы сказал — непростительную ошибку.

В а л е р и я. Вот как?.. Так взгрейте их как следует! Во всяком случае, мужа я прошу наказать со всей строгостью.

К у ш а к. Вашему мужу не хватает... м-м...

З и л о в *(подсказывает)*. Принципиальности.

К у ш а к. Вот именно!

В а л е р и я *(мужу)*. Обормот. *(Кушаку)*. Вадим Андреич, что бы вы с ним ни сделали — мне все доставит большое удовольствие.

К у ш а к. Мне очень жаль, но на этот раз действительно не обойтись без последствий.

В а л е р и я. Вадим Андреич! У меня блестящая идея! Лучшего наказания ему не придумать! Вы дадите им выговор, что угодно — им все трын-трава. Даже если их прогнать с работы — все равно — их ничем не прошибешь. Кроме одного...

С а я п и н. Что это, интересно?

В а л е р и я *(Кушаку)*. Сказать?

К у ш а к. Скажите, Валерия. У вас, слава богу, есть здравый смысл.

В а л е р и я *(о Саяпине)*. Его мы лишим футбола! На сегодня. А?

С а я п и н *(настроился на чужой тон)*. Слушай!

В а л е р и я. Да-да-да! Вместо футбола ты будешь сидеть здесь и будешь работать. Сверхурочно! Ты понял? А на футбол пойдем мы. Я и Вадим Андреич!

Зилов. Неплохо.

Валерия *(Кушаку)*. Как?

Саяпин *(в том же тоне)*. Ну знаешь, ты тут не распоряжайся...

Валерия *(Кушаку)*. Решено?

Кушак *(деланно смеется.)* Забавно, конечно... но в то же время... Это вроде бы не мера...

Валерия. Решено! Вы ведь тоже болельщик?

Кушак. Я?.. Да я как-то не особенно, не заядлый, а так, знаете, умеренный...

Валерия. Тогда вы не представляете, что значит для него футбол! Идемте! Поверьте, это будет ему настоящим наказанием.

Кушак. Но я право не знаю...

Валерия. Вадим Андреич! С ним все ясно, он занят, они оба заняты, не пойду же я одна, в конце концов!

Кушак. Нет, я... ничего, но, подумайте, ведь это можно по-разному истолковать...

Валерия. Вадим Андреич! Какие толки! Что тут толковать? *(Мужу)*. А ну скажи, что ты думаешь.

Саяпин. Вадим Андреич, к сожалению, у нас командует она. Ее не свернешь...

Валерия *(взяла Кушака под руку)*. Вадим Андреич, мы опаздываем. А Зилову, знаете, задержите ему отпуск. На недельку. Если он вовремя не попадет на охоту...

Зилов. Это не твоя забота.

Валерия. Этого он не переживет, как видите. *(Увлекает к двери растерявшегося Кушака)*. Ладно, мы торопимся.

Кушак *(в дверях)*. Смотрите, Валерия. Если вы думаете, что теперь им все сойдет с рук — вы ошибаетесь.

Валерия. Еще бы. Каждому — по заслугам. Так что не надейтесь.

Саяпин *(не без гордости)*. Видал?

Зилов. Да, с ней не пропадешь.

Саяпин. Подруга жизни.

Зилов. Да уж, подобралась у вас семейка. И ты-то молодец...

Саяпин. Старик, он тебя не уволит... Старик, пойми! У меня же квартира горела! На твоих глазах! Неужели не понимаешь?

Голос за дверью: «Телеграмма».

Зилов выходит и тут же возвращается с телеграммой в руках. На ходу он раскрыл телеграмму — и вдруг останавливается. Некоторое время стоит неподвижно.

Саяпин. Что случилось?

Зилов. Умер отец.

Он садится на стул, опустил голову.

На этот раз старик не ошибся...

Пауза.

Саяпин. Когда?

Зилов. Вчера, в шесть часов...

Маленькая пауза.

Батя, батя... Если бы я знал..

Пауза. Он поднимается, набирает номер по телефону.

Галка... Умер отец... Да... Да... У тебя есть деньги?.. Неси, какие есть. Я уезжаю... Сегодня... Сейчас... Да... Жду тебя в конторе. Жду... *(Положил трубку)*.

Саяпин. Успеешь?

Зилов. Должен успеть... Пять часов самолетом, на пароходе полсуток, а там на автобусе... Надеюсь, что успею.

Саяпин. Да-а... Теперь он тебя наверняка не уволит.

Зилов. Что?

Саяпин. Я говорю, такое несчастье — не уволит, не имеет права.

Появляются Кузаков и Вера. Зилов сидит, опустив голову.

Кузаков. Привет, алики!

Маленькая пауза.

Что грустите, что невеселы, соколики, или выпить захотели, алкоголики? *(Проходит, садится за шахматную доску)*. Ну-с гроссмейстер...

Саяпин. Подожди. Тут не до игры.

Кузаков. А что случилось?

Вера. Они разочаровались в жизни.

Кузаков. Что ж. Может, они и правы. Жизнь в основном проиграна.

Саяпин показывает Кузакову телеграмму.

Вера *(Зилову)*. Алик, что с тобой? Похмелье, что ли? Головка болит?

Зилов. Замолчи, дура.

Вера. Он действительно не в духе.

Зилов. Заткнись, тебе говорят!

Кузаков *(Вере)*. Оставь его.

Зилов *(Вере)*. Зачем ты сюда явилась? Чего тебе здесь надо?

Кузаков. Она пришла со мной.

Зилов. Водить по учреждениям, ты мог бы найти что-нибудь поприличнее.

Маленькая пауза.

Вера *(Кузакову)*. Ну? Что ты ему на это ответишь?

Кузаков молча протягивает Вере телеграмму. Траурная музыка. Затемнение. Круг поворачивается.

Музыка умолкает. Зажигается свет.

Воспоминание продолжается.

Кафе «Незабудка». Зилов и Галина останавливаются у входа в кафе.

Зилов. А теперь ты иди.

Галина. Не успеешь зайти домой?

Зилов. Зачем?

Галина. Собраться.

Зилов. Какие сборы? Я еду не на именины... Ну иди, иди домой.

Галина. Все-таки, может быть...

Зилов. Что?

Галина. Может, мы поедем вместе?

Зилов. Нет, нет, решено, я еду один.

Галина. Я думала, так будет лучше...

Зилов. Как?

Галина. Если я поеду с тобой.

Зилов. Чем лучше?.. Тут ничем не поможешь... Сколько времени?

Галина. Без двенадцати шесть.

Зилов. До свиданья. Мне пора на самолет. Я загляну сюда, мне надо немного выпить... До свиданья.

Он отходит от кафе, садится за столик. Галина стоит у входа.

Дима!

Появляется официант.

Официант *(Галине)*. Привет, Галка... Проходи, гостьей будешь. *(Подошел к Зилову)*. Привет, Витя.

Зилов. Привет, Дима. Принеси пожалуйста водки.

Официант *(негромко о Галине)*. Витя, почему твоя жена со мной не здоровается?.. Мне конечно, все равно, но невежливо как-то с ее стороны... Сколько водки?

Зилов. Двести.

Официант уходит. Галина подходит к столику.

Ты еще здесь?

Галина. Я посижу с тобой. *(Садится)*. Пока ты здесь.

Зилов. Я хочу быть один, ты понимаешь?

Галина. Не понимаю. Мне казалось, что именно сейчас...

Зилов. Именно сейчас я хочу остаться один.

Маленькая пауза.

Галина.. Да, я понимаю. Твоему отцу я была чужая... И тебе я давно чужая... Я тебе хотела сказать, давно хотела сказать... Я получаю письма...

Зилов. Какие письма?

Галина. Я получаю письма каждый день.

Зилов. Да?.. От кого интересно?.. От друга детства, конечно?

Галина. Он меня любит.

Маленькая пауза.

Зилов. Ну, а как ты к нему относишься?

Галина. Я не знаю... Но так, как у нас, так больше невозможно.

Зилов. И ты решила сказать мне об этом именно сегодня?

Галина. Я тебе не нужна. Скажи правду.

Зилов. И тебе не совестно?.. У тебя переписка, шашни, черт знает что, и это ты преподносишь мне именно сегодня! В тот самый день, когда у меня умер папа... Ну спасибо, тебе, утешила.

Маленькая пауза.

Галина. Наверное, я виновата, но я больше не могу... Прости, если виновата.

Зилов. Да нет, ты не стесняйся! Чего там! Продолжай! Рассказывай.

Галина. Мне нечего рассказывать.

Зилов. Нечего?.. Не знаю, не знаю. Не уверен. Ты молчала, значит, ты уже меня обманывала. Откуда же мне знать, что там у вас на самом деле!

Галина. Перестань, что ты выдумываешь.

Зилов. Я выдумываю? Ты сама сказала, что уже не знаешь, кого ты любишь.

Галина. Это неправда!

Зилов. Ты понимаешь, до чего ты дошла? И чтобы такую женщину я привел на могилу своего отца? Никогда! Уходи, я не желаю тебя видеть!

Галина. Ты с ума сошел! Сам не знаешь, что ты говоришь...

Зилов. Уходи, я тебе говорю! И вообще можешь не показываться! Можешь ехать к своему другу — пожалуйста! Желаю счастья.

Галина. Да что с тобой?.. Я не давала ему никакого повода. Я давно ему не отвечаю... Я написала ему всего два письма.. Всего два письма. Как же ты можешь?..

Зилов. (*вдруг спокойно*). Ладно... Я психанул, извини... Нервы сдают. Должна понять, в каком они у меня состоянии...

Галина. Я сама виновата. Ты меня прости...

Зилов. Ладно, ты не обижайся... Я ведь чувствовал, что мне надо остаться одному...

Маленькая пауза.

И все-таки ты иди домой, хорошо?

Галина (*поднимается*). Хорошо.

Зилов. И не сердись.

Галина. Я не сержусь. Когда ты вернешься?

Зилов. Когда?.. Я думаю, через неделю-полторы.

Галина. Плохо, что я тебя не собрала. Ты даже без плаща.

Зилов. Ничего, обойдусь... (*Подходит к ней, поцеловал ее в щеку*). До свиданья.

Галина уходит. Пауза. Появляется официант.

Зилов. Сколько времени?

Официант. Без пяти шесть... Закусить ничего не надо?

Зилов. Нет... Дима, выпей со мной.

Официант (*садится*). Спасибо, Витя, но на работе я — ни грамма. Это мой закон, ты знаешь. (*Не сразу.*) Ну как? Считаешь денькито? Сколько там у нас осталось?.. Мотоцикл у меня на ходу. Порядок... Витя, а лодку-то надо бы просмолить. Ты бы написал хромому... Витя!

Зилов. Да?

Официант. Я говорю насчет лодки. Написать бы туда надо.

Зилов. Я уже все сделал. Лодка на воде.

Официант. Молодец.

Зилов. Да, ведь восемнадцать дней осталось. Пустяки... (*Молчит*).

Официант. О чем грустишь?

Зилов. Несчастье, Дима, у меня.

Официант. А что такое?

Зилов. Старика еду хоронить...

Официант (*не сразу и сочувственно*). Понятно...

Маленькая пауза. Зилов выпивает.

Дело печальное...

Зилов. Скверно, Дима... Хреновый я был ему сын. За четыре года ни разу его не навестил...

Официант. Н-да...

Зилов. Теперь вот повидаемся...

Официант. Далеко?

Зилов (*утвердительно качает головой*). Боюсь, не успею... (*Не сразу*). Сколько с меня?

Официант. Рубль шестьдесят.

Зилов (*достает деньги*). Да. Я тебе должен три рубля...

Официант. Три двадцать, Витя.

Зилов. А, извини... Вот. (*Отдает деньги*). Спасибо.

Официант (*поднялся, прикинул на счетах*). Тридцать пять копеек с меня.

Зилов махнул рукой.

Благодарю.

У входа появляется Ирина.

Зилов (*официанту*). Пока, Дима.

Официант. Пока. Держись, старик, не падай духом. (*Уходит.*)

Ирина (*подходит*). Добрый вечер.

Зилов. Иди сюда. Садись.

Ирина садится, дурашливо сложила руки на столе, выпрямилась, подняла голову, все как за партой. Рассмеялась. Зилов положил на ее руки свою ладонь.

Зилов. Ну? Как ты себя вела?

Ирина. Я послушная девочка. Я вела себя как ты велел.

Зилов. Ты умница. А та шпана?.. Ну, у телефона?

Ирина. Ой! Я еле от них убежала. Они сумасшедшие. Сначала они не выпускали меня из телефонной будки.

Зилов. Вот мерзавцы.

Ирина. Да нет, они сумасшедшие. Они меня не выпускают, а я им говорю, пустите, а то я вас обругаю. Потом один говорит, не ругайся, пойдем с нами, у меня, говорит, день рождения. Врет, наверное. Я говорю: я иду на свидание. А они, все равно, говорят, мы тебя проводим. Ну разве не сумасшедшие? (*Без паузы*). А ты меня обманул. Ты не похудел. Нисколько. Но ты грустный.

Зилов. Я уезжаю.

Ирина. Когда?

Зилов. Сейчас. Попрощаемся и на самолет.

Маленькая пауза.

Ирина. Обязательно надо?

Зилов. Обязательно.

Ирина. Тогда поезжай. А я буду тебя ждать. А долго ждать?

Зилов. Долго. Целую неделю.

Появляется Галина. В руках у нее плащ и портфель. Она входит быстро, но сделавши несколько шагов к столику, где сидят Зилов и Ирина, останавливается.

Маленькая пауза. Галина смотрит на них, они на нее. Рука Зилова все еще лежит на руках Ирины.

Галина подходит к ближайшему стулу, оставляет на нем плащ и портфель. И вдруг быстро уходит.

Маленькая пауза.

Ирина. Кто это?

Маленькая пауза.

Зилов. Это моя жена.

Ирина. (*поражена*). Жена?..

Зилов. Да, я женат...

Пауза.

Так... Ты потрясена. Убита... Для тебя все кончено...

Маленькая пауза.

Ну?.. Можешь назвать меня мерзавцем, можешь встать и уйти... Делай, что хочешь.

Маленькая пауза.

Все кончено, неправда ли?.. А? Что же ты молчишь?.. Ты не знаешь, что говорят в таких случаях? Пожалуйста, я тебя научу...

Ирина. (*тихо*). Нет...

Зилов. Что «нет»? Говорю тебе, я женат... Разве это ничего не меняет?

Ирина. Да, это ничего не меняет... Все равно...

Зилов (*садится с нею рядом, обнимает ее*). Радость моя! Ты белая, как стенка, успокойся, все это ерунда. Я женат — в самом деле,

расписан — действительно, но мы с ней давно уже чужие люди, друзья, добрые друзья. Не больше.

Ирина. Это правда?

Зилов. Я мог бы все рассказать в первый день, но зачем, подумай?.. Ну что ты? Если бы я хотел тебя обмануть, я бы сегодня тебя обманул, сейчас. Сказал бы, что она моя сестра...

Ирина. Сначала я чуть не умерла... А потом я почувствовала, что мне все равно, женат ты или нет. И мне стало страшно.

Зилов. Бедная девочка! Прелесть моя! Ты понятия не имеешь, какая ты прелесть...

Маленькая пауза. Зилов целует Ирине руку. Она смущенно поглядывает по сторонам.

Ирина. Я хочу есть.

Зилов. Прекрасная мысль. Сейчас мы поужинаем. И выпьем чего-нибудь, верно? (*Громко.*) Дима!..

Ирина. А твой самолет? Ты успеешь?..

Зилов (*помрачнел*). Да, ты права... Я должен торопиться...

Появляется официант.

Официант (*Зилову*). Ты меня звал?

Зилов. Да...

Маленькая пауза.

(*Нерешительно.*) Что-нибудь поесть и вина... Немного.

Официант. Поесть — что именно?

Зилов (*Ирине*). Что ты желаешь?

Ирина. Что ты, то и я.

Зилов (*вдруг решительно*). Бифштексы. Что-нибудь холодное, вина бутылку и коньяку — двести. Все.

Ирина. Не опоздаешь на самолет?

Зилов. Я еду завтра. (*Официанту.*) Ты все понял?

Официант. Все ясно.

Траурная мелодия, которая внезапно обрывается и после секундной паузы сменяется своим развязным вариантом.

Круг поворачивается, музыка умолкает, зажигается свет. Зилов стоит посреди своей комнаты. Лицо его обращено к окну.

Занавес

Картина 5

Зилов набирает номер телефона.

Зилов. Общежитие?.. Будьте добры, позовите из сороковой комнаты Ирину.. Что?... А давно?.. С вещами?.. Поступила она в институт,

вы не знаете?.. Сегодня?.. Минутку! У вас нет телефона приемной комиссии?.. Два двадцать один тридцать семь... Спасибо. (*Нажимает на рычаг, потом снова набирает номер*). Два двадцать один тридцать семь... Приемная комиссия?.. Вас беспокоят из редакции.. Кузаков... Да, Кузаков... У нас к вам просьба. К вам на первый курс поступала Рожкова Ирина Николаевна... Рожкова. Факультет английского языка... Что с ней — поступила или нет? Узнайте, пожалуйста... Да, срочно... Телефон? Пять двадцать сорок восемь... Минут через двадцать?.. Хорошо, я жду.

Положил трубку. Сидит у телефона.

Затемнение. Сцена освещается.

Воспоминание следующее.

Квартира Зилова. На виду две комнаты разделены стеной и дверью. В одной комнате Зилов, сидя за столом, на котором у него весы, различные коробки, гильзы, занимается охотничьими приготовлениями. В этой комнате в глаза бросается ружье, деревянные утки, большая фотография Зилова, запечатленного на лоне природы, в охотничьем снаряжении и увешанного добычей.

В другой комнате, где происходило новоселье, Галина занята сборами в дорогу. Здесь на видном месте новенький телефон.

Галина заканчивает сборы, закрывает чемодан, присаживается и сидит молча.

Зилов выходит из своей комнаты.

Зилов. Собралась?.. Ну что ж. Присядем на дорогу. (*Садится.*) Ты подала телеграмму?

Галина. Да...

Зилов. Тебя встретят?

Галина. Да, встретят...

Зилов. А ты уверена, что они дома?

Галина. Они?.. Да, кто-нибудь из них всегда дома.

Зилов. Отдохни как следует. Пусть по грибы тебя сводят, по ягоды... Дядя твой не охотник?

Галина. По-моему, нет...

Зилов. А как там с охотой? Не знаешь?

Галина. По-моему, хорошо. Там прекрасный лес, озера... (*Вдруг.*) Поедем.

Зилов. Туда? На охоту?

Галина. Нет, я пошутила. Я тебя не возьму... Отдыхать так отдыхать.

Зилов. Верно, лучше мы разъедемся... Ненадолго.

Галина. Да, лучше разъедемся...

Зилов. Охота скоро начинается, так что бросаться сейчас на новое место не годится. Я ждал целый год и не могу рисковать.

Галина. Да... Зачем рисковать...

Пауза. Галина поднялась.

Знаешь, ты меня не провожай. Чемодан легкий... Я возьму такси.

Зилов. Как хочешь... Когда тебя ждать?

Галина. Ждать?.. Разве ты будешь меня ждать?

Зилов. А как же? Когда ты приедешь?

Галина. Приеду... когда-нибудь.

Зилов. Когда-нибудь? Что это значит?

Галина. Да нет, я пошутила. Приеду через месяц... Ну, давай прощаться.

Они целуются.

Счастливо тебе... Вспоминай меня. Иногда... Ну, привет.

Зилов. Привет... Будешь возвращаться, обязательно подай телеграмму. Слышишь?

Галина (*на пороге*). Да, обязательно.... (*Уходит.*)

Зилов на две секунды присел, задумался, потом прошелся по комнате, взглянул в окно, снова прошелся, потом, усевшись на тахту, набрал номер по телефону.

Зилов. Общежитие?.. Будьте любезны, пригласите из сороковой комнаты Ирину... Рожкову, Ирину Николаевну... Некому идти?.. Не может быть. Я звоню по делу из института... Проректор... Да, проректор... Будьте так любезны... Жду... (*Улегся на диван.*)

Пауза.

(*Чужим голосом.*) Товарищ Рожкова?.. Ирина Николаевна, если я не ошибаюсь... Вас беспокоит проректор... Видите ли у нас тут возник один вопрос... Вы комсомолка?.. Нет?.. А почему?.. Это не объяснение... Может быть, вы в бога верите?.. Тогда во что же вы верите?.. А кто по-вашему, должен знать? Я что ли? Серьезней надо быть, товарищ Рожкова, серьезней... Ну хорошо, в институт мы вас все-таки принимаем, даем вам стипендию.. повышенную. Да, повышенную. И знаете почему?.. За красивые глаза... Они у вас голубые, если мне память не изменяет... (*Своим голосом.*) Здравствуй, моя радость... (*Смеется.*) Ну, конечно, я... Ты поверила?.. Ну не ругайся... Увидишь, все так и будет... Я дома... (*Деловито.*) Ты вот что. Давай быстренько ко мне... Прямо сейчас... Да... Я один... Один, как перст... Она уехала... Пока на месяц... Никаких, я тебя жду.... Очень просто. Я же тебе показывал.... Да, второй от остановки... Зеленый балкон, совершенно верно... Этаж пятый, квартира двадцатая... двадцатая... Жду... (*Положил трубку, прошелся по комнате, уселся на подоконник.*)

Появляется Галина.

Зилов. Что случилось?.. Что-нибудь забыла?

Галина. Нет, я вернулась, чтобы... Я хочу сказать тебе правду. Я уезжаю насовсем.

Зилов. Насовсем?

Галина. Да.

Маленькая пауза.

Зилов. «Насовсем» — это как понимать? Навеки, навсегда, так что ли?

Галина. Так... Навеки, навсегда.

Зилов. Ты это серьезно?

Маленькая пауза.

И давно ты это надумала?

Галина. Да.

Зилов. Выходит, ты могла уехать — и ни слова?

Галина. Не смогла, как видишь...

Зилов. И ты уверена...

Галина (*перебивает*). Меня ждет такси. Прощай.

Зилов. Подожди. Так такие дела не делаются. Собираешься навеки, и даже не поинтересовалась, что я об этом думаю.

Галина. Прошу тебя, не надо больше никаких разговоров. Зачем? Мы уже все сказали... за шесть лет... Я больше не могу... Прощай.

Зилов. Нет, так не пойдет. «Навсегда», «навеки», «прощай» — это ты выбрось из головы. Ты едешь на месяц, ровно на месяц.

Галина. Я опоздаю на поезд.

Зилов. Плевать на этот поезд. Дай слово, что ты вернешься. Иначе я тебя не пущу... Дай слово и оставь мне адрес, слышишь?

Галина. Какой тебе адрес?

Зилов. Какой?.. Твой, конечно. Адрес твоего дяди, какой еще?

Маленькая пауза.

Галина. Я еду не к дяде.

Зилов. Что?.. Куда же ты едешь? К кому? К другу детства?

Маленькая пауза.

К нему?

Галина. Да.

Маленькая пауза.

Зилов (*вскипает*). Так вот оно что...

Галина. Брось. Хватит тебе прикидываться. Куда я еду, к кому— тебе это все равно. И не делай вида, что тебя это волнует. Тебя давно уже ничего не волнует. Тебе все безразлично. Все на свете. У тебя нет сердца, вот в чем дело. Совсем нет сердца...

Зилов (*трясет ее*). А у тебя, дрянь такая, у тебя есть сердце? А? Где оно? Где оно, я тебя спрашиваю? Покажи мне его, если оно у тебя есть!

Галина. Пусти меня.... Пусти.

Зилов. Ах, ты торопишься... Я понимаю, тебе не терпится наставить мне рога?.. Ну уж нет, черт возьми! (*Тащит ее в другую комнату.*) Не так-то это просто! (*В другой комнате усадил ее на стул*). Сядь и не шевелись! Шлюха! (*Выходит на балкон, кричит.*) Эй, шеф!... Шеф!.. Эй! Будьте любезны, позовите водителя!..

Галина сидит, опустив голову.

Когда появится, скажите ему, чтобы поднялся на пятый этаж... Будьте любезны...

Галина вдруг поднимается и выходит в первую комнату.

И пусть прихватит чемодан!.. Спасибо!..

Он оборачивается, бежит к двери, но в это время Галина закрыла ее на ключ.

Открой! (*Стучит.*) Открой немедленно! (*Разбегается, ударил дверь плечом. Безуспешно.*) Открой!.. Открой — хуже будет!..

Галина, опустившись перед дверью на пол, плачет.
Зилов мгновение постоял молча.

Открой, добром тебя прошу... Не доводи меня, пожалеешь..

Галина плачет громче. Зилов некоторое время стучит, потом прекращает стучать. Постоял молча.

Ну ладно, открой. Я тебя не трону... А этого друга, слышишь, я его убью... Открывай!.. Никуда ты не уйдешь... Это просто немыслимо.

Галина поднялась, вытерла слезы.

Не забывай, ты моя жена... Когда я услышал от тебя такое — удивляюсь, как я тебя не задушил. (*Помолчал.*) Послушай! Я хочу поговорить с тобой откровенно. Мы давно не говорили откровенно — вот в чем беда...

Галина тихо уходит. Он говорит искренне и страстно.

Я сам виноват, я знаю. Я сам довел тебя до этого... Я тебя замучил, но, клянусь тебе, мне самому противна такая жизнь.. Ты права, мне все безразлично, все на свете. Что со мной делается, я не знаю... Не знаю... Неужели у меня нет сердца?... Да, да, у меня нет ничего — только ты, сегодня я это понял, ты слышишь? Что у меня есть, кроме тебя?.. Друзья? Нет у меня никаких друзей... Женщины? Да, они были, но зачем? Они мне не нужны, поверь мне... А что еще? Работа моя, что ли? Боже мой! Да пойми ты меня, разве можно все это принимать близко к сердцу! Я один, один, ничего у меня в жизни нет, кроме тебя. Помоги мне! Без тебя мне крышка... Уедем куда-нибудь! Начнем сначала, уж не такие мы старые...

Появляется Ирина.

Ты меня слышишь?

Ирина останавливается.

Слышишь?

Ирина. Да...

Зилов. Я возьму тебя на охоту. Хочешь?

Ирина. Хочу.

Зилов. Вот и прекрасно... Знаешь, что ты там увидишь? Такое тебе и не снилось, клянусь тебе. Только там и чувствуешь себя человеком. Я повезу тебя на лодке, слышишь? Ведь ты ее даже не видела. Я повезу тебя на тот берег, ты хочешь?

Ирина. Да...

Она прониклась его волнением, стоит перед дверью, не шелохнувшись.

З и л о в. Но, учти, мы поднимемся рано, еще до рассвета. Ты увидишь, какой там туман — мы поплывем, как во сне, неизвестно куда. А когда поднимается солнце? О! Это как в церкви и даже почище, чем в церкви... А ночью? Боже мой! Знаешь, какая это тишина? Тебя там нет, ты понимаешь? Нет! Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет... И уток не увидишь. Обязательно. Конечно, стрелок я неважный, но разве в этом дело?.. На охоту я не взял бы с собой ни одну женщину. Только тебя... И знаешь почему?.. Потому что я тебя люблю... Ты слышишь?.. Открой же меня!

И р и н а. Открыть?.. Разве ты закрыт?

Зилов толкнул дверь.

В самом деле.

Ирина повернула ключ. Зилов распахнул дверь. Пауза. Зилов поражен, растерян.

Что ты так на меня смотришь?

Маленькая пауза.

З и л о в. Черт возьми!.. Ты просто королева!.. Какое платье! Чудо! Где ты его взяла?

И р и н а. Это?... Но оно старое... Я вчера была в нем и позавчера...

З и л о в. Не может быть... Все равно, сегодня ты особенная... Такую я тебя еще ни разу не видел.

И р и н а (*рада*). Это правда?.. А кто тебя закрыл?

З и л о в. Закрыл?.. Ах, закрыл! Сосед... Взрослый человек и все придуривается.

И р и н а. Ты в самом деле так меня любишь?

З и л о в. Как?

И р и н а. Так, как ты говорил.

З и л о в (*обнимает ее*). Ты что, сомневаешься?

И р и н а. Нет... Как ты меня узнал? Неужели ты знаешь мои шаги?

З и л о в. Конечно. Я тебя ждал. Но если признаться честно, я увидел тебя с балкона.

И р и н а. А твоя охота, она далеко?

З и л о в. Что?.. Да, да, очень далеко. Безумно далеко.

И р и н а. Отец тоже брал меня на охоту... Я поеду с тобой, что бы ни было. Поступлю или нет — все равно. А когда?

З и л о в. Что когда?

И р и н а. Когда мы поедем на охоту?

Зилов вдруг начинает смеяться.

Почему ты смеешься?

Он смеется, не может ответить.

Что с тобой?.. Почему ты смеешься?

З и л о в (*сквозь смех*). Нет, нет... Не обращай внимания.... Это так... Вспомнил кое-что... Сейчас... Сейчас... (*Перестал смеяться*). Ну вот и все.

Ирина *(испуганно)*. Ты не надо мной смеялся?

Зилов. Ну что ты. Конечно, нет. Просто я вспомнил... Вспомнил один анекдот. Вчера в конторе рассказали. Неожиданно вспомнил. Бывает же так.

Ирина. Расскажи.

Зилов. Что?

Ирина. Анекдот расскажи.

Зилов. Да не стоит.

Ирина. Нет расскажи.

Зилов. Ну хорошо... Муж уехал в командировку... Или нет, жена уехала в командировку... Да ну его к черту!

Ирина. Нет расскажи.

Зилов качает головой: нет.

Но почему?

Зилов. Тебе нельзя. Этот анекдот нехороший. Мерзкий анекдот.

Ирина. Когда же мы поедем на охоту?

Зилов. Скоро. Скоро поедем.

Затемнение. Из темноты слышны телефонные звонки. Зажигается свет. Зилов сидит у телефона. Телефон звонит. Зилов, очнувшись, хватает трубку.

Зилов. Да... Да... Что? Взяла документы?.. Не прошла по конкурсу — вы это точно знаете?.. Минутку! Когда она взяла документы?.. Ясно?... Нет, минутку! У меня к вам большая просьба... Скажите, вы ее знаете?.. Так вот, если случайно она еще к вам зайдет, передайте ей... ну вдруг!.. Передайте ей, что звонил Зилов... Зилов. И что он умоляет ее позвонить... Да, умоляет. Так и передайте... *(Положил трубку.)* Уехала...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина 6

Квартира Зиловых. На столе огромный рюкзак и ружье в брезентовом чехле. За окном по-прежнему дождь.

Зилов разговаривает по телефону. Сейчас он в свитере, в широких брюках, босой, на голове у него кепка. На тахте лежит телогрейка, на полу охотничьи сапоги.

Зилов. Нет, больше не могу... Знаешь, Дима, я плохой охотник, но видит бог, я не плохой товарищ, я бы не стал, как ты... Нет, ждать не буду... Не могу... Ладно, бог с тобой и с твоим мотоциклом... Да, прямо сейчас... Да, по дождю... Как-нибудь... До Ключей автобусом, а там пешком. Да так. Не знаешь, как ходят пешком?.. Правильно, значит ты еще не забыл... Что?.. Лодка?.. Как всегда — пожалуйста... Ну моя, ну и что из этого? Пополам, как обычно... Да, нет, лодки мне

не жалко, зря беспокоишься... Минутку, Дима, минуточку!.. Я хотел тебя спросить... спросить.. подожди... подожди... Да! Слушай, не ты ли это двинул мне вчера по скуле?.. Да вот никак не вспомню... Да нет, при чем тут подозрения, просто сравниваю... Ну если б знал, не спрашивал бы... Ну извини, не придавай этому значения... Да так, интересно все-таки... Ладно, извини, еще раз, — не обижайся... Ладно, там увидимся... Увидимся... Привет...

Положил трубку. Собирается. Сел, натягивает сапоги. Стук в дверь.

Да!

Голос за дверью: «Телеграмма».

Зилов поднимается, входит в прихожую, возвращается, развернул телеграмму, читает ее вслух.

Зилов. «Дорогой алик... Выражаем глубочайшее соболезнование по поводу преждевременной кончины нашего лучшего друга Зилова Виктора Александровича.... Группа товарищей...»

Пауза.

Группа товарищей... Ну-ну....

Он медленно рвет телеграмму. Звучит музыка — причудливое чередование траурной мелодии с ее веселой вариацией. В темноте круг поворачивается. Свет зажигается, музыка умолкает, начинается воспоминание последнее.

Кафе «Незабудка». Сдвинуты два стола. Зилов и официант. Официант накрывает на стол. Зилов сидит во главе стола. Он в черном костюме, торжественный и возбужденный.

Зилов. Ну так... И пару шампанского. А как же? Праздник у нас или нет?

Официант. Сколько будет человек?

Зилов. Семь. Семь персон.

Официант. Кто да кто?

Зилов. Все те же. Друзья! А кто еще?.. Откровенно говоря, я и видеть-то их не желаю.

Официант. Поссорился?

Зилов. Поссорился?.. Вроде бы да... А может, и нет... Да разве у нас разберешься?.. Ну вот мы с тобой друзья. Друзья и друзья, а я, допустим, беру и продаю тебя за копейку. Потом мы встречаемся и я тебе говорю, старик, говорю, у меня завелась копейка, пойдем со мной, я тебя люблю и хочу с тобой выпить. И ты идешь со мной, выпиваешь. Потом мы с тобой обнимаемся, целуемся, хотя ты прекрасно знаешь, откуда у меня эта копейка. Но ты идешь со мной, потому что тебе все до лампочки, и откуда взялась моя копейка, — тебе тоже наплевать... А завтра ты встречаешь меня — и все сначала... Вот ведь как. А ты говоришь поссорился... Просто я не желаю их видеть.

Официант. Тогда зачем ты их пригласил?

Зилов. Да так, для души.

Официант. Не понимаю.

Зилов. Для полноты счастья. Сам подумай, какая разница: сегодня я гляжу на эти рожи, а завтра я на охоте.

Официант. Чудишь, старичок...

Зилов. Завтра мы отправимся пораньше, верно? Часиков бы в шесть, а, Дима?.. Если выедем рано, к вечеру будем на месте.

Официант. Успеем. Официально охота разрешается послезавтра.

Зилов. В том-то и дело. Значит, завтра надо быть там. А как же? Иначе мы пропустим первое утро.

Официант. Не волнуйся, мы успеем.

Зилов. Черт возьми! Какие-то сутки — и мы с тобой уже в лодке, а? В тишине. В тумане. Выпей, Дима. Выпей за первое утро.

Официант. Витя, не уговаривай. Я на работе.

Зилов. Да ведь последний вечер. Считай, что уже в отпуске.

Официант. Я сказал: нет. Мне отчитываться, деньги сдавать, и вообще ты мой закон знаешь.

Зилов. Да наплюй ты на свой закон. (*Подает официанту стакан.*) Одну. За первое утро.

Официант. Ни одной. Завтра — пожалуйста. Хоть сто порций.

Зилов. Ладно... Говоря по совести, этот кабак мне опротивел. Мы не увидим его целый месяц. И слава богу... Итак, за утиную охоту. (*Выпивает.*) У меня предчувствие, что на этот раз мне повезет.

Официант. Предчувствие — побоку. Если не можешь стрелять, предчувствия не помогут. Как мазал, так и будешь.

Зилов. Дима, ну сколько я могу мазать? Неужели и в этот раз?

Официант. Витя, я тебе сто раз объясняю: будешь мазать до тех пор, пока не успокоишься.

Зилов. Да, что это такое? «Не волнуйся», «успокойся»! Дима, шутишь ты надо мной, что ли? Я понимаю, нужен глаз, рука, как у тебя...

Официант. Витя, глаз у тебя на месте, и рука нормальная, и все ты понимаешь, но как дойдет до дела — ты не стрелок. А почему? Потому что в охоте главное — это как к ней подходить. Спокойно или нет. С нервами или без нервов... Ну вот если они на воду, ты что делаешь?

Зилов (*поднялся*). Как что я делаю?

Официант (*перебивает*). Ну вот. Ты уже вскакиваешь, а зачем? Ведь это все как делается? Спокойно, ровненько, аккуратненько, не спеша.

Зилов. А взлет? Тоже не спеша?

Официант. Зачем? Взлет—бей быстро, но опять же полное равнодушие... Как сказать... Ну так, вроде бы они летят не в природе, а на картинке.

Зилов. Но они не на картинке. Они-то все-таки живые.

Официант. Живые они для того, кто мажет. А кто попадает, для того они уже мертвые. Соображаешь?

Зилов (*легкомысленно*). Ясно... Выпью-ка я еще. За то, чтоб не волноваться. (*Выпивает.*) Ты увидишь.

Официант (*насмешливо*). Ну посмотрим... Только бы погода не испортилась.

Зилов. Не может быть. Упаси боже...

Маленькая пауза

Официант. Витя, у тебя кажется жена уехала? Точно?.. Говорят, ты остался один?

Зилов. А что? Ты насчет ключа?.. Я не один. Я живу с невестой.

Официант. С невестой? *(Ухмыльнулся.)* Неплохо сказано...

Зилов (*вдруг с раздражением*). А что ты ухмыляешься? Может, ты с ней спал?

Официант (*озадачен*). Да нет... Чего это ты?

Зилов. Я ничего. А ты не ухмыляйся, когда не следует... Невеста как невеста. Я на ней женюсь, понял?

Официант. Разве я против?... (*Закончил работу, шагнул назад, одновременно взмахнул салфеткой.*) Порядок.

Зилов. Ты вот что. *(Вынимает деньги, дает их официанту.)* Ты неси сюда еще пару бутылочек. Раз в году я могу раскрутиться? Имею право?

Официант. Конечно, Витя. Хозяин — барин. Как обычно.

Появляются Вера и Кузаков. В руках у Веры несколько астр.

Кузаков. Привет, алкоголики!

Зилов. Привет, привет...

Официант. Привет.

Зилов. Присаживайтесь.

Вера (*о Зилове*). Смотрите, какой он сегодня шикарный.

Кузаков. Красавчик.

Вера. Именинник.

Кузаков. Принц.

Зилов. Ладно не болтайте. Садитесь за стол.

Вера *(передает цветы официанту)*. Алик, будь добр, поставь их в вазу.

Официант (*насмешливо*). Слушаюсь. (*Уходит.*)

Кузаков *(Вере об официанте)*. Ты с ним знакома?

Вера. Знакома, к сожалению.

Зилов. Ты лучше спроси с кем она не знакома.

Кузаков. Он мне не нравится.

Вера. Мне тоже, Коля. Но делать вид, что я его не знаю, зачем?

Зилов. Бросьте, он отличный парень. (*Кузакову*). А ты, кажется, ее ревнуешь?

Кузаков (*привлек Веру к себе*). Ты прав — ревную.

Вера. А что в этом плохого? (*Слегка обнимает Кузакова*).

Зилов. Какие нежности, черт возьми... (*Кузакову насмешливо.*) Слушай, ты на ней женись.

Кузаков. Знаешь, я так и сделаю.

Зилов (*удивленно*). Серьезно?

Кузаков. А ты что-нибудь имеешь против?

Зилов (*насмешливо*). Я против?.. Ну что ты. Наоборот. Благословляю.

Появляются Валерия, Саяпин и Кушак.

Саяпин. Привет, алики!

Все поздоровались. Официант принес цветы, вино и удалился.

Зилов. Милости прошу к столу. Рассаживайтесь. Сюда, Вадим Андреич.

Кушак. Да, пожалуй, я сяду здесь. (*Садится рядом с Зиловым.*) Рядом с отпускником.

Зилов. Ну вот, все в сборе. Сейчас придет моя невеста... *(Ждет замечаний.)*

Валерия. Невеста?

Зилов. А что?.. Может, вас это не устраивает?

Валерия. Ну во всяком случае — новость...

Вера. У тебя невеста?

Зилов. Да, невеста. Если уж у тебя есть жених, то почему бы...

Валерия (*перебивает*). Ну хорошо, хорошо. Невеста так невеста. Но мне кажется, если ты нас пригласил, ты мог бы не пить заранее. Мог бы воздержаться.

Зилов. Так вот. Сейчас придет моя невеста и мы будем выпивать. Давненько мы с вами не выпивали, а, Вадим Андреич?

Кушак (*ему явно не по себе*). В самом деле... (*Озирается.*) Но ведь я по этой части не особенно.

Зилов. Ничего не известно. По-моему, вы пьете дома. По ночам.

Валерия. Какая глупость. Вадим Андреич — единственный здесь мужчина, которого нельзя назвать пьяницей.

Саяпин. Братцы! Что я вижу! Гляньте на стол!

Зилов. В чем дело?

Саяпин. Крабы!

Валерия. Крабы?.. Красота! Роскошь!

Кушак. Действительно, крабы теперь большая редкость.

Вера. А мне они не нравятся.

Зилов. Это потому что ты их никогда не пробовала.

Кушак. А вот любопытная вещь. Лет пятнадцать назад в магазинах крабами были забиты все полки. Представьте себе, никто не брал.

Валерия. Не понимали.

Появляется Ирина. Она веселая, в светлом платье.

Ирина. Добрый вечер.

Все поздоровались.

Зилов (*довольно мрачно*). Где ты была?

Его тон сразу же сбивает с Ирины веселость. Она молчит.

Ладно. Иди сюда.

Ирина подходит.

(*Всем.*) Вот. Прошу любить и жаловать. Ее зовут Ирина. (*Ирине.*) Знакомься. Это вот — Вадим Андреич.

Кушак. Очень приятно.

Зилов. Мой шеф. Руководитель, стало быть. Большой либерал.

Ирина слегка кланяется всем поочередно, Зилов церемонными жестами представляет ей своих друзей.

Саяпин, тоже крупный деятель... Его боевая подруга. Дальше... Кузаков. Жених, как я только что выяснил... (*О Вере.*) А это.... ты сама видишь. Тоже оказывается невеста... Все они мои лучшие друзья.

Ирина (*мягко*). Я очень рада.

Зилов. Они тоже очень рады. (*Всем.*) Или вы недовольны?

Маленькая пауза. Саяпин не удержался, прыснул.

Все довольны? Я так и думал. А теперь давайте выпьем. За утиную охоту.

Маленькая пауза. Зилов выпивает один.

Кузаков (*насмешливо*). Ну и как? Хорошо прошла?

Зилов. Замечательно.

Кузаков. Ты что же, пригласил нас посмотреть, как ты напиваешься?

Зилов. Нет, зачем же. Я вас пригласил, чтобы посмотреть на трезвых людей.

Валерия. И долго ты намерен на нас смотреть?

Зилов. Уже налюбовался. Можете выпить. За охоту. Предупреждаю, пить, вы сегодня будете только за охоту. Исключительно.

Маленькая пауза.

Кушак (*осторожно*). Я понимаю, Виктор, охота это твое хобби, но...

Зилов (*перебивает*). Какое еще к черту хобби? Охота она и есть охота. (*Фыркнул.*) Хобби! Чем говорить такие пошлости, выпьем лучше за открытие сезона.

Валерия (*Зилову*). Послушай, со своей охотой ты совсем помешался.

Кушак. В самом деле, Виктор. Я полагаю, здесь у каждого есть свои увлечения, нельзя же так, ведь мы твои гости...

Зилов. Ерунда. Вы будете пить за охоту — и никаких. А если нет, то зачем вы здесь собрались?

Несмотря на выпитое, Зилов пока еще в трезвом уме и твердой памяти.

Кузаков. Не понимаю, чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы мы ушли?

Саяпин. Да нет! Витя шутит. Как всегда. Вы что, его не знаете?

Зилов (*Ирине*). Ты только посмотри на эту компанию. Посмотри, какие они все серьезные. Они не выпивают, не закусывают. У них совсем другое на уме. Они пришли учить меня жить.

Вера. Мне это уже надоело.

Зилов. Надоело? Ну конечно! Ты ведь не привыкла к длинным разговорам.

Ирина (*она растеряна, негромко Зилову*). Перестань...

Зилов. Подожди! Ты их не знаешь. Это такие порядочные люди, что им просто стыдно сидеть со мной за одним столом. (*Вере.*) Не правда ли, Верочка? Признайся, что ты умираешь от стыда. Ты ведь у нас невеста. (*Смеется.*)

Кузаков (*поднимается*). Слушай? Сколько я тебя знаю, ты всегда был мелким шкодником. Что случилось? На этот раз, я вижу, ты размахнулся не на шутку. Чего доброго устроишь здесь настоящий скандал.

Вера. А мы будем ждать? А может, лучше пойдем отсюда?

Зилов. Нет, зачем же? Не торопитесь, дайте нам на вас полюбоваться. Вы — такая замечательная пара. Вас же надо по телевизору показывать. Особенно невесту.

Кузаков. Ты еще не наговорился?

Зилов. Невеста! Вы меня не смешите. Спросите-ка, с кем она здесь не спала.

Ирина. Виктор!

Кузаков поднимается и направляется к Зилову. Саяпин поднимается и приближается к Зилову с другой стороны.

Вера (*вскакивает и кричит*). Не трогайте его!

Кузаков и Саяпин останавливаются. Маленькая пауза.

Не будете же вы бить пьяного... И потом он... Он говорит правду.

Валерия (*Вере*). Да как вы можете! Да он совсем обнаглел! Ему кажется, что он уже на болоте со своей двустволкой!

Кушак (*Зилову*). Виктор! Ты забываешься. Ты не в лесу. В конце концов здесь общественное место, семейные люди, девушки...

Зилов. Ах да! Конечно! Семья, друг семьи, невеста — прошу прощения!.. (*Мрачно.*) Перестаньте. Кого вы тут обманываете? И для чего? Ради приличия?.. Так вот плевать я хотел на ваши приличия. Слышите? Ваши приличия мне опротивели.

Ирина (*трясет Зилова*). Виктор!..

Кушак (*негодует*). Ну знаешь ли! Я далеко не ханжа, но это уже слишком! (*Поднимается.*).

Зилов (*Кушаку*). Ну конечно! Вы пришли провести вечер — тихо, благородно, и вдруг такое безобразие. Так что ли? Зачем вы пришли, скажите-ка лучше откровенно. Ну зачем?.. Молчите? А я вам

скажу, зачем вы сюда пришли. Вам нужна девочка — вот зачем вы сюда пожаловали.

Кушак. Прекратите, хулиган!

Ирина. Виктор!

Официант появляется.

Официант. Витя, не шуми, старик, шуметь не разрешается...

Зилов (*вырывается. Всем*). Хватит вам валять дурака! Сколько можно! Нужна девочка — так и скажите.

Валерия. Хам да и только.

Зилов (*Кушаку*). Нужна, ну пожалуйста! Выбирай любую. Хоть эту (*показывает на Веру*), хоть эту (*показывает на Валерию*), вы же друг семьи, так в чем же дело? Он (*показывает на Саяпина*) вам уступит. С удовольствием!

Ирина (*трясет Зилова*). Замолчи! Или я уйду.

Валерия. Хам! (*Саяпину.*) Чего стоишь? Не слышишь, нас оскорбляют!

Саяпин направляется к Зилову, но официант его останавливает.

Официант. Спокойно... У нас не разрешается.

Зилов (Кушаку). Ну что же вы? Выбирайте!

Ирина (*с отчаянием*). Я уйду, ты слышишь!

Валерия. Хам! (*Кушаку и Саяпину.*) Идемте отсюда!

Валерия, Кушак и Саяпин направляются к выходу. Вера и Кузаков за ними.

Зилов (*кричит*). Постойте!

Уходящие останавливаются. Зилов хватает Ирину за руку и быстро выводит ее из-за стола.

Вот вам еще! Еще одна! Берите ее! Хватайте!

Ирина (*кричит*). Виктор!

Зилов. Рекомендую! Восемнадцать лет! Прелестное создание! Невеста! Ну! Что же вы растерялись! Думаете, ничего не выйдет? Ерунда! Поверьте мне, это делается запросто!

Официант. Спокойно, спокойно... (*Оттесняет Зилова к столу*).

Ирина смотрит на Зилова с ужасом.

Кузаков (*Ирине*). Идемте с нами...

Зилов. Вот, вот. Возьмите ее с собой и убирайтесь... (*Кричит.*) Убирайтесь, я вам говорю! Вон отсюда!

Валерия (*на пороге*). Придурок!

Саяпин. Браконьер!

Кушак, Вера, Кузаков, Валерия и Саяпин уходят. Официант усаживает Зилова за стол. Ирина стоит посреди комнаты. Она как бы в оцепенении.

Зилов (*вслед уходящим*). Вот и прекрасно! Катитесь к чертям собачьим! Знать вас больше не желаю! Подонки!.. Алики! Чтоб вам

пусто было! *(Наливает себе водки и залпом выпивает. Только сейчас он окончательно пьянеет. Обращаясь к Ирине)*. И ты убирайся вместе с ними.

Официант. Кого-кого, а девушку ты зря обижаешь. С такой милой девушкой я бы на твоем месте так не разговаривал.

Зилов. А ты еще кто такой?.. Ах, лакей... И ты туда же? Ну и хватай ее, если она тебе нужна. Мне наплевать... Она такая же дрянь, точно такая же. А нет, так будет дрянью. У нее все впереди...

Официант *(обращаясь к Ирине, как бы извиняясь за себя и за Зилова)*. Отключился. Сам не знает, что говорит.

Зилов *(Ирине)*. Что ты так на меня уставилась? Что тебе от меня надо? *(Официанту.)* Слушай ты, лакей! Убери ее отсюда. И сам уходи. Я хочу остаться один... Я вам не верю, слышите?..

Ирина медленно, как во сне, идет к выходу и исчезает. Зилов уронил голову на стол. Официант подходит к Зилову, толкает его в бок, поднимает ему голову.

Официант. Я — лакей?

Зилов *(смутно)*. В чем дело?..

Официант. Я спрашиваю: я — лакей?

Зилов. Ты?.. Конечно. А кто же ты еще?

Официант оглядывается, потом бьет Зилова в лицо. Зилов падает между стульями. Официант безо всякого перерыва начинает убирать со стола...

Появляются Кузаков и Саяпин.

Саяпин. Где он?

Официант *(показывает)*. Готов. И рогом не шевелит.

Саяпин. Герой.

Кузаков *(поднимает Зилова, Саяпину)*. Помоги.

Официант. Хорошо, что вы вернулись. Я с ним таскаться не собираюсь. *(Уходит с подносом.)*

Кузаков и Саяпин усаживают Зилова на стул и приводят в чувство.

Кузаков. Очнись, скандалист.

Зилов *(смутно)*. В чем дело?

Кузаков. Пошли домой.

Зилов. Домой?.. Зачем? Что я там забыл?.. Нет, домой я не хочу. Никуда я не хочу. Я остаюсь здесь. Решено!

Саяпин *(громко Зилову на ухо)*. Уже ночь, чучело. Кафе закрывается. Ночь, понимаешь! Ночь!

Зилов. Ночь?.. *(Вдруг энергично.)* Где ночь? Где ты ее видишь. Ночью должно быть темно. А это что такое? *(Тычет пальцем в открытую дверь, через которую видна освещенная улица.)* Что это?.. Разве это ночь? Светло, как днем! Какая же к черту ночь! Нет, мне это опротивело... *(Вдруг обмяк.)*

Кузаков. Пьян мертвецки... *(Зилову.)* Ты можешь передвигать ногами?..

Зилов. Пока — да... Но сначала выпьем. Выпьем и пойдем... *(Вдруг.)* Подождите! А где моя невеста?

Саяпин. Хватился!

Зилов. Где моя невеста? Где она? Верните ее? Верните! Мы обвенчаемся в планетарии...

На улице возникает шум и вид начинающегося дождя.

Саяпин. Дождь пошел.

Кузаков. А вот мы его по дождичку. Взяли.

Они подняли Зилова со стула. Он сопротивляется.

Зилов. Куда вы меня ведете?

Саяпин. В планетарий. Сочетаться законным браком.

Зилов *(уперся)*. Не хочу.

Кузаков *(Саяпину)*. Подожди... *(Зилову, громко)*. Слушай, хулиган! Ты едешь завтра на охоту. Забыл?

Зилов. На охоту?.. *(Воспрянул.)* Черт возьми! Вы правы, надо торопиться.

Поднялся, едва не упал. Они его подхватили.

Саяпин. Труп. Берем его под руки.

Кузаков. Ну да, покойник. Боюсь, что нам придется его нести.

Саяпин *(потирает руки)*. Покойничек! *(Смеется.)* У меня блестящая идея. *(Смеется.)* Завтра мы ему устроим!

Кузаков. Что устроим?

Саяпин. Вот такой *(показывает большой палец)* сюрприз! Он нам устроил сегодня, а мы ему устроим завтра! Покойничек. *(Хохочет.)* Пошли!

Берут Зилова под руки, уводят. Шум дождя усиливается.

Траурная музыка. Секундное затемнение, после чего, как в первой картине, последовательно зажигаются два прожектора. Первым — напрямик освещен Зилов, стоящий у дверей, так как оставили мы его в начале этой картины. Вторым ярким прожектором в середине комнаты высвечен круг, на котором сейчас возникнут видения Зилова из первой картины.

Теперь эта сцена сначала до конца должна сопровождаться траурной музыкой. Поведение лиц и разговоры, снова возникшие в воображении Зилова, на этот раз должны выглядеть без шутовства и преувеличений, как в его воспоминаниях, то есть так, как если бы все это случилось на самом деле.

Из комнаты, в свет яркого прожектора являются Кузаков и Саяпин.

Саяпин. Да нет, что ты. Не может этого быть.

Кузаков. Факт.

Саяпин. Да нет, он пошутил, как обычно. Ты что его не знаешь?

Кузаков. Увы, на этот раз все серьезно. Серьезнее некуда.

Саяпин. Спорим, что он распустил этот слух, а сам сидит в «Незабудке».

Появляются Вера и Валерия, потом Кушак.

Валерия. Вы только подумайте, вчера он собирался на охоту, шутил... Еще вчера! А сегодня!

Вера. Такого я от него не ожидала. Он был алик из аликов...

Кушак. Какое несчастье!.. Я никогда бы этому не поверил, но знаете ли... Последнее время он вел себя... Я далеко не ханжа, но я должен сказать, что вел он себя весьма... м-м... неосмотрительно. К добру такое поведение не приводит.

Все исчезают. Появляется Галина, за ней Ирина.

Галина. Я не верю, не верю, не верю.. Зачем он так сделал?

Ирина. Зачем?

Галина (*Ирине*). Скажи, он тебя любил?

Ирина. Я не знаю...

Галина. Мы прожили шесть лет вместе, но я его так и не поняла. (*Ирине*). Мы будем с тобой дружить, хорошо?

Ирина. Хорошо.

Обнимаются и обе плачут.

Галина. Я уезжаю... навсегда... Напишешь мне письмо?

Ирина (*сквозь слезы*). Хорошо...

Галина исчезает. Появляется Кушак и официант.

Кушак (*Ирине*). Очень, очень приятно.

Официант. Девушка, в таком состоянии вам нельзя быть одной.

Кушак. Да, но... Нет, конечно... И все-таки...

Официант. В шесть часов мы ждем вас в «Незабудке». Придете?

Ирина (*сквозь слезы*). Хорошо...

Все исчезают. Появляется Кузаков.

Кузаков (*задумчиво*). Кто знает... Если разобраться, жизнь в сущности проиграна... (*Исчезает.*)

В траурном шествии последовательно проходят Галина, Кузаков, Саяпин, Валерия, Кушак, Ирина, официант. Последним проходит мальчик, несущий венок.

Оба прожектора внезапно гаснут, музыка обрывается. Две-три секунды на сцене — темнота. Сцена освещается. Зилов один в своей комнате. Он стоит перед окном долго и неподвижно. За окном дождь. Он хотел закрыть окно, но вдруг распахнул его и высунулся на улицу.

Зилов (*кричит*). Витька!.. Куда ты?.. А как уроки?.. Порядок?.. Ну молодец... Что? Не волнуйся, все как надо... Давай... Прощай, Витька... Прощай.

Закрыл окно. Снял с головы кепку, бросил ее на пол. Подошел к телефону, набрал номер.

Дима?.. Знаешь, я не поеду... Да нет, хочу тебя предупредить: я вооб-

ще не еду... Раздумал... Да вот раздумал... У меня другие планы... Да, другое место... Нет, что ты. Где мне с тобой тягаться... Слушай, ты чем сейчас занимаешься?.. Да вот хочу тебя пригласить... На поминки... На мои... Да вот надоела. Или я ей надоел. Одно из двух... Короче, я приглашаю тебя на поминки. Ну да, по-соседски... Тебе что, трудно перейти улицу? Выпить? Конечно будет. А как же?.. Придешь?.. Все, договорились.

Положил трубку, поднял ее снова, набрал номер.

Мне Саяпина... Привет, Зилов... Да, живой... Получил, спасибо. Очень смешно... и Кузаков там? Отлично... Молодцы. Я умираю со смеху... Конечно... Все правильно, ребята... Ну, так что ж? Приходите на поминки... Ну конечно. Уж доведем это дело до конца... Вот я вам говорю, приходите на поминки... Как что делать?.. Выпьете, закусите— как водится... Да прямо сейчас... Идете?.. Вот и прекрасно.

Положил трубку, уселся на стол, достал бумагу, ручку, что-то написал.

Поднялся, взял ружье, вынул его из чехла, собрал, поставил его у стола. Развязал рюкзак, достал из него патронташ, вынул из него патрон, зарядил ружье — все это довольно торопливо.

Уселся на стул, ружье поставил на пол, навалился грудью на стол. Примерился к курку одной рукой, примерился другой.

Поставил стул к столу, уселся, ружье устроил так, что стволом оно уперлось в грудь, прикладом в стол. Отставил ружье, стянул с правой ноги сапог, снял носок, снова устроил ружье между грудью и столом. Большим пальцем ноги нащупал курок...

Раздается телефонный звонок. Зилов сидит неподвижно. Телефон звонит настойчиво и долго. Он поднимается и быстро подходит к телефону. Снимает трубку. Трубка у него в одной руке, в другой — ружье.

Зилов. Да... Говорите, я вас слушаю... Говорите! *(Чрезвычайно взволнованно.)* Кто это?.. Послушайте, мне не до шуток...

В дверях появляются Кузаков и Саяпин. Они появляются без стука. Вид Зилова с ружьем, в одном сапоге, тон его разговора их настораживает, и они остановившись в дверях, ничем не выдают своего присутствия. Зилов стоит к ним спиной.

Кто это?.. Кто звонит? Отвечайте!

Мгновение держит трубку перед глазами, снова подносит ее к уху, затем руку с трубкой медленно опускает вниз. Так с ружьем и трубкой в руках некоторое время он стоит у телефона.

Не глядя бросает трубку мимо телефона. Возвращается к столу, устанавливает на должном расстоянии сдвинутый недавно стул, и как только он на него усаживается, Кузаков набрасывается на него сзади и выхватывает из его рук ружье. Зилов вскакивает. Небольшая пауза.

Дай сюда!

Он бросается к Кузакову. Борьба.

Саяпин. Витя... Витя... Что с тобой?

Вдвоем они его одолели и усадили на тахту.

Кузаков *(с ружьем в руках)*. Псих. Нашел себе игрушку.
Зилов *(тяжело дышит)*. Нахалы...

Саяпин. И мы же — нахалы!

Зилов. Стучаться надо, черт вас возьми!

Саяпин. Озверел. *(Взял со стола записку, читает ее слух.)* «В моей смерти прошу никого не винить»... Витя, да ты что, старик? С ума сошел, что ли!

Кузаков *(переломил ружье, вынул патрон, разглядывает его).* Ты и в самом деле спятил.

Саяпин *(взял патрон, спрятал его в карман Зилову).* Да за такие вещи... *(Кузакову.)* А если бы мы пошли пешком, а? Что тогда? *(Зилову.)* Неужели бы ты....

Зилов. Вы пришли раньше времени. Уходите.

Кузаков. Никуда мы не уйдем.

Саяпин *(садится).* Мы тут у тебя посидим. Отдохнем, перекурим. Верно, Коля?.. Ну, да дела. *(Кузакову.)* А ты еще говоришь, пойдем пешком. А я гляжу — такси, нет, говорю, давай прокатимся, как будто чувствовал.

Кузаков *(Зилову).* Опомнись, милый мой, возьми себя в руки... Обуйся. Для начала.

Пауза.

Зилов. Уходите.

Кузаков. Никуда мы не уйдем, даже не думай.

Зилов. Ну как хотите. Мне торопиться некуда.

Кузаков. Что случилось? Ты что, жизнь тебе не дорога?

Зилов. Только не надо меня уговаривать. Напрасный труд. Это дело я доведу до конца.

К этому времени в комнате чуть светлеет, и на полоске неба, видимой в окно, появляются редкие проблески синевы.

Кузаков подходит к телефону, поднимает трубку, набирает номер.

Кузаков. Магазин?.. Веру позовите к телефону... Вера?.. Ты меня не теряй, я задержусь... Непредвиденное обстоятельство... Когда? точно не знаю. Будь дома, хорошо?.. Счастливо... *(Положил трубку).*

Саяпин. Витя, может, ты из-за венка расстроился, а?.. Витя?.. Неужели ты на нас обиделся?

Зилов. Какого черта вы полезли в такси? Кто вас просил? Вы что, не могли пешком пройти четыре квартала?

Кузаков. Да что же все-таки случилось? В чем дело?.. Чем ты недоволен? Чего тебе не хватает? Молодой, здоровый, работа у тебя есть, квартира, женщины тебя любят. Живи да радуйся. Чего тебе еще надо?

Зилов. Мне надо, чтобы вы ушли.

Саяпин. Витя, ты что говоришь, соображаешь? Ведь мы же твои друзья, как же мы можем уйти? Покинуть тебя в такую минуту! Да ты что?

Зилов. Это дело я доведу до конца. И никто, черт вас подери, ни одна душа на свете мне не помешает. Вам ясно?.. Все.

Пауза.

Саяпин. Ребята, что же вы молчите?.. Поговорим о чем-нибудь а?..

Маленькая пауза.

(Простодушно.) Витя, ты замечаешь, у тебя полы рассыхаются. Придется ремонтировать. *(Поднимается, подходит к кухонной перегородке и стучит по ней).* Картон... Картон и штукатурка. Халтура... Плохо дома стали делать... *(Подходит к другой перегородке.)*

Зилов наблюдает за ним с возрастающим любопытством.

А тут? *(Стучит.)* То же самое...

Пауза.

Зилов. Ну-ну. Что же ты остановился? Давай, дружище, продолжай. Пройдись по комнатам, прикинь что куда поставить.

Саяпин. Витя! Да ты что! Неужели ты думаешь, что я претендую...

Зилов. Претендуешь? Нет, старина, ты не претендуешь, ты пришел сюда за ключами. Так вот они. *(Вынул из кармана ключи, бросил их Саяпину.)* Бери... Бери, не стесняйся.

Саяпин. Старик, ты с ума сошел!

Кузаков. Перестань, ты его не так понял.

Саяпин. Да за кого ты нас принимаешь!

Зилов. Бросьте, ребята, не будем сентиментальничать, чего уж тут. Признайтесь, вам обоим это на руку. Разве нет?.. Так в чем же дело? Какого же черта вы здесь ждете? Дайте сюда ружье и уходите. Пока я не передумал.

Кузаков. Чего ты мелешь, опомнись. Кому она нужна твоя смерть, подумай сам. Ему она нужна?.. Мне?.. Да и тебе она не нужна. А если тебе не нравится твоя жизнь, ну и отлично, живи по-другому, кто тебе мешает?.. И не суди по себе, не думай о людях скверно.

Зилов. Ладно, хватит. *(Саяпину.)* Толя, гони этого праведника из своей квартиры.

Саяпин. Почему же, я разделяю...

Кузаков. А что касается венка, я готов просить у тебя прощения.

Зилов. Замолчи, я тебе не верю.

Кузаков. Я в этом не участвовал, но о венке я знал, и раз он здесь, значит и я тут виноват.

Зилов. Не верю я тебе. Не верю. Ты понял?.. Вот и уходи.

Кузаков. Не уйду. Я не уйду отсюда, пока это твое глупое самоубийство, эта дрянь, не выйдет у тебя из головы.

Появляется официант.

Официант. Привет... Чего базарите?

Саяпин. Вот, вот. Хорошо, что ты пришел. Ты посмотри на него

и послушай, что он себе позволяет.

Официант. А где же поминки?

Зилов. Видишь ли, я не успел как следует подготовиться.

Официант. А где же выпивка?

Зилов. К тому же я здесь уже не хозяин.

Саяпин *(официанту показывает палец у головы)*. Не видишь? Взгляни. *(Передает официанту записку Зилова.)* И скажи ему пару слов...

Официант *(читает)*. «В моей смерти прошу никого не винить...»

Саяпин. Одна попытка уже была. На наших глазах.

Официант. Да?

Кузаков. В самом деле.

Саяпин. Вот. *(Протягивает официанту патрон.)* Из ружья.

Официант *(разглядывает патрон)*. Картечь... А пистоны у тебя ненадежные. Замени на простые, они безотказные.

Зилов. Спасибо за совет.

Официант *(присаживается)*. Смени обязательно. Дождь кончился. *(Взял в руки ружье.)* Через часок *(переломил ружье)* можно будет *(играючи, двумя движениями зарядил ружье)* отправляться. Понял? Кончай базар, через час я подъеду.

Зилов. Никуда я не поеду. Я тебе уже сказал. *(Кузакову и Саяпину.)* Не беспокойтесь, ваше дело верное.

Саяпин. Витя! Хватит сходить с ума! Собирайся на охоту.

Кузаков. Обувайся. *(Взял в руки рюкзак.)* Одевай рюкзак. *(Саяпину и официанту.)* Выведем его на улицу.

Кузаков и Саяпин подступают к Зилову.

Зилов. Не трогайте меня, не прикасайтесь.

Официант. Короче. Будешь шизовать или поедешь на охоту?

Зилов. Никуда я не поеду.

Официант. Ну что тебе сказать?.. Дурак. Больше ничего не скажешь. *(Поднимается.)*

Саяпин. Ты что, уходишь?

Официант. А что я могу сделать? Ничего. Сам должен соображать.

Зилов. Правильно, Дима. Ты жуткий парень, но ты мне больше нравишься. Ты хоть не ломаешься, как эти... Дай руку...

Официант и Зилов жмут друг другу руки.

Кланяйся там...

Официант. Ну пока, Витя. Жалко, что мы не едем вместе. Не вовремя ты расстроился... А то смотри, лучше будет — приезжай...

Зилов. Ладно, Дима, прощай.

Официант. Подожди, а где твоя лодка?

Зилов. Лодка у хромого.

Официант. В сарае?

Зилов. Да, в сарае.

Официант. Значит, я...

Зилов *(хрипло)*. Бери.

Официант. Спасибо, Витя. А если что...

Зилов *(голос его дрогнул)*. Считай, что она твоя... Берите... Все берите...

Саяпин. Витя, ну что ты говоришь...

Зилов. Вы все уже поделили. Вы рады моей смерти. Рады!

Кузаков. Врешь!

Зилов *(вдруг со злобой)*. Я еще жив, а вы уже тут? Уже слетелись? Своего вам мало? Мало вам на земле места?.. Крохоборы!

Он бросается на них. Борьба.

Кузаков. Врешь... Врешь... Врешь...

Официант. Спокойно... Возьми себя в руки!.. Ты можешь взять себя в руки?

Зилов *(вдруг перестает сопротивляться)*. Могу... *(Спокойно.)* Я могу... Но теперь вы у меня ничего не получите. Ничего *(Неожиданно берет у Саяпина ружье и отступает на шаг.)* Вон отсюда.

Небольшая пауза.

Официант *(удивленно)*. Серьезно?

Зилов *(спокойно)*. Уходите.

Официант. Брось, старичок...

Зилов. Убирайтесь.

Саяпин пятится к двери. Кузаков остается на месте. Он стоит перед Зиловым. За ним ближе к двери стоит официант.

(Кузакову.) Уходи.

Кузаков. Не уйду. Я сказал тебе, что не уйду пока...

Зилов. Уходи. Я буду стрелять. *(Направляет стволы на Кузакова)*.

Кузаков. Стреляй.

Официант. Ружье заряжено.

Зилов. Вот и прекрасно.

Саяпин исчезает.

Официант. Давай-ка. *(Хватает Кузакова, выталкивает за дверь.)* Так будет лучше... А теперь опусти ружье...

Зилов. И ты убирайся.

Мгновение они смотрят друг другу в глаза. Официант отступает к двери.

Живо.

Официант задержал появившегося в дверях Кузакова и исчез вместе с ним.

Зилов некоторое время стоит неподвижно. Затем медленно опускает вниз правую руку с ружьем.

С ружьем в руках идет по комнате. Подходит к постели и бросается на нее ничком. Вздрагивает. Еще раз. Вздрагивает чаще. Плачет он или смеется, понять невоз-

можно, но его тело долго содрогается так, как это бывает при сильном смехе или плаче. Так проходит четверть минуты. Потом он лежит неподвижно.

К этому времени дождь за окном прошел, синеет полоска неба и крыша соседнего дома освещена неярким предвечерним солнцем.

Раздается телефонный звонок. Он лежит неподвижно. Долго звонит телефон. Он лежит неподвижно. Звонки прекращаются.

Звонки возобновляются. Он лежит не шевелясь. Звонки прекращаются.

Он поднимается, и мы видим его спокойное лицо. Плакал он или смеялся — по его лицу мы так и не поймем.

Он взял трубку, набрал номер. Говорит ровным деловым, несколько даже приподнятым тоном.

Дима?.. Это Зилов... Да... Извини, старик, я погорячился... Да, все правильно... Совершенно спокоен... Да, хочу на охоту... выезжаешь?.. Прекрасно... Я готов.... Да, сейчас выхожу.

Занавес

В. ТРУШКИН

РОЖДЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ

(В. Я. Зазубрин — публицист и очеркист газеты «Красный стрелок»)

О Владимире Зазубрине как первом советском романисте за последние годы написано уже немало. О нем писали Л. Баландин, А. Высоцкий, Э. Шик, Н. Козлов, В. Озеров, М. Кузнецов, А. Югов, В. Бузник, Р. Колесникова. Не раз выступал в печати о зачинателе советского романа и автор этих строк. И все же многогранная общественно-литературная деятельность писателя не нашла еще должного освещения. В центре внимания большинства писавших о Зазубрине, вполне естественно, стоял прежде всего роман «Два мира». Работа же его как редактора и незаурядного собирателя литературных сил Сибири еще ждет своего внимательного исследователя.

Об этой стороне его деятельности, предшествовавшей роману «Два мира», мы, в сущности, знаем очень и очень мало, хотя она во многом способствовала становлению Зазубрина-художника и имела в свое время значительный общественно-политический резонанс.

Писать Зазубрин начал очень рано. Еще в 1913 году, находясь в Сызрани, восемнадцатилетним юношей он послал свой первый рассказ в большевистскую газету «Правда», но его не пропустила цензура[1]. Есть сведения, что в 1914—1915 годах писатель активно сотрудничал в полулегальном самарском еженедельнике большевистского направления «Заря Поволжья», выступая в нем с небольшими корреспонденциями, которые он обычно подписывал псевдонимом «В. ов», т. е. Владимир Зубцов.

Оказавшись в конце 1919 года в Канске, только что освобожденном тогда от колчаковцев, Зазубрин с головой уходит в газетную работу, одновременно совмещая

---

[1] См. В. Зазубрин. Заметки о ремесле. — «Сибирские огни», 1928, № 2, стр. 243.

ее с деятельностью пропагандиста и лектора местной партийной школы. В это время он был корректором и сотрудником газеты «Красная звезда» — органа канского ревкома и окружкома. Бывший секретарь редакции «Красной звезды» литератор Ф. И. Тихменев вспоминает: «Каждый день по нескольку раз Владимир Яковлевич поднимался из типографии со свежими гранками наверх, и здесь завязывались деловые, иногда жаркие споры о том, какие вопросы, нахлынувшие на Сибирь из советской части страны, требуют популяризации в первую очередь. Зазубрин увлекался сатирическими газетными «жанрами», типа политических фельетонов Заславского. Были два-три случая, когда фельетоны перепечатывали другие газеты»[1].

Однако по-настоящему талант Зазубрина как публициста-газетчика развернулся в период его работы в газете политуправления 5-й Армии — «Красный стрелок».

В предисловии ко второму изданию романа «Два мира» Зазубрин писал: «Книга эта написана в 1921 году. В это время я был армейским политработником (редактировал ежедневную газету Пуарма 5 — «Красный стрелок»)... Профессия и должность ко многому обязывали и отнимали много времени». По словам писателя, перегруженность журналистской и пропагандистской работой отрицательно сказывалась на художественной стороне его книги, так как подчас «политработник брал верх» в нем над художником. И все же (и это обстоятельство необходимо учитывать и со всей силой подчеркнуть) именно профессия и должность политработника и газетчика в значительной мере способствовала становлению его как писателя. В «Красном стрелке», на страницах боевой и оперативной красноармейской газеты, оттачивался стиль, вырабатывалась своя, зазубринская, манера видеть и изображать вещи и людей, короче — рождался художник Зазубрин,— и не просто художник, а художник нового типа, автор первого советского романа. Отсюда пришли в его первую зрелую прозу и острая публицистичность, и предельный лаконизм фразы, несущей особую экспрессивную окраску, вся эта так называемая «рубленая проза», отсюда же берет свое начало и умение схватывать и изображать через харак-

[1] Из письма Ф. И. Тихменева автору статьи от 22 декабря 1958 года.

ДВЕ КНИГИ—ГРАВЮРЫ

Среди многих интересных и редких книг Научной библиотеки Иркутского университета выделяются две старинные книги-гравюры. Одна из них — букварь, а вторая — календарь, т. е. обе принадлежат к той книжной продукции, которая использовалась повседневно и быстро ветшала. Таких книг сохранилось немного. В 17-18 веках гравированные книги были много дешевле печатных, и только они были доступны простому народу — крестьянам и городским ремесленникам.

Знаменитый «Букварь» Кариона Истомина первоначально был составлен для обучения грамоте сына Петра Первого царевича Алексея. В 1692 году ученый монах Карион Истомин закончил составление букваря, а в 1694 году выдающийся русский гравер Леонтий Бунин «изрезал знамена» и были сделаны оттиски с медных досок. Это был первый иллюстрированный букварь, книга, способная заинтересовать ребенка и тем облегчить ему тяжкий труд обучения грамоте. Каждой букве отведен отдельный лист. В начале буква изображена в виде человеческой фигуры. Например, фигура воина, приподнявшего одну руку, а в другой держащего большой, доходящий до земли, рог, напоминает букву «к». В старину она называлась «како». Далее идут образцы печатных и рукописных букв. Большая часть страницы заполнена рисунками. Здесь и конь, и колесница, и корабль, и колокол, и кит, и кипарис. Под каждым предметом, как в современ-

ных букварях, подписано его название. Далее наивно-поучительные стихи, в которых упоминаются эти предметы. Например:

Киты суть в морях, кипарис — на суши. Юный, отверзай в разум твоя уши.

И много поколений «отверзало» свои уши и разум, учась по букварю Кариона Истомина. Несмотря на толщину и прочность бумаги, страницы книги истрепаны. Некоторые буквы-человечки вырезаны детскими руками.

Неизвестно, когда книга попала в Сибирь. На ее свободных листах много надписей. Самая ранняя относится, по-видимому, к концу 17-го века: «Троицкая крепость. Стоит цена рубль». Судя по другим надписям, букварь попал в Иркутск ранее 1769 года: «Сия Азбука иркуцкого цехового Василия Митрофанова куплена у иркуцкого купца Василия Обойнина. Подписал Василий Митрофанов своеручно 1769 году месяца июля 12 дня».

Гордясь покупкой, В. Митрофанов счел необходимым вновь подписать ее «своеручно» 14 октября 1770 года, а затем — 14 апреля 1771 года. В последнем случае он добавил: «Дано цены денег 1 р. 50 коп.»

Время шло. После смерти Василия книга досталась его сыну. Еще одна любопытная надпись. Какой-то местный любитель книжной старины выражает глубокую благодарность за предоставленную ему возможность познакомиться с редкой книгой: «И я имел удовольствие сею азбукою пользоватца, зачто Л. В. г-ну Митрофанову благодарность отдав и остаюсь

терные детали и реплики настроение людских масс, «толпы», умение рисовать «суммарные» портреты.

Зазубрин-газетчик писал передовицы, печатал отдельные зарисовки и эскизы «с натуры», публицистические статьи и очерки, здесь же впервые публиковал и некоторые главы своего романа.

Работа писателя на страницах «Красного стрелка», проходила параллельно с работой над романом и определенным образом влияла на последнюю, а зачастую и предваряла ее: писатель как бы тренировался, отрабатывал на газетных полосах отдельные свои художественные приемы, ежедневно проверяя действенность их на читателях газеты.

К сожалению, вся эта важная сторона в творческой деятельности первого советского романиста, как уже говорилось, до сих пор не привлекала внимания исследователей и критиков и никем не была проанализирована. Возможно, это обстоятельство объясняется не только тем, что «Красный стрелок» — редчайшее теперь издание — практически мог быть недоступен отдельным авторам, писавшим о Зазубрине, но и главным образом тем, что публикуемые материалы в газете писатель никогда не подписывал полным своим именем. Статьи и очерки Зазубрина на страницах «Красного стрелка» зашифрованы буквенными подписями. Как правило, передовицы и публицистические статьи политического характера он подписывал инициалами — «В. З». Художественные же очерки и зарисовки, в том числе и главы из романа «Два мира», имели подпись »В. В.»[1]

Основная масса публикаций и выступлений Зазубрина в «Красном стрелке» относится к лету и осени 1921 года. Они интересны не только по стилистическим приемам, но и по своей тематике и идейной направленности, важны для характеристики общественного облика писателя, его гражданской позиции в те годы. Так, к примеру, 29 июня 1921 года 120-й номер «Красного стрелка» открывался передовицей «Наш долг». В ней содержался отклик Зазубрина на обращение Президиума ВЦИК помочь Красному Питеру, переживавшему острый продовольственный кризис. Статья согрета той страстной

[1] За помощь в работе по разыскиванию газетных публикаций В. Зазубрина выражаю сердечную благодарность библиографу Иркутской областной библиотеки им. Молчанова-Сибирского П. П. Боровскому.

убежденностью, которая всегда отличала общественные и публицистические выступления писателя. Она строится как взволнованная ораторская речь. Лейтмотивом ее звучит лозунг: «Наш долг помочь Красному Питеру». Стиль здесь торжествен и приподнят, изобилует стилистическими повторами и параллелизмами, придающими фразе ритмическое звучание. Патетика ее призвана была захватить и убедить читателя: «Не одна тысяча лучших сынов Петрограда легла на полях сражений, не одна тысяча питерцев работает сейчас в армии и советских учреждениях, разбросанных по всей Республике. Питер отдал Республике все, что мог, отдал все лучшее. И теперь он сам очутился в тяжелом положении. Из всех его фабрик и заводов работает только одна шастая часть—и то с перебоями, не хватает топлива, нет продовольствия». Кончалось это взволнованное обращение словами: «Все на работу. Наш долг помочь Красному Питеру»[1].

В следующем номере идет его передовица «На Востоке», посвященная острым империалистическим противоречиям крупнейших капиталистических стран, чьи интересы скрестились в этой части света, — Японии, Англии, Америки. Автор пишет о том, как, едва закончив первую мировую войну, империалистические хищники начинают лихорадочно готовиться к новой войне. Голос революционера и гуманиста звучит в этих газетных строчках: «Готовятся, приготовятся и будут воевать. Снова будут греметь орудия, разрушаться сокровища мирного труда, уничтожаться миллионы человеческих жизней»[2].

Примечательна в последней статье не только ее ярко выраженная антимилитаристская направленность, но и глубокая вера автора в потенциальные силы народов Востока, вера в революционное пробуждение масс. «Нет сомнения, — пишет он, — что в недалеком будущем трудящиеся Востока скажут: «Довольно!»

Как публицисту Зазубрину приходилось откликаться на важнейшие события внутренней и международной жизни того времени. Так, в передовице за 5 июля 1921 года с выразительным названием «Гниль» он с сарказмом и брезгливым презрением пишет о хозяйничаньи белогвардейщины на Дальнем Востоке, о прислужниках

---

[1] В. З. Наш долг. «Красный стрелок», 1921, № 120, 29 июня.

[2] В. З. На Востоке. «Красный стрелок», 30 июня.

навсегда слугою. П. Петелин 1813 г. сентябрь 26 дня».

Затем владельцами букваря стали иркутские мещане отец и сын Тюрины. В 20-х годах 19-го века начал собирать свою библиотеку иркутский библиофил, талантливый самоучка Василий Николаевич Баснин. Следующая владельческая надпись сделана его рукой: «13-е отдел. № 1240 В 1-й кн. Баснина». В старости Баснин уехал из Иркутска в Москву, а свою библиотеку подарил Иркутской духовной семинарии. (Ныне эти книги находятся в фондах Научной библиотеки Иркутского университета. Но букварь Кариона Истомина в числе особо редких книг он увез с собой. В 1878 г. В. Н. Баснин скончался. Сын его Николай Васильевич, один из людей мечтавших об открытии университета в родном Иркутске, заранее предназначил в дар ему букварь Кариона Истомина. На переплете книги сохранилась дарственная надпись: «Будущему Сибирскому университету. Н. Баснин». И через много лет книга дошла по назначению.

Другое гравированное издание, сохранившееся в Научной библиотеке Иркутского университета,— «Книга, именуемая Брюсовской календарь». Появление этого календаря было вызвано переходом на новое летоисчисление, не от «сотворения мира», а от «рождества Христова». «Малый Брюсов календарь» издан «под смотрением», т. е. под редакцией сподвижника Петра Первого Якова Вилимовича Брюса и получил его имя. Составителем же календаря был Василий Онуфриевич Киприанов, библиотекарь

и типографский справщик. Двенадцать листков, по числу месяцев, отведено под месяцеслов. Расположение месяцев с марта по февраль. Таблицы месяцеслова дают сведения о числах и о днях недели, о «долгоденствии» и о «долгонощии» на каждое число, а также сообщают о праздниках. Эти листы украшены многочисленными миниатюрами. Таблицы месяцеслова составлены так, что ими можно было пользоваться в течение 200 лет, до 1940 года. Таким образом, человек покупал себе календарь не на год, как в наши дни, но на всю жизнь. А затем им могли пользоваться последующие поколения. Потратившийся однажды на покупку, заслуживал благодарность внуков и правнуков.

«Брюсов календарь» давал краткие сведения по географии. Например, он перечислял крупнейшие города, сообщал, в какой стране они находятся, указывал их географическую широту и долготу в градусах и минутах: «Александриа во Египте», «Аниохиа в Сирии», «Варшава столица полская», «Лондон в Англии», «Париж французской», «Прага чешская», «Рим во Италии». Сведения об отечественных городах находим в «Таблице трактам». Ряд таблиц календаря сообщает сведения по астрономии: «Фигуры осияния луны», «Новая таблица круга лунного», «Исчисления широты, долготы, имена звездам». Но астрономия в те далекие годы была тесно связана с астрологией. Люди верили, что расположение планет может благотворно или пагубно влиять на любое человеческое начинание. Предлагая

японцев — атамане Семенове и братьях Меркуловых. 20 июля в газете появляется за его подписью передовица — «Накопление сил», посвященная постепенной стабилизации хозяйственной и общественно-политической жизни в стране, только что пережившей гражданскую войну.

Но наиболее полно и ярко своеобразие и писательский талант Зазубрина проявились не в этих чисто публицистических статьях, а в тех художественно-выписанных очерках и фельетонах, которые он обычно подписывал криптонимами «В. В.» Одним из первых по времени таких набросков был очерк «Чехи и чехи», опубликованный на страницах «Красного стрелка» 30 июня. Этот очерк интересен во многих отношениях. Как известно, белочехи сыграли печальную роль в истории гражданской войны в России. Отношение к чехам в то время представляло из себя сложную и жгучую проблему. Не случайно на страницах «Красного стрелка» и других газет приблизительно за год до выступлений Зазубрина этой же проблемы не раз касался в своей публицистике Ярослав Гашек, да и сама яркая и колоритная фигура Гашека, интернационалиста и коммуниста, наглядно свидетельствовала о неоднородности чехов, о сложных классово-политических противоречиях, происходивших в их среде[1].

Очерк Зазубрина как раз и направлен был против тенденциозно одностороннего подхода к чехам. Открывался он выразительной и привычной для Сибири времен войны зарисовкой:

«— Ми, чешский комендант, ми имеем право повесить, расстрелять, арестовать.

И арестовывали,— говорит автор, — вешали, расстреливали»[2].

Весьма примечательно, что такой же, в сущности, репликой на ломаном русском языке открывается и сценка встречи на станции Тайшет едущих на фронт колчаковских офицеров с чешским комендантом, стоявшим около группы повешенных, в главе «Победят люди» из романа «Два мира». Очевидно, Зазубрин сам был свидетелем подобных эпизодов, и они настолько врезались в

---

[1] См. Я. Гашек. Чешский вопрос. «Власть труда», 1920, 21 апреля.

[2] В. В. Чехи и чехи. «Красный стрелок», 1921, 30 июня.

память писателя, что последний дважды возвращался к ним в своей литературной работе — сначала в газетной зарисовке, а потом и в романе.

В очерке «Чехи и чехи» образу вешателя-коменданта противопоставляется трудовая Чехия. «В Чехии, — пишет он, — есть и другие чехи. Рабочие и крестьяне». Рассказывая читателю о Пражском конгрессе левых социал-демократов, примкнувших к Третьему Интернационалу, автор делает вывод: «Когда же не шесть процентов мужского населения Чехии, а все рабочие и добрая часть крестьян поступят так, как поступили русские их товарищи, то чешским комендантам некогда и негде будет рассуждать.

С лица земли придется убраться.
Это будет совсем хорошо...
И это несомненно будет».

Так очерк «Чехи и чехи» вырастает в своеобразный идейно-тематический комментарий к роману «Два мира».

В характерной, чисто зазубринской, манере написан очерк «Сильный противник». Стремясь добиться определенной экспрессии, усилить эмоциональное воздействие на читателя, Зазубрин широко пользуется приемами построения короткой «рубленой» фразы. Вот его начало: «Засуха. В Повольжье в северо-восточной части Кубанско-Терского района, в Уфимской, Вятской, Пермской губерниях неурожай. Голод. Борьба. Снова и снова. Должны помочь все, кто как и чем может. Правительством меры приняты». Все эти стилистические средства понадобились автору для одного четко сформулированного вывода: «Все отдадим, какой угодно ценой, но жизни миллионов голодных надо спасти»[1].

Не раз прибегает писатель в своих газетных выступлениях и к сатирическим зарисовкам, бытовым сценкам и пр., стремясь уловить и запечатлеть в них характерные штрихи и приметы времени, ударить по недостаткам, рецидивам отживающего прошлого. Таков, в частности, его фельетон «Белая ворона», опубликованный на страницах «Красного стрелка» 10 июля 1921 года. Автор сатирически бичует в нем проникшего в среду крас-

[1] В. В. Сильный противник. «Красный стрелок», 1921, 7 июля. Проблема борьбы с голодом в то время носила настолько острый характер, что Зазубрин не ограничился только очерком «Сильный противник». На ту же тему он публикует 22 июля передовицу под заголовком «Нужно встретить».

своим читателям «Предзнаменование действ на каждый день по течению луны взодии», составитель календаря желал предостеречь их от неудач и помочь выбрать «счастливые» дни. «...То и ты можешь исправить, что и зло в благо превратить»,— оптимистически заявляет составитель (лист 22). На нескольких листах даются советы о том, в какие числа месяца следует начинать то или иное дело, чтобы была удача. Эти листы украшены миниатюрами с изображением «действ»: «отроки во училище отдавать», «мыслити начать и на паству пущать и дрова посецать», «links баталию творити», «зверей и рыбу ловить», «пруды запружать и шествовать морем». Большой интерес вызывали предсказания погоды в зависимости от положения планет, а вместе с тем — предсказания об урожае хлебов, овощей и фруктов. В нашем экземпляре эта таблица обветшала от постоянного употребления. Из ознаменования планет, под которыми младенцы родятся» заманчиво было «узнать» будущее ребенка: его внешность, характер и судьбу. Например, на листе 11 читаем предсказание: «Отроча, родьшийся между 12 днем ноембрия и 13 днем декемврия, примет на ся знаки стрельца... жарок, сух, можественны юноша. Добрый человек будет благодарен, верен, правдив... Скоро гневлив и скоро паки благ. Никому тако вреда есть, яко самому себе. Есть смешлив и весел. Людем милосерд. Охотно народ любит его». Все астрологические предсказания, Василий Киприанов, по собственному при-

знанию, заимствовал из иностранных календарей.

«Книга, именуемая Брюсовской календарь» пользовалась огромной популярностью. С досок первой гравировки, как предполагают, было оттиснуто 7 тиражей, после чего металл начал сильно снашиваться и на нем появились трещины. В 1780 году календарь гравирован заново. В Научной библиотеке Иркутского госуниверситета сохранился экземпляр календаря второй гравировки. На нем есть две владельческие надписи, судя по почерку, относящиеся к 19-му веку. Одна из них свидетельствует, что книга принадлежала кантонисту 1-й роты Андрею Григорьеву. Другим владельцем календаря был смоленский мещанин Петр Анисимович Яковлев. Затем последний, по-видимому, попал в Сибирь, а его книга — в библиотеку Иркутской духовной семинарии. Неизвестно, был ли это добровольный дар или книгу отнял у прихожанина не в меру ретивый священник (в Сибири случалось такое). На Брюсовском календаре стоят большие овальные штампы библиотеки Иркутской духовной семинарии, но нет библиотечной наклейки с указанием номера шкафа, полки и места книги. Можно предполагать, что календарь не выдавался для чтения. Слишком уж он не соответствовал «профилю комплектования» этой библиотеки.

У читателей Научной библиотеки Иркутского госуниверситета обе гравированные книги неизменно вызывают большой интерес.

А. БОННЕР.

ноармейцев шкурника, распространителя панических и нелепых слухов.

В таком же ракурсе сделан и очерк «Редкий экземпляр», рассказывающий о том, как ведет себя паренек из глухой таежной деревни в комиссии по отбору красноармейцев на курсы командиров. Тупость и косноязычие, неумение связать пару слов отличают этого «редкого экземпляра», не знающего, что дала Советская власть народу и за что он воюет.

« — Что дала Октябрьская революция рабочим и крестьянам?

Растягивается физиономия в недоуменную улыбку:

— Мы не здешние, недавно в Иркутском-то, недалече мы, киренски мы, значит, так что не можем сказать вам доподлинно[1]».

Чуткий слух писателя легко улавливает и передает и характерный сибирский «киренский» говорок своего незадачливого персонажа и весь трагикомизм ситуации, заставляя другого присутствующего здесь же красноармейца — «бойкого смуглого юнца»,— подавать с места задиристые реплики. Этот «юнец» понадобился автору для того, чтобы полнее и ярче оттенить исключительность, «необычность» описываемого им факта крайнего интеллектуального убожества и неразвитости на фоне общего относительно высокого политического уровня красноармейцев.

Совершенно в ином ритмико-интонационном ключе выдержан эскизный набросок «Красноармеец». Это опять-таки очерк «с натуры», как и большинство подобных зарисовок писателя. Здесь царит другое настроение, другие краски и иная идейно-художественная мотивировка. Писатель стремится нарисовать портрет часового-красноармейца, стоящего на посту. Он тщательно отбирает детали, добиваясь скульптурной пластики и выразительности рисунка: «Медный звон бьется о мостовую. Из церкви на улицу выходят... У ограды грузовик. Сломался.

Тонкая, как стрела, с черным жалом штыка винтовка. Заострившийся нос, угловатые скулы. Желтые пятна впалых щек. — Обожди. Нельзя!»

Постепенно перед читателем очерка вырисовывается по-своему монументальная фигура стоящего на посту

---

[1] В. В. Редкий экземпляр. «Красный стрелок», 1921, 21 июля.

красноармейца. И не беда, что у шинели «рукав с черной заплатой» и обут он совсем не солидно, «ноги в новых лаптях» — все это не столь уж важно, ибо так ведь и вся страна выглядела в то время. Важно другое — железная верность юного красноармейца революционному долгу, а эту черту прежде всего и стремится подчеркнуть автор в своем герое.

«— В сторону, в сторону робкие, с запахом ладана. Колется о штык, бьется на мостовой медный звон. Красноармеец стоит!»[1]

Так, казалось бы, обычная жанровая зарисовка перерастает под пером писателя в художественно-обобщенный образ, своего рода символ нового, победившего народа, твердо стоящего на страже своих завоеваний.

Обращает на себя внимание разнообразие стилевых приемов автора в его газетных жанрах. Здесь и неподдельный революционный пафос, и хлесткий, бичующий сарказм, возвышающаяся до гротеска сатира, и откровенная, обнаженная публицистичность и плакатность рисунка, столь характерная для нашей литературы начального ее периода, и жанровые бытовые картинки с натуры, к которым столь охотно и часто прибегает писатель, и выразительные портретные зарисовки друзей и врагов.

Наиболее типичной, пожалуй, для него жанровой сценой следует признать художественный очерк, своего рода моментальный снимок с натуры под названием «У газеты (мимоходом)». Он насыщен меткими портретными зарисовками, удачно схваченными репликами, которые помогают создать общее настроение, вылепить тот самый «суммарный», групповой портрет, с которым мы часто будем встречаться в его романе. Здесь те же краски, тот же строй фразы и те же интонационно-ритмические ходы. Вот как сделано его начало: «На улице. Газеты. Читают. Гнется к черным строкам худощавая фигура в белом пиджаке. Выпятилась клинушком острая, рыжая, холеная бородка, пара глаз быстро бегает по заголовкам.

— Победили мы.

— Наша победа.

Равнодушно скользит взгляд, сероватой скукой подергиваются глаза.

— В Поволжье засуха.

Останавливаются черные точки зрачков, вспыхивают и нижут, смакуют буква за буквой:

— Озимые плохи.

Сзади голова женщины. Бледное лицо. Огромные, блестящие глаза. Нервно дергаются губы. Вытянулась тонкая худая шея с синими жилками. Под завитками небрежной прически, где-то глубоко чувствуется беспокойная, болезненная мысль:

— Скоро ли все это кончится?

— Когда же не будет их?

— Когда?

— Засуха, может быть, голод»[2].

Пристальное внимание Зазубрина, публициста и художника, привлекала зловещая фигура полупомешанного барона Унгерна. На страницах «Красного стрелка» за сравнительно небольшой срок писатель выступил о нем трижды. 6 июля 1921 года за

---

[1] В. В. Красноармеец. «Красный стрелок», 1921, 3 августа.
[2] В. В. У газеты (мимоходом). «Красный стрелок», 1921, 17 июля.

его подписью появилась здесь передовица «Генералы предполагают, а мы располагаем», в которой рассказывалось об успешной борьбе красных войск на просторах Монголии с бандами Унгерна. Спустя некоторое время в двух номерах газеты за 27 и 28 июля он публикует большую статью, насыщенную цифрами, богатым фактическим материалом о неприглядной роли японцев в авантюре бесноватого барона, под названием «Как он воевал». В статье подводятся итоги этой авантюры, закончившейся сокрушительным разгромом унгерновщины. В последний раз к образу Унгерна он вернулся осенью 1921 года, выступив с художественным очерком «О том, кого уже нет». Очерк был опубликован на страницах газеты 21 сентября 1921 года. В нем писателю удалось запечатлеть выразительный портрет возомнившего себя новым Чингисханом, оголтелого палача и бандита, в последние дни его жизни, накануне бесславной смерти. Зазубрин в своем рисунке экономно и точно стремится передать характерные черты как внешнего, так и внутреннего, психологического облика Унгерна. Именно поэтому его очерк, написанный в живой, импрессионистской манере, приобретает значение своеобразного исторического документа. Перед нами непосредственное свидетельство очевидца, вдумчивого и наблюдательного человека и художника, сумевшего сохранить для современников и потомков психологически точный и достоверный портрет одного из жестоких палачей русского и монгольского народов, типичнейшего представителя белогвардейщины, которая щедро заливала кровью многострадальную русскую землю в годы гражданской войны.

Образ Унгерна в очерке дан в динамике. Портретные черты его внешнего и внутреннего облика вырисовываются перед читателем постепенно, по мере развертывания рассказа о допросе барона в Штабарме и последующей беседы с ним автора очерка. По началу перед нами внешне нейтральное описание: «Он сидит в низком мягком кресле, закинув нога на ногу. Курит папиросы, любезно предоставленные ему врагами. Отхлебывает чай из стакана в массивном серебряном подстаканнике. Говорит спокойно, не торопясь.

— Раз войско мне изменило, я буду откровенен. — Режет глаза белый офицерский Георгий, генеральские погоны. Халат яркий, золотистый, лиловый кушак из материи. Острыми концами гнутся мягкие монгольские сапоги. Папиросы очень хорошие, барон давно не курил таких. Затягивается с удовольствием. Голос тихий»[1].

Постепенно нарастает негативная характеристика. Читатель узнает, что барон еще при царе дважды был судим за пьянство и драку, что его «длинные висячие усы растрепаны, бессильно опущены вниз», а лоб пересечен шрамом от сабельного удара, что у него не в порядке прическа, и «борода бурой щетиной лезет из подбородка», наше внимание фиксируется на «сухой тонкой руке скелета с длинными пальцами и такими же плоскими, желтыми ногтями с траурной каемочкой».

Так перед читателем вырисовывается во весь рост жалкая фигура бандита с большой дороги истории, обнажается его полное физическое и нравственное ничтожество. В свое время облеченный властью, чувствуя свою безнаказанность, этот чванливый

---

[1] В. В. О том, кого уже нет (Унгерн). «Красный стрелок», 1921, 21 сентября. Очерк в сокращении и под измененным заглавием. «О тех, кого била Красная Армия» был перепечатан с нашими комментариями в сб.: «Земля иркутская», Иркутск, 1967, стр. 98—101.

эстляндский барон выглядел совсем иначе. Припертый к стенке следователем, он вынужден был признаться:

— Коммунистов уничтожал я с семьями, чтобы хвостов не оставалось, лишнего балласта.

Автору очерка барон в припадке откровенности излагает свою программу переустройства мира: «Моя идея создать кочевую монархию от Китая до Каспийского моря. Я за монархию. Без послушания нельзя. Николай I, Павел I — идеал всякого монархиста. Нужно жить и управлять так, как они управляли. Палка прежде всего. Народ стал дрянной, измельчал физически и нравственно. Ему палка нужна. Вообще, белые никуда не годятся. Я за желтых. Желтые несомненно победят. У меня жена китаянка. Я за желтых».

Таким образом автор все время заставляет своего героя поворачиваться к читателю различными гранями характера, выступать что называется в разных ипостасях, оставаясь вместе с тем постоянно верным своей основной, определяющей сущности — помешанного маньяка, палача и убийцы. К такому резюме и приходит писатель в конце очерка, проанализировав поведение Унгерна на официальном допросе и во время частной беседы с ним: «палач божьей милостью, по призванию, вдохновенный».

Очерк об Унгерне — одно из лучших произведений Зазубрина-газетчика. Он проникнут партийной страстностью, нескрываемой неприязнью писателя ко всем большим и малым носителям «белой идеи». Это, в сущности, тоже своеобразный доступ к идейной проблематике «Двух миров», где фигуры, родственные по натуре барону Унгерну, будут освещены с разных дистанций, под разным углом зрения, но всегда одинаково беспощадно.

Со всей определенностью здесь следует подчеркнуть одно принципиальное обстоятельство: выступления Зазубрина-газетчика всегда затрагивали самые животрепещущие проблемы времени. В полной мере это относится и к его статьям и очерку о бароне Унгерне, за отчаянной и героической борьбой с которым в то время напряженно следила вся сибирская общественность.

Унгерн был расстрелян в Новониколаевске по приговору сибирского ревтрибунала 15 сентября 1921 года. В Иркутске сообщение об этом было получено 18 сентября, а уже на третий день на страницах «Красного стрелка» появляется очерк Зазубрина, живо воспроизводивший нравственный облик человека, которого только что настигло справедливое возмездие[1]. А еще через день, 23 сентября, иркутяне слушали доклад Е. М. Ярославского о судебном процессе над Унгерном, с которым он выступал в городском театре на открытом заседании 5-й губернской партконференции. Ярославский был, как известно, государственным обвинителем на процессе этого японского наймита, садиста и убийцы, и вполне понятно, с каким вниманием отнеслись делегаты и гости конференции к его выступлению[2].

---

[1] Эта зловещая фигура занимала и интересовала его как художника. М. Горький в одном из писем к Зазубрину спрашивал его: «Вы хотели писать об Унгерне,— отказались ли от этой темы?» (См. «М. Горький и советская печать», кн. 2, М., 1965, стр. 368). Образ Унгерна позднее нашел свое отражение в романе К. Седых «Отчий край».

[2] Речь Е. М. Ярославского на процессе была опубликована в газете «Советская Сибирь» 18 сентября 1921 года.

Так, работа в газете, публицистика писателя, его жанровые зарисовки, очерки и эскизы подготовляли труд романиста. Здесь оттачивался и шлифовался стиль, вырабатывалась своя манера письма и художественного рисунка, накапливался опыт. Позднее писатель переносил в роман из своих газетных «жанров» не только приемы письма, особенно при изображении массовых сцен, но и развертывал в сцены и картины отдельные наброски и вскользь брошенные замечания, как это произошло, например, с началом очерка «Чехи и чехи». Из очерка «Красноармеец» перекочевали в роман даже отдельные фразы о церковном звоне, которые понадобились автору для передачи внутреннего состояния одного из персонажей «Двух миров» попа Мефодия Автократова, лютой ненавистью встречавшего торжество победившего народа.

С газетой «Красный стрелок» были связаны и первоначальные публикации самого романа. Показательно, что самая ранняя из них — публикация первой главы из «Двух миров»—появилась 12 августа 1921 года в юбилейном номере, посвященном третьей годовщине 5-й Армии. Газета в этот день вышла значительно большим, чем обычно, форматом, в четыре полосы. Передовица ее была подписана членом Реввоенсовета 5-й Армии Борисом Шумяцким. В номере шли стихи, многочисленные поздравления. Всю первую страницу пересекал набранный крупным шрифтом лозунг — «5-я Армия, твой железный марш, от Волги до Байкала, огненными письменами занесен в историю!»

Возможно этот лозунг принадлежал перу Зазубрина. Писатель вспомнил о нем, когда писал посвящение к «Двум мирам». Заканчивалось оно такими словами: «5-й Армии, огненными письменами начертавшей свое имя на страницах истории революции, — посвящаю». Здесь же мы встречаем и упоминание о Волге и Байкале во фразе — «Ее героям, тлеющим в могилах от берегов Волги до скал Байкала»..

В этом праздничном номере на развороте второй и третьей страниц двумя большими подвалами за подписью В. В. и появилась первая глава романа. Называлась она так: «Два мира» (отрывок из работы, готовящейся к печати)». В сноске от редакции было сказано: «Редакция помещает настоящий отрывок из большой работы одного из своих сотрудников, находя, что в годовщину 5-й Армии нелишне вспомнить и тех, кого разбила, уничтожила она своим победоносным натиском».

Следующий и последний отрывок из романа— глава «Костер потух» — появился в газете 9 октября. В начале ноября «Два мира» вышли уже отдельной книгой. Роман сразу же приобрел широкую популярность, вызвал многочисленные отклики в прессе. Весьма показательно, что первые рецензии на него появились опять-таки в красноармейской печати. Уже 17 ноября, буквально через несколько дней после выхода книги в свет, на страницах «Красного стрелка» была опубликована первая статья о ней. С развернутой оценкой романа выступил рецензент В. Наумов. Спустя месяц газета снова возвращается к книге Зазубрина, публикуя вторую по времени положительную рецензию на «Два мира».

Так «Красному стрелку» — органу Политуправления победоносной 5-й Армии — суждено было открыть дорогу в литературу автору первого советского романа. Этот факт по-своему символичен. Походная, боевая красноармейская газета, прошедшая вместе со своими читателями путь от Волги до Байкала, по праву может быть названа не только своеобразной героической летописью борьбы и побед нашего народа над объединенными силами контрреволюции, но и провозвестницей нового искусства, рож-

давшегося в самом горниле борьбы, под скороговорку пулеметов и треск винтовочных выстрелов. На ее страницах рядом с боевыми сводками появились первые стихи и песни Лебедева-Кумача, искрящиеся жизнерадостным здоровым смехом сатирические фельетоны Ярослава Гашека, стихотворения, полные революционного пафоса и юношеского задора, Игоря Славнина и других красноармейских поэтов. Армейский политработник Владимир Зубцов на тех же страницах и в то же время быстро и уверенно вырастал в литератора Зазубрина — публициста, очеркиста, романиста, стремительно пройдя путь от жанра газетной передовицы до эпического полотна — многопланового романа.

АЛЬМАНАХ «АНГАРА» № 6

Составитель А. М. Шастин.
Редактор Л. А. Васильева.
Худож. редактор А. И. Аносов.
Корректор П. Ю. Козловская.

Сдано в набор 16/XI-70 г. Подписано в печать 17/XII-70 г. Печ. л. 12,28.
Уч.-изд. л. 13,0. Бумага тип. № 1. Формат 70×90¹/₁₆. Тираж 5000.
Заказ 4819. НЕ 00689. Цена 40 коп.
Восточно-Сибирское книжное издательство, г. Иркутск, ул. Горького, 36.
Типография «Восточно-Сибирской правды», ул. Советская, 109.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Если вы любите художественную литературу — прозу и поэзию — и вас волнуют социальные проблемы, —

ВЫПИСЫВАЙТЕ АЛЬМАНАХ «СИБИРЬ»

Если вас интересует прошлое, настоящее и будущее Иркутской области и Забайкалья, если вам нравятся путешествия и приключения и вы любитель пофантазировать, —

ВЫПИСЫВАЙТЕ АЛЬМАНАХ «СИБИРЬ»

Каждые два месяца вам принесут на дом свежий номер альманаха «Сибирь», в котором вы найдете и серьезную прозу, и юмор, и фантастику, и приключения, и публицистику, и краеведческие материалы, и детский раздел «Туесок» —

ВЫПИСЫВАЙТЕ АЛЬМАНАХ «СИБИРЬ»

В 1971 году на страницах альманаха «Сибирь» вы прочтете произведения поэтов и писателей из Иркутска, Читы, Москвы, Новосибирска, Улан-Удэ и других городов Советского Союза. Валентин Распутин и Марк Сергеев, Геннадий Машкин и Вячеслав Шугаев, Александр Вампилов и Георгий Граубин, Илья Фоняков и Владимир Костров, Валентина Марина и Елена Жилкина, Ростислав Филиппов и Петр Реутский, Константин Седых и Василий Балябин, Лев Кукуев и Иннокентий Луговской, Анатолий Шастин и Дмитрий Сергеев, Виктор Киселев и Геннадий Николаев, Евгений Раппопорт и Виктор Соколов — все эти литераторы обещали альманаху свои произведения.

ВЫПИСЫВАЙТЕ АЛЬМАНАХ «СИБИРЬ»

В 1971 году будут опубликованы новые уникальные материалы о творчестве В. Маяковского и И. Эренбурга, рассказы И. Бабеля и стихи Н. Асеева, интереснейшие очерки и рассказы о пограничниках, приключенческая повесть, написанная на погранзаставе Забайкальского погранокруга. Статьи о Китае и Монголии, переводы иностранных авторов и многое другое вы прочтете, если

ВЫПИШЕТЕ АЛЬМАНАХ «СИБИРЬ»

КО ВСЕМ ДРУЗЬЯМ АЛЬМАНАХА

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Редколлегия выражает глубокую признательность всем авторам, участвовавшим в создании альманаха в 1970 году, всем читателям, любезно проявившим внимание к альманаху, и критикам, серьезно и доброжелательно обсуждавшим нашу работу. Редколлегия горячо приветствует всех друзей альманаха и желает им в Новом году крепкого здоровья, активной творческой деятельности, успехов и счастья.

С Новым годом, дорогие товарищи!

40 коп.